

ВЕСТНИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ В ШКОЛАХ ВЫПУСК 4

ВЕСТНИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

№4, 2002

(Восстановительное правосудие
в школах)

Издание выходит в рамках проекта «Разработка стандарта и создание системы профилактики преступности несовершеннолетних в Пермской области» (рук. Флямер М.Г.), финансируемого из целевой областной программы «Семья и дети Прикамья».

Общественный центр
«Судебно-правовая реформа»
Издательская лицензия ЛР № 030828
от 3 июня 1998 г.

Редакторская группа:

Флямер М.Г., Максудов Р.Р., Коновалов А.Ю.

Ответственный за выпуск: Коновалов А.Ю.

Литературный редактор: Козлова В.В.

Компьютерная верстка: Гордеева Е.

Адрес Центра
Москва, Кржижановского, 20/30
корпус 5, офис 522
Телефон: (095) 129-98-01
E-mail: center_SPR@mtu-net.ru
Сайт: www.sprc.ru

ISBN 5-901075-14-5

© Центр «Судебно-правовая реформа», 2002

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 3

КОНЦЕПЦИИ, ПОДХОДЫ, МЕТОДИКИ

Максудов Р.Р. Работа школьной службы примирения в ситуациях конфликта с участием представителей группировок подростков: проблема интеграции программ восстановительного правосудия в школы	4
Гатауллин А.Ф., Максудов Р.Р. Трансформация форм организации подростков	19
Кей С. Химовиц. Современные школьные фобии.	28
МакЭлри. Конфликты в школах. Решение «Выигрыш-выигрыш»	32

РАБОТА ШКОЛЬНЫХ СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ

Коновалов А. Организация школьных служб примирения	42
Рогаткин Д. Службы примирения в системе школьного самоуправления	52
Панова А. Некоторые особенности организации служб примирения в школах	60
Заманова Т. Заметки по созданию служб в учреждениях	62
Хегай А. Организация клуба «Примирение».	64

ОПИСАНИЕ СЛУЧАЕВ

Воронова Д. Примирение учителя и ученика. . .	68
Кривошеева Л. Межнациональный конфликт . . .	69
Зуева А. Назад в школу.	71

ДОКУМЕНТЫ

Основополагающее решение Совета Европейского союза от 15 марта 2001 года о месте жертв в уголовном судопроизводстве (перевод Смагловой Н.).	72
---	----

<u>ХРОНИКА В РЕГИОНАХ</u>	78
--	----

<u>ОБ АВТОРАХ</u>	83
------------------------------------	----

К читателям

Медиация должна приносить удовольствие!

Р. Коуэн

Представляем вашему вниманию первый тематический «Вестник восстановительной юстиции», посвященный организации программ восстановительного правосудия в школах.

Работа в школах по программам восстановительного правосудия началась три года назад, когда наш Центр проводил программы ВП в сотрудничестве с Таганским отделением милиции г. Москвы.

Однако в ходе работы мы заметили, что большое количество конфликтных и криминальных ситуаций происходит в школе, причем обычно участники ситуации не стремятся сообщать о ней в милицию. Поэтому мы начали работать со школами района, проведя в течение месяца более 15 различных дел.

Школы приглашали нас для разрешения конфликтов, но в ходе работы стало понятно, что никакой автономный центр не сможет работать с таким количеством конфликтных ситуаций, которые возникают в разных школах района и города. Поэтому мы пришли к выводу, что

нужно **в самих школах** создавать группы, способные разрешать криминальные и конфликтные ситуации восстановительным способом. Они должны быть укоренены в структуре самой школы, а не быть для нее чем-то внешним и чужеродным. Так родилась идея **школьных служб примирения**.

Нами были отобраны две школы в районе, наиболее открытые новому опыту. Хочется поблагодарить Дроздову Маргариту Ивановну, Дурову Елену Сергеевну из школы №464 и Городкину Марину Юрьевну из УВК №1685, поверивших в эту идею и поддержавших проект.

Вместе с нами работу по созданию служб примирения начали наши коллеги в Великом Новгороде и Петрозаводске: Тамара Заманова и Денис Рогаткин. Так родился совместный годовой проект, поддержанный фондом Сороса. Он показал реальность школьных служб, в том числе с участием школьников в качестве ведущих программ восстановительного правосудия. Было разрешено более 30 конфликтных и криминальных ситуаций. Это были конфликты между учениками, конфликты учитель–ученик, ситуации социального сиротства и изгоев класса, конфликты между учениками разных национальностей, ситуации групповых конфликтов и «стрелок». Одним из перспективных направлений работы служб является работа со школьными криминальными группировками.

Московский комитет образования в лице Ершовой Н.Ф., Максимовой Т.И., Саватеевой Т.И., Зобковой Л.И. оказывает поддержку развитию служб примирения в Москве.

В настоящее время другие города хотят внедрить в своих школах службы примирения.

В этом «Вестнике» мы решили рассказать о российском и зарубежном опыте организации восстановительного правосудия в школах. Надеемся, это поможет представить возможные направления работы в области восстановительного правосудия в школе, а также поможет заинтересовавшимся начать собственную работу по организации службы.

*С уважением,
руководитель проекта «Школьные службы примирения»
Антон Коновалов*

КОНЦЕПЦИИ, ПОДХОДЫ, МЕТОДИКИ

Р.Р. Максудов

Работа школьной службы примирения в ситуациях конфликта с участием представителей группировок подростков: проблема интеграции программ восстановительного правосудия в школы

Мое участие в разработке темы «Анализ деятельности подростковых группировок¹» можно датировать с 1987 г., когда по инициативе руководителя социологической лаборатории Казанского государственного университета А.Л.Салагаева я предпринял анализ формирования одной из самых известных банд Казани в 70-х годах и влияния деятельности этой банды на подростковый мир. На основе данных материалов сотрудник лаборатории А.Ф. Гатауллин произвел дальнейшую концептуальную разработку этой темы. Была построена объяснительная модель трансформации форм организации подросткового общества (драк, лидерства, взаимоотношений внутри подростков)². Важнейшим элементом нашей работы в то время была позиция МВД Татарстана. Именно это ведомство сделало заказ на такую работу. Одним из важных оснований заказа было понимание со стороны сотрудников милиции социальных оснований такого явления, как подростковые группировки.

Одной из стратегий работы государства по профилактике подростковой преступности и тогда, и в настоящее время является выделение средств на создание различных досуговых Центров для подростков. Но насколько эффективна такая стратегия? Давайте задумаемся в некоторые журналистские материалы 2002 г.:

«Известиям» удалось расследовать, как работают школьные банды в столице Бурятии Улан-Удэ – наиболее зараженном школьным рэкетом городе России. Организованные в банды местные школьники, вымогая деньги у одноклассников, формируют уголовный «общак» настоящих

преступников. «Ты чей будешь?» – так в столице Бурятии Улан-Удэ обращаются друг к другу незнакомые дети и подростки. Это означает: кому ты платишь дань, кто твоя «крыша»? Если никому, значит, ты «лох», которого каждый в любой момент может «поставить на бабки». Если платят тебе – ты «крутой», тебя уважают. Жаловаться взрослым не принято³.

В городском УВД Екатеринбурга корреспонденту «Известий» Сергею Авдееву сообщили, что проблема актуальна и сейчас. Информация о «школьном рэжете» в сводках встречается часто.

В Башкирии, где проблема чрезвычайно остра, с рэжетом борются радикально. Инспектора по делам несовершеннолетних ходят по школам, убеждают детей не скрывать факты вымогательства, а сообщать о них взрослым. При обращении в милицию они берут на себя обязанности оперативников и сами выезжают на «стрелки», на которых должны передаваться деньги. Милиционеры дают потерпевшим ребятам меченые купюры и задерживают вымогателей с личным, сообщает наш корреспондент Татьяна Майорова.

В Татарстане вымогательством занимаются даже девочки. В Нижнекамске две 15-летние школьницы и их 17-летний приятель вымогали 500 рублей у 13-летней девочки. Чтобы устроить, ее заперли в полутемном подвале, где несчастная провела без еды целых два дня. Преступников удалось задержать. Сейчас следователи выясняют, не числятся ли за ними другие подобные преступления, передает корреспондент «Известий» Юрий Николаев. Согласно опросу, проведенному на днях республиканской прокуратурой среди 4719 учащихся в крупнейших городах Татарстана, более половины местных школьников подвергались вымогательству. Каждая вторая жертва не смогла противостоять любителям легкой наживы и распрощалась со своим имуществом или деньгами. Даже если пострадавший подросток рассказал о случившемся родителям, те не обращались с заявлением в милицию.

В Астрахани «школьный рэжет» напрямую связан с детскими амбициями. Например, ученики обычной средней школы № 59 держат в напряжении соседнюю гимназию № 4, где учиться гораздо престижнее. «Наши пацаны ходят в столовую гимназии – она лучше, а деньги «стреляют» по дороге», – рассказал нашему корреспонденту Галине Годуновой один из учеников 59-й школы. Президент астраханского правозащитного центра молодежи «Доверие» Зира Укасова говорит, что у местных школьников сейчас в ходу так называемый «обмен»: могут вынудить обменять роскошный велосипед на зажигалку.

В Ростове-на-Дону распространен принцип «крышевания», сообщает корреспондент «Известий» Елена Строителева. Старшеклассники «сшибают» деньги с младших, при этом каждый знает, кому он платит. «Если за данью обратится «левый» сборщик податей, то ему дадут знать, что сначала надо разобраться с «крышей», – утверждает отец шестиклассника ростовской школы № 4. Иногда разбирательства доходят до рукоприкладства. Сотрудники ростовского молодежного телефона доверия, куда часто обращаются жертвы вымогателей, выяснили, на что уходят отобранные деньги. Оказалось, что старшеклассники обычно тратят их на выпивку и легкие наркотики, которые купить в большинстве местных школ сейчас несложно.

В Волгограде подростки вымогают друг у друга не только деньги, но и компакт-диски, кассеты, проездные билеты, передает корреспондент «Известий» Татьяна Филимонова⁴.

Явление детского рэкета есть показатель существования подростковых группировок и транслирования во многих учебных заведениях криминально ориентированной подростковой субкультуры. Механизмы и функционирование подростковых группировок, на мой взгляд, не стали в России предметом глубокого социокультурного анализа. Немногие работы в этой области чаще всего приводят традиционные для советской социологии классификационные таблицы различных объединений подростков для определения, какие из них являются «неправильными», а какие «правильными». С другой стороны, существует определенное количество работ, в которых говорится о необходимости изучения подростковых группировок, приводятся социально-психологические и психологические данные об осужденных подростках, чаще всего полученные в колониях. Но в рекомендациях часто звучат привычные для советского уха призывы усилить индивидуальный подход, расширять сеть кружков по месту жительства и т.д. и т.п.⁵

Главной проблемой анализа подростковых группировок является построение системного идеального объекта, в котором задано место подростковых группировок как организованности внутри объемлющего целого, которым, на наш взгляд, являются процессы социализации молодежи. Несмотря на все призывы учитывать социальный контекст, исследователи нередко осуществляют абстрагирование групп эмпирически наблюдаемых подростков и задают жесткие

предметные социально-психологические границы⁶. При этом нельзя отрицать в определенном смысле полезность такого анализа, предполагающего выяснение системы статусов, ролей, способов завоевания авторитета и отвержения в группах подростков. В то же время, такое абстрагирование приводит к тому, что при изучении криминальных группировок подростков не происходит конструирование моделей механизмов, показывающих, как дети лишаются влияния позитивных социальных институтов и становятся членами подростковых группировок. В противном случае может возникнуть версия (в стиле Ламброзо) существования врожденных психофизических механизмов, толкающих подростков на путь правонарушений. Если мы признаем важность стратегии исследования на основе моделей, показывающих, какие социальные процессы обеспечивают воспроизводство подростковых группировок в массовом масштабе, должны быть построены проекты деятельности, противостоящих данному процессу. Из известных нам разработок наиболее удачная попытка построения таких практически ориентированных моделей предпринята Дж. Брейтуэйтом в книге «Преступление, стыд и воссоединение»⁷. Брейтуэйт вводит модель реализации обществом клеймящего стыда как основного механизма превращения подростков в правонарушителей и с использованием опыта уголовной политики различных стран и анализа семейных ситуаций конструирует модели воссоединяющего стыда, противостоящего этим процессам.

В анализе нуждаются российские механизмы процессов социализации и трансляции социальных норм, которые как бы составляют «толщу» повседневности жизни и с неумолимым автоматизмом осваиваются большинством подростков. И только после этого можно переходить к собственно анализу самих группировок как производных от происходящих в обществе процессов.

Определенные шаги по социологическому анализу формы организации общества и нормативных регуляторов данной формы, которые являются основанием социализации подростков, сделаны в работе А.Н.Олейника «Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти». Олейник, говоря об особенностях России, задает идеально типическую конструкцию «маленького» общества», служащую ориентиром для построения моделей социализации подростков. Данный автор дает следующую характеристику этому типу в отличие от «большого» общества, под которым подразумевает прежде всего западные страны. В «маленьком» обществе отсутствуют:

1. границы между сферами деятельности (или, скорее, институтами);
2. границы между публичной и частной жизнью;
3. контроль за насилием;
4. формальные регуляторы отношений между людьми, но
5. преобладают персонифицированные⁸.

А.Н.Олейник выделяет персонифицированный характер взаимоотношений между людьми, семейно-родственный характер функционирования групп, традиции бесконтрольного применения насилия властью и между людьми как модельную основу для представления российского общества. Неформальное обучение таким отношениям начинается в детстве и достигает своего апогея в подростковом возрасте, когда подростки осваивают нормативность, выражаясь терминологией А.Н.Олейника, «маленького» общества – презрение к соблюдению моральных норм вне своего круга, культ репрессивных форм разрешения конфликтов и ситуаций, полное подчинение властвующим субъектам внутри организационно-производственных единиц, опору на лично-опосредованное доверие, а не формально-правовые институты.

Анализ А.Н.Олейника показывает необходимость учета инерционности такого типа общества при реформаторских действиях и, соответственно, понимание того, какие действия необходимо осуществлять, чтобы добиваться органичного вхождения норм «маленького» общества в нормы «больших» обществ, предполагающих правовые регуляторы, контроль за насилием и т.д. Но остается вопрос: какие механизмы работают на усвоение норм «маленького» общества и обеспечивают воспроизводство именно такого общества? Этим механизмом является социализация как естественно протекающий процесс и в определенном смысле противостоящий нормативно полагаемому состоянию вещей. Особенности социализации молодежи и приводят к «жизни» подростковые группировки. Задание социализации как естественного процесса и одновременно механизма усвоения определенных социальных норм должно показать роль в этом подростковых группировок. Такое рассмотрение позволяет преодолеть предметные социально-психологические границы. Если мы ориентируемся на выделение механизмов социализации и одновременно прорисовку в рамках этих механизмов объекта и содержания управленческого действия, необходимо уже привлекать в качестве оснований целостные модели общества,

структура которых могла бы в дальнейшем разворачиваться в направлении прикладных исследований и управленческих разработок⁹. В нашем случае необходимы конструкции, указывающие на содержание управленческого действия и *полагаемый ею объект* для управления процессами группообразования молодежи, уменьшения притока подростков в группировки и влияния последних на детскую и подростковую среду¹⁰.

Таким образом, объектом управленческого действия становится социализация как естественно протекающий процесс, а управленческое действие должно быть задано за счет анализа, отсутствие каких управленческих единиц в обществе (и соответственно требующих восстановления) приводит к «неправильной» социализации молодежи, и, соответственно, к распространению в массовых масштабах подростковых группировок.

В социологии социализация понимается как усвоение индивидами норм общества¹¹. Социализация в плане механизма представляется через деятельность «агентов» социализации – семья, школа, компания сверстников, массовая культура. Далее дается перечень агентов социализации и раскрываются особенности их влияния на социализацию. Основной проблемой конструкций, которые предлагают исследователи для анализа процесса социализации, является функциональное неразличение двух процессов: приобретение человеком места в нормативно принятых социально-производственных системах (социализация является условием для такого приобретения) и такой же процесс попадания человека на место в криминальных структурах. Обычно такие процессы анализировались в предмете социологии преступности, но на сегодняшний день мы имеем в этом направлении больше проблем, чем ответов¹². Особенностью нашей страны является отсутствие принятых и реализуемых моделей социализации молодежи, а то, что реализуется сегодня, и есть основной тормоз движения, по выражению А.Н.Олейника, к «большому» обществу. Для исследователей, сегодня анализирующих процессы социализации, достаточно трудно признать факт, что реализуемая деятельность «благополучных» семей, школ, сверстников является одним из тормозов развития нашей страны и именно там усваиваются и принимаются навыки не цивилизованного взаимодействия и взаимоотношений. Обычная риторика исследователей в этой области – надо работать с семьей, наладить воспитание в школах, ПТУ, по месту жительства, и тогда социализация будет проходить нормально. Но остается следующий вопрос: можно ли в принципе в условиях непрекращающегося конфликта уровней и ветвей власти, власти и общества, власти и бизнеса, власти и СМИ, жестких конфликтов внутри корпораций, поколенческих сдвигов и конфликтов, жесткой политической борьбы, говорить о социализации как о налаживании нормальной работы ненормально функционирующих всех агентов социализации? Я утверждаю, что в современных условиях России нельзя построить и реализовать модель налаживания работы того или иного агента социализации. Необходимо выделить процессы, характерные для работы всех агентов, и работать одновременно со всеми агентами социализации. Причем, эта работа должна вестись в ориентации на анализ исторически значимых тенденций в области работы с подрастающим поколением, прежде всего воспитания, и в опоре на сообщества во всем мире, работающие с этими тенденциями. В период кризиса работы с отклоняющимся поведением и усиления репрессивных практик со стороны многих государств во всем мире¹³, формируется общность поверх национального и государственно-политического устройства, которая институционально строит ответ на этот вызов времени. Эта общность сегодня вызревает во всех странах в порах общественных и государственных структур и выращивает институты противодействия репрессивно-подавляющему началу государства. Миссия этой общности в истории – ответить на этот вызов и создать воспроизводящие формы противодействия таким тенденциям. Важная роль в этом процессе видимо будет принадлежать образовательным инициативам и общественности, несущей в разных формах такие инициативы¹⁴. Новые образовательные инициативы могут существовать не обязательно на базе школ, коллектив которых в значительной мере является достаточно консервативным образованием. В такой постановке вопроса можно говорить о проектах образовательных инициатив, которые за счет введения новых «агентов» захватывают и перестраивают деятельность существующих «агентов» воспитания. Создание детских служб примирения (которые могут существовать не только в школах) является введением таких новых «агентов», с одной стороны, с другой – является восстановлением на новой основе со стороны взрослых, исповедующих не репрессивную идеологию управления детскими клубными структурами в направлении усвоения школьниками средств цивилизованного разрешения конфликтов и противодействия существующей социализации. В чем особенности

существующего процесса социализации? Сегодня мы имеем множество (как минимум – три) трасс процесса социализации:

1. Социализация для занятия места в одобряемых властью и частично одобряемых населением организациях: это сама власть и государственные учреждения, бизнес, поддерживаемые властью религиозные конфессии.
2. Социализация для занятия места в маргинальных для власти и населения организациях: это прежде всего организации общественности в разных формах и оппозирующие власти и бизнесу. Для власти это постоянный источник беспокойства и одновременно ограбления (например, через структуру налогообложения).
3. Социализация в неодобряемые властью, но терпимые для населения криминальные (не террористические) организации.

Во всех трех трассах социализации закладываются авторитарные формы взаимодействия, терпимое отношение к насилию и репрессивным методам разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. Насилие и его персонажи-носители воспеваются почти во всех СМИ и массовой литературе (часто бизнесмены и сотрудники милиции в таких сагах неотличимы от криминальных авторитетов)¹⁵.

Мне кажется, что попадание в группировки и криминальные банды в России чаще всего происходит не только благодаря клеймению, как утверждает Дж. Брейтуэйт¹⁶, но и потому, что в группировке подросток проходит школу выживания, необходимую ему для жизни во взрослом мире. Но в отличие от прежних дворовых компаний, где осваивались некоторые универсальные ценности, реализуемые в принципе во всех отношениях и всеми людьми, подростковые группировки имеют функцию освоения полукриминальных форм жизни, характерных для сегодняшних бизнеса и власти. Нельзя сказать, что усвоение насильственных регуляторов поведения происходит только в группировках. В группировки скорее объединяются дети, которые уже фактически вытолкнуты из привычных форм функционирования и опеки и в то же время не сломавшиеся из-за жизненных ситуаций и претендующие на лидерство. Как способствуют созданию подростковых группировок территориальные «агенты» социализации, в том числе и школа? Для проведения таких исследований и разработок необходимо вводить целостную модель общества и конструировать естественно протекающие процессы социализации как альтернативные нормативно полагаемым процессам. С другой стороны, данная модель должна содержать основания для анализа восстановления управленческих единиц.

Такие представления можно сконструировать на базе разработок Г.П.Щедровицкого, который задал модель общества. Данная модель позволяет выделить следующие конституирующие общество элементы:

- производство как система жестко определенных социальных мест. Например, структура мест «учитель-ученик»;
- культура как канал трансляции норм, позволяющих деятельности воспроизводиться и определяющих содержание воспитания и обучения человека;
- быт и потребление;

«В каждой из этих структур, образно говоря, есть «места» для людей; люди на какой-то промежуток времени подключаются к каждой из них, «занимают» эти места, но только на время, а затем покидают их и «переходят» в другие структуры. Значит, жизнь людей охватывает все эти структуры, но не сводится к ним, она проходит еще и вне их, во всяком случае, в моменты переходов. Поэтому, отвлекаясь от пространственно-временных условий жизни людей, но точно передавая логику отношения (по крайней мере в первом приближении), мы должны поместить людей в особой сфере, лежащей как бы между этими тремя блоками. Это – особое «пространство» человеческой жизни, в котором происходит «свободное» движение людей; в нем они сталкиваются и взаимодействуют как независимые личности, в нем они относятся друг к другу по поводу производства, потребления и культуры. Это – сфера особых, личных и «личностных» отношений. Именно она объединяет три других блока системы в одно целое и образует область, без которой не может быть «общества». Именно отсюда три других блока «черпают» человеческий материал, и сюда же они возвращают его «использованным» или обогащенным в зависимости от социально-экономической структуры сфер производства, потребления и обучения»¹⁷.

- клубные (личностные) отношения. И здесь важно отметить, что воспитание детей и усвоение цивилизованных норм с точки зрения данной модели должно идти в клубе – пространстве личностных взаимоотношений.

Схема модели общества

Схема

«Этот вывод, полученный из анализа понятия «общество», может быть перенесен уже непосредственно на жизнь детей. Конечно, наивным и неправильным было бы искать у детей «общество» с точно такой же структурой, изображенной на схеме. У детей не может быть «общества» в точном смысле этого слова, «общества», живущего независимо от влияния взрослых. Взрослые, и в частности воспитатели, постоянно вмешиваются в жизнь детей, организуют и перестраивают ее по своему усмотрению, в соответствии со своими задачами. И так всегда должно быть. Но вопрос в том, во что они вмешиваются и как вмешиваются.

Часто вмешиваются так, что при этом разрушается и даже совсем исключается сфера личностных отношений между детьми, их самостоятельность в установлении и построении этих отношений. Вместо самостоятельности детей и их отношений друг к другу мы получаем сферу «парных отношений» воспитатель–ребенок, в которой очень мало остается от собственно общественных отношений (ибо нет равенства возможностей), в которой у ребенка не может быть свободы в построении своих отношений, и, следовательно, не могут развиваться общественные и истинно нравственные качества.

Значит, для формирования у детей общественных качеств и нравственного самосознания нужно создавать соответствующие условия, организовывать и постоянно сохранять сферу их «личностных» отношений, стимулировать самостоятельность детей, «свободу» в установлении отношений друг с другом.

Но это и будет созданием «общества» детей, «детского общества» в точном соответствии со структурой разобранного понятия.

И такой вывод определяет как работу воспитателя, так и направление дальнейших исследований. Необходимо ответить на вопрос, как можно и нужно вмешиваться в жизнь детей и активно организовывать ее, чтобы при этом не разрушалась детская самостоятельность в сфере «личностных» отношений, чтобы не разрушалось «детское общество». Где и как это возможно?»¹⁸.

«Детское сообщество, – как отмечает Ю.В.Громыко, – функционирующее на основе искусственно-естественных механизмов, сформированных отношениями взрослых и детей, а не какими-то исходно врожденными структурами детского сознания, отображает структуру общества взрослых и должно внутри себя воспроизводить и имитировать всю генетическую матрицу. Именно в структуре детского общества осуществляется проращивание целостного общественного воспроизводства. К сожалению, образовательная социология до настоящего момента очень мало уделяла внимания исследованию и описанию устройства детского сообщества с точки зрения анализа и имитации в системе его форм и воспроизводства на его основе полной структуры общественного воспроизводства. А в этих отношениях, как нам представляется, все дело»¹⁹.

Что мешает взрослым управлять школьными конфликтами и, соответственно, создает благоприятные условия для воспроизводства криминальной субкультуры? Можно выделить следующие элементы школьной ситуации:

1. Неумение взрослых работать с детьми как представителями подросткового сообщества. В учительской среде господствует мнение, что школа должна давать знания, а воспитывать должна семья. Подавляющее большинство учителей, задавленное школьной рутинной, не интересуется жизнью учеников.

2. Часто правила школьной жизни построены так, что их реализация не способствует освоению навыков общения, культурных форм завоевания авторитета и способностей, необходимых для будущей жизни. Материально необеспеченные дети должны участвовать в производстве материальных благ для себя, а также поддержания статуса. Придя в школу, не имея за собой обеспечивающих деньги и статус родителей, дети, отягощенные семейной ситуацией, не могут приобрести значимое место в школьном производстве за счет овладения школьными предметами. Часть из них приобретает статус отверженных, а часть становится школьными авторитетами и нередко занимается вымогательством. В этой ситуации

происходит не регулируемое взрослыми расслаивание детей и примитивизация отношений, которые описаны У.Голдингом в романе «Повелитель мух».

3. Но и успевающие дети фактически попадают под влияние подростковой субкультуры, поскольку и для них возможность самоутвердиться, особенно в подростковом возрасте, ограничена. Такие признаваемые учителями способы самоутверждения, как успеваемость по предметам или участие в инициированных дирекцией школы мероприятиях, в подростковом возрасте уже не признаются как значимые.

Сейчас ясно, что подростковое сообщество играет важную роль в социализации подростков в плане освоения «взрослых» форм отношений между людьми. Любовь, дружба, ненависть, выработка отношения к людям и событиям, а также постановка и реализация целей составляют основу человеческого существования. Подростковое общество дает возможность как бы примерить эти отношения на себя, часто через преодоление искусственно создаваемых самими подростками экстремальных ситуаций. Подростковое сообщество есть форма коллективности, в которой через такое «примеривание» вырабатывается индивидуальное отношение к миру и людям. Этому способствует личностно-значимая коммуникация, когда разнообразные отношения и поступки становятся предметом обсуждения самих подростков.

Но для того чтобы подростки осваивали действительно цивилизованные формы общения и деятельности, необходимо управление этим процессом со стороны взрослых, прежде всего через неавторитарные способы разрешения конфликтов. Те способы разрешения конфликтов, которые чаще всего практикуется учителями, по мере взросления подростков отторгают их от учительского влияния. Можно задать гипотезу, нуждающуюся в проверке: учителя чаще всего пользуются тремя способами разрешения конфликтов и криминальных ситуаций – морализаторство, клеймение и формальное разрешение. Клеймение проявляется в случае, когда дело уже приняло серьезный оборот и получило огласку среди родителей или милиции. Формальное разрешение конфликтов («оба виноваты и поэтому нужно мириться») практикуется в младшем школьном возрасте и действительно иногда срабатывают). Но по мере взросления ситуации детей становятся все более дифференцированными, возрастает количество случаев, не поддающихся стандартным формам реагирования, и здесь чаще всего дети не получают поддержки.

Не способствует участию взрослых и педагогическая доктрина. Как отмечает Г.П. Щедровицкий, «во многих педагогических работах высказывается отрицательное отношение к воспитанию методом «конфликтов». Считается, что педагог-воспитатель не должен их создавать и не должен ими пользоваться в воспитательных целях. Эта позиция неоправданна. «Конфликты» (или разрывы) во взаимоотношениях между детьми постоянно возникают. И задача воспитателя состоит совсем не в том, чтобы стараться избежать их, а в том, чтобы использовать их в целях воспитания. Больше того, наверное, можно сказать, что без этих конфликтов воспитание вообще невозможно. Единственный результат указанной педагогической доктрины избегания конфликтов состоит в том, что педагог-воспитатель теряет возможность управлять детскими конфликтами и действительно воспитывать детей. Думается, что вербализм в воспитании и есть следствие этой доктрины. А если мы хотим воспитывать реально, то нам, очевидно, придется *руководить* конфликтами, а это значит также и создавать условия для них. Второй важнейший момент в ситуациях воспитания – это создание таких условий и такая постановка дополнительной задачи, чтобы предметом деятельности и сознания детей становились их взаимоотношения с другими детьми и воспитателями»²⁰. Сегодня происходит медленное освоение идеологии необходимости работы с конфликтами, публикуются учебники по конфликтологии, но управление конфликтами как осознанное педагогическое действие в большинстве школ не происходит.

Каковы же сегодня территориальные единицы социализации, как естественного процесса, способствующего усвоению детьми репрессивных средств разрешения социальных ситуаций. Можно выделить следующие области жизни подростков, частично охватываемых школой, в соответствии с различием клуба и производства. Одним из главных принципов дальнейшего анализа является выделение целостных единиц человеческого существования с клубом и производством как элементами этой целостности.

1. *Учебный процесс и воспитательные мероприятия.* Можно охарактеризовать учебный процесс и воспитательные мероприятия как редуцированные формы жизни как для учеников, так и для учителей. Отношения учителей и школьников построены так, что фактически исключают клубные (личностные) структуры взаимодействия учителей и школьников. Но и

- отношения учителей построены так, что не возникают клубные структуры взаимодействия учителей по поводу учебного процесса. Поэтому рядом с ним надстроены две структуры:
2. *Административно-управленческое производство персонала школы*, и клубные структуры, где главной задачей является борьба за влияние и статус, а также максимальное втягивание родителей в решение материальных задач школы.
 3. *Подростковое производство*, где группы влияния и отдельные лидеры реализуют властные функции через инициирование конфликтов и разбирательств, демонстрацию силы и извлечение прибыли из своего статуса, и клубные структуры, где идет борьба за лидерство, возникают коалиции, устанавливается стратификация и нормировка действий подростков. Территорией, на которой происходит подростковая жизнь, являются школьный туалет, где во время курения обсуждаются различные вопросы, школьный двор, скамейки, спортивные площадки и футбольное поле как пространство спортивного единоборства (нередко перетекающего в драки). Зона школьной жизни подростков связана с другими формами жизни. Для многих подростков, особенно для тех, кто уже в раннем возрасте стоит перед проблемой выживания (часто не обязательно из-за пьянства родителей, а из желания помочь сестрам и братьям), улица является главной кормилицей. Если при этом происходит клеймение таких подростков взрослыми и они не находят поддержки со стороны других
 4. *позитивно влияющих и значимых взрослых*, например, учителей или руководителей подростковых клубов, они могут попасть в орбиту криминальной деятельности. Но отдельные подростки попадают (или вовлекаются) в орбиту преступной субкультуры, если на данной территории уже существуют
 5. *криминальные или полукриминальные формы организации жизни подростков*. Например, в одном из районов г.Москвы такой формой была группа подростков, работающая на бензоколонке. В другом – группа подростков, проводящая время в кафе большого парка. Здесь мы уже имеем такой промежуточный вид подросткового объединения, который проходит эволюцию от группировки к банде.

Не имея поддержки со стороны взрослых, не осваивая навыки нормального выхода из конфликтных ситуаций, дети, не участвуя в деятельности, заключающейся в анализе и нормировке отношений с другими детьми и воспитателями, начинают все богатство отношений и разнообразные способы их регулирования подменять одним типом – авторитарными взаимоотношениями и действиями²¹. Более того, замыкаясь в собственной среде и в этом смысле оказываясь выключенными из пространства культурных регуляторов поведения и отношений, они несут свои разрушительные навыки в социум. Видимо, это и есть подлинная основа криминализации российского общества.

Тема подростковых группировок и «стрелок» как основного феномена бытования группировок рассматривалась на семинарах Центра «Судебно-правовая реформа», посвященных анализу создания школьных служб примирения. В ходе семинаров с участием подростков выяснилось следующее:

1. «Стрелки» – достаточно распространенное явление в подростковой среде.
2. Организация «стрелок» – форма самоутверждения и удержания (приобретения) высокого статуса лидеров подростковых группировок.
3. «Стрелки» – стандартная форма преимущественно насильственного разрешения конфликтов между подростками, форма перераспределения и завоевания власти, борьбы за влияние и возможность безнаказанно осуществлять криминальные действия.
4. Во многих школах дети из благополучных семей (чаще всего девочки) не знают о существовании криминального контекста «стрелок».
5. Для того чтобы работать по предотвращению насильственного разрешения конфликтов на «стрелках», нужно обладать высоким статусом, и, по мнению и мальчиков и девочек, такой работой могут заниматься прежде всего мальчики.

Проведение «стрелок» и участие в них значительной части детей показывает слом в механизмах воспитания. Фактически именно участие в «стрелках» формирует у детей исходный контркультурный опыт, поскольку отсутствует управление конфликтами детей со стороны взрослых. Как замечает Ю.В.Громько, «если у ребенка не формируется исходного общественного опыта или формируется антисоциальный или контркультурный опыт в той или иной сфере общественных отношений, этот изъян затем очень тяжело (по всей видимости, невозможно) преодолеть»²². В то же время взрослыми не фиксируется и не дается оценка такой ситуации как несправедливой, которая должна быть исправлена различными институтами

общества. А если обществом это не оценивается как несправедливое, то нет и основы для укоренения правосудия как поддерживающего цивилизованную форму отношений между людьми. Правда, необходимо заметить, что в России исторически общество не осуществляло контроль за насилием, поэтому здесь непрерывно воспроизводятся репрессивные практики как неконтролируемое и неосмысленное применение силы во взаимоотношениях власти и подданных, а также как основное средство достижения индивидами своих целей. Не являются ли стрелки и, соответственно, подростковые группировки генетически исходной формой освоения сегодняшними подростками репрессивных практик?²³ И не является ли отсутствие контроля со стороны общества за насилием и невнимание и даже порой поощрение насилия органами власти условием отсутствия юстиции как института контроля за насилием?

В этой ситуации взрослые и школьники должны сделать предметом своего анализа, оценки и действий формы организации детей, применяющих насилие и воспроизводящих формы для его применения. И возможно, такая работа, институционально закрепленная, создаст условия в будущем и для юстиции как институционально закрепленной и признаваемой обществом формы и средства контроля общества за насилием.

Пока же государство реагирует на уголовно наказуемые деяния подростков жесткими санкциями. Анализ уголовной политики России показывает усиление карательных санкций в отношении подростков, совершивших преступления. Данные видного российского криминолога Г.И. Забрянского показывают, что в области правосудия по делам несовершеннолетних наблюдаются негативные тенденции. Коэффициент осужденных 16-17-летних на 100 тысяч населения в 1997 г. был в России самым высоким по сравнению с другими возрастными группами²⁴. На основе его анализа можно сделать вывод, что даже те немногие меры в отношении несовершеннолетних правонарушителей, привлеченных к уголовной ответственности, позволяющие осуществить реабилитационные и восстановительные программы, используются очень слабо²⁵. По мнению Г.И.Забрянского, в настоящее время происходит *ужесточение наказания за счет повышения в системе наказания такой меры, как лишение свободы*²⁶.

То, что сообщества не берут на себя эту функцию, а в современной России значительная часть людей (особенно в Москве) поощряет репрессии по отношению к выходцам из Кавказа и Азии, является благоприятной средой для существования группировок, поскольку группировки имитируют силовые отношения в обществе. Поэтому бесконтрольное применение силы не просто определенная метка действий власти. Они указывают, что *эффект расползания репрессивности (захватывающей не только государственную власть) происходит в таком обществе, которое приемлет не поддающиеся нормативной оценке и регулированию способы действий (прежде всего силовые)*. Если данный тезис верен, возникает парадокс: население не заинтересовано в создании государства как цивилизованной формы, ограничивающей применение силы. Таким образом, характеризуя государственность в России, можно говорить не столько о государстве в современном смысле слова, сколько о властных органах (например, центральная и региональная власть), разрешающих или неформально предписывающих тем или иным ведомствам репрессивные действия. Правоохранительные органы и прокуратура представляют собой корпорации, культивирующие образцы применения репрессивности. Действия милиции – это в некотором смысле модель отношения власти к населению²⁷. Терпимость к этим действиям со стороны самых разных социальных групп свидетельствует о «расползании» репрессивности по всему обществу. Если эта модель будет единственной и доминирующей, то она и будет определять содержание социализации молодежи в плане освоения определенных форм взаимоотношений между людьми. За отношениями детей, объединениями их в группировки, насилием со стороны группировок можно видеть отблеск силовых форм отношений внутри взрослого общества.

Проведенный анализ показывает, что одной из стратегий работы с молодежью и воспитания должны быть усилия педагогов в создании концепций и методик управления взаимоотношениями и разрешения конфликтов между детьми, а также между детьми и взрослыми. Сейчас во многих школах педагоги пытаются реализовать идеи самоуправления школьников. Главной проблемой здесь я вижу выделение значимого для каждого возраста содержания самоуправления в направлении расширения границ ответственности детей и повышение влияния детей на жизнь взрослых. Самоуправление детей действительно становится самоуправлением, если при этом деятельность детей начинает влиять, а подчас определять жизнь взрослых. Это не значит, что взрослые перестают управлять этим процессом,

но посадка деревьев и разведение сада в школьном саду будут действительно акциями самоуправления, когда они будут прорасти внутри деятельности, выращиваемой самими детьми и функционально для них значимой, а предметом обсуждения будут также отношения взрослых и детей как важнейший элемент самоуправления.

Проведенный выше анализ сам по себе не дает представлений о том, что можно делать в отношении подростковых группировок и подростков, совершивших преступления. Программы восстановительного правосудия, использующие ценности исцеления, участия правонарушителя в исправлении нанесенного жертве зла, участие сообщества в коррекции поведения правонарушителя можно использовать как для управления индивидуальными конфликтами, так и ситуациями с участием представителей подростковых группировок. Сложность этого управления заключается в том, что часто такие конфликты несут на себе отпечаток подростковой субкультуры или – шире – субкультуры всего российского общества.

Но как можно, проводя программы восстановительного правосудия, работать с процессом изменения субкультуры? На мой взгляд, это можно делать, *вовлекая взрослых и детей в проведение программ восстановительного правосудия и постепенно, в течение многих лет, с помощью восстановительного правосудия и других гуманитарно ориентированных практик изменять российское общество.*

Детские службы примирения могут быть одной из новых единиц работы с молодежью и воспитания, препятствующих стихийному процессу социализации, и тем самым освоению подростками насильственных методов регулирования ситуаций и криминальной субкультуры.

Первым шагом в направлении такой работы была реализация проекта «Создание службы примирения в школе», поддержанной Институтом «Открытое общество» в 2001-2002 гг. В рамках этого проекта в нескольких школах Москвы, Великого Новгорода и Петрозаводска были созданы школьные службы примирения. Школьники, ведущие примирительных встреч получили подготовку и в настоящее время достаточно успешно проводят примирительные встречи по случаям внутришкольных конфликтов. Анализ работы данных служб было посвящено несколько семинаров с участием представителей Центра «Судебно-правовая реформа». В рамках данных семинаров были изучены попытки ведущих школьных служб примирения работать непосредственно на поле «стрелок». Анализ этих попыток является предметом рассмотрения данной части статьи. Начнем с рассказа ведущего программ примирения на семинаре в Музее и общественном Центре «Мир, прогресс и права человека» им. Андрея Сахарова:

Ведущий Кирилл: В школу пришел новый мальчик Влад²⁸. Он человек конфликтный, сразу захотел власти, и из-за этого у него было много проблем. Одна из компаний настроилась против Влада. Он ударил Сергея (за пределами школы), а Сергей обратился к «авторитету» Коле с просьбой наказать Влада за удар. А еще Сергей сказал, что он ездил в травмпункт, где заплатил за лечение, и пообещал Коле за помощь 150 рублей. Естественно, Коля не мог отказаться. Тут к ним подошел Саша, который тоже не любит Влада, и решил помочь наказанию. Так круг постепенно расширялся, денег на всех не хватало, и они решили поднять сумму до 500 рублей. Понятно, что Владу было от этого не сладко, и он решил «забить стрелу», приведя пару десятков пацанов со стороны. У него есть старший брат, и с помощью него он бы подогнал пару десятков пацанов. А поскольку у нас компания тоже не слабая, много старших, то понятно, что это кончилось бы кровопролитием: сломанные носы, выбитые зубы – это обязательно. И тут об этом узнаю я. Я по стечению обстоятельств опоздал на уроки и пришел в 10 часов (а «стрела» была забита в час).

От второстепенных участников (которые хотели так просто деньги взять) я узнаю о «стреле», мне, естественно, выдают приглашение, поскольку я из их среды. И я решаю разобраться, кто кому должен и в чем дело.

Я подошел поговорить к Владу, но он не склонен был говорить правду, поскольку надеялся на старшего брата (что тот ему поможет). Тогда я подошел к Саше, и тут у меня возникла проблема – мне нужно узнать причину и предотвратить стрелку, но при этом не встать на чью-то сторону. Но Саша своими действиями заставил меня встать на сторону Влада (поскольку встать на сторону большого количества я не мог, не рентабельно было), и я стал крутиться уже во всем этом. Я сказал Саше, что я плохого не делал, а только помогал. Эти слова его раздобрили, и он начал рассказывать, как все было. Но я понял, что его смущает, – поскольку идет дележка денег, и я хочу войти в долю. Я сказал, что мне денег не нужно, я просто хочу понять, что происходит. Тогда он меня вывел на всю компанию, которая всем этим промышляла. Я разговаривал со всеми, кроме Коли, который все это заварил. Он стоял особняком. Поскольку понимал, что я постараюсь

разрешить это мирно и помешать им взять деньги. И он не стал со мною разговаривать (один из всех). Меня это не устраивало, и я пошел назад к Владу и стал узнавать все до мельчайших подробностей.

А он, естественно, почувствовал, что я за него, и начал откровенно говорить. И тогда Влад упомянул, что Коля хотел сотню взять и втихую все замять, – этим шагом он бы обижал братву (те деньги вроде бы уже поделили, а тут он братву без денег оставляет). С этой информацией можно уже было идти к Коле. Я к нему подошел, он все это как-то с равнодушием обсуждал. Тогда, в виде шутки, я сказал, что деньги братвы и надо делиться. Он мне сказал: «Ты же ничего не делал, ты ничего не получишь». Я ответил: «Я-то ладно, и правда ничего не делал, а те пацаны, что старались и делали, как?» Коля понял, что его раскусили. Он просто опустил глаза и попросил меня не говорить об этом компании.

Потом я попросил у всех участников стрелы дополнительное время, чтобы поговорить именно с Сергеем (так как его не было на месте – он был дома). Мы отправились к Сергею, а тот просто сказал: «Да, мне нужны были деньги, и я все это выдумал». Потом формально была проведена со всеми примирительная работа, то есть Влад разговаривал со всеми участниками наедине, и все в принципе уладили.

Ну, Влад такой мальчик – короче, мы за ним пристально смотрели. И оказалось, что он влез еще в одну неприятность. Где-то он еще успел обидеть Витю. И они тоже забили стрелу друг другу. Нас с другом, как жителей района, позвали посмотреть – мы решили, что это как-то некорректно – мы служба примирения, а оказываемся в роли наблюдателей бойни. И получается, что мы должны это как-то предотвратить. Ну мы им говорим: «Давайте отойдем. А то кто-нибудь милицию вызовет, и проблемы будут». Ну, пацаны все курящие были, и мы устроили перекур. А главное, пока они курили, то уже успели остыть, и драться им расхотелось. Нужно было уже просто разрядить обстановку, сказать пару шуток. Ну, я сказал, пускай с каждой стороны будет по два представителя, которые на другой стороне поля, где ни маленькие, ни милиция не увидят, разберутся между собой. И пока они шли (поле-то длинное), успели помириться.

Прежде всего, при анализе этого случая возникает вопрос, а имело ли место проведение программы восстановительного правосудия? Действительно, формат переговоров, который вел ведущий, не отвечает требованиям, указанным в пособиях для ведущих. Не было предварительных встреч с представлением ведущих, анализа проблем участников, подготовки участников к примирительной встрече и проведения самой встречи в определенном формате. Но самым принципиальным является вопрос, были ли реализованы основные принципы восстановительного правосудия: приоритет нужд жертвы, передача полномочий сторонам, ответственность правонарушителя, нормализация отношений. Судя по приведенному отрывку, не совсем. Но давайте задумаемся, как возможно разрешать конфликты в ситуации, в которой сегодня живут подростки? И не является ли такой способ разрешения конфликта чем-то вроде приобретения подростком функции разводящего, как в уголовном мире? И последний вопрос: насколько такой способ разрешения конфликта может стать зародышем новой методики проведения программ восстановительного правосудия с сохранением базовых принципов. Я думаю, что само по себе такое разрешение конфликта, которое скорее похоже на челночные переговоры и третейский суд, трудно отнести к привычной программе восстановительного правосудия. Но я бы также не торопился заносить ведущего в число разводящего, осваивающего навык, необходимый в криминальной среде.

Если детальнее разобрать действия ведущего, можно выделить следующее²⁹. Целью ведущего было предотвращение этого конфликта, последствия которого могли быть достаточно тяжелыми. Было ли здесь правосудие в смысле связок восстановительных программ с официальным правосудием? Конечно, нет. Но можем ли мы тогда именно в исходном положении трактовать ситуацию как реализацию программы восстановительного правосудия? Не произошел разрушительный конфликт, не зафиксирована противоправность действия, нет вмешательства правоохранительных органов. Было ли это простым миротворчеством в смысле предотвращения драки или это была реализация в некоторой другой форме принципов восстановительного правосудия? Говоря об официальном правосудии, мы подразумеваем, что ему делегируется функция оценки происшедшего (выражаясь юридическим языком, правосудие должно осуществлять надлежащую правовую процедуру для признания лица виновным и определения меры наказания). Заложена ли исходно функция оценки чего-то как несправедливого у программ восстановительного правосудия, или, по крайней мере, можем ли мы что-либо сопоставить с данной целью? Такая функция заложена, но, как правило, программы восстановительного правосудия происходят

после вмешательства государства. Некоторые специалисты в этом видят одно из отличий программ восстановительного правосудия от работы с конфликтами, не требующими вмешательства государства.

Можно ли на примере данного случая попытаться сконструировать новую функцию восстановительного правосудия вне непосредственной деятельности органов официального правосудия? Здесь можно выделить новый предмет анализа и управления – **восстановительное предупреждение преступлений как функция локальных сообществ.**

Традиционно считалось, что для предупреждения преступного поведения представители общества должны сообщить о готовящемся преступлении для того, чтобы вовремя обезвредить преступника. Назовем такое предупреждение изолирующим. Восстановительное правосудие предлагает новое представление о предупреждении. Предупреждение как действие по возвращению правонарушителя в общество с новой позицией, которая позволяет ему действительно возвратиться в общество, – позицией ответившего за свой поступок. Данный ответ предполагает новое осмысление – осмысление последствий своих поступков и действие в рамках это осмысления – исправление последствий. Поэтому мы и говорим о возвращении в общество – возвращение правонарушителя в общество таких людей, у которых принято отвечать за свои действия, исправляя последствия своих поступков. И это новое состояние и должно быть предупреждающим дальнейшие противоправные деяния.

Ведущий может реализовать предупредительную функцию восстановительного правосудия как другой тип предупреждения³⁰. И здесь уже можно видеть зачатки общественной оценки и, соответственно, появления в будущем новых агентов социального контроля как ограничителей нередко бесконтрольного государственного силового вмешательства³¹.

Второй функцией восстановительного правосудия и в определенном смысле вытекающей из предупредительной функции является **функция контроля сообществ за применением насилия.** Если само сообщество берет на себя функцию работы с правонарушителем ресоциализирующим образом, то оно ставит границу на применение репрессий по отношению к правонарушителю.

Школьные службы примирения могут быть одним из шагов выращивания локальных сообществ, ограничивающих применение силы. Каковы в этом плане могут быть методики работы ведущих в школьных службах? Видимо, одной из особенностей работы ведущих является понимание особенностей работы с группами, культивирующими насилие. Прорисовка особенностей такой работы – предмет детального и глубокого анализа и разработок. На основе анализа работы ведущего Кирилла сделаем шаг в этом направлении работы и введем предварительную проектно-методическую конструкцию. Ведущий, удерживая принципы восстановительного правосудия, может дать оценку происходящего как творящейся несправедливости, которая, если ее не остановить, может привести к последствиям, вызывающим вмешательство государства. Далее ведущий таким образом работает с участниками этой ситуации, что дает возможность специфического оборачивания и изменения рамок понимания участников ситуации (в направлении осознания разрушительных последствий действий участников), посредством введения новых фигурантов в направлении нормализации отношений или примирения с одновременным предупреждением подобных действий инициаторами данной ситуации. Введение новых фигурантов и участие их в данном процессе дает возможность и им получить опыт нормализации отношений или примирения, что также можно трактовать как участие локальных сообществ в контроле применения силы и одновременно восстановительном предупреждении криминальной ситуации.

Поясним сказанное на схеме.

Схема

Квалифицируя ситуацию как несправедливую, ведущий в то же время специфическим способом разрешает конфликт. Какие задачи ставит ведущий, и каких результатов он достигает? Попробуем схематично их выделить:

Предварительные встречи с участниками подготовки «стрелки».

Задача ведущего № 1. Установление доверия и выяснение причин инициирования «стрелки» и интересов участников.

Результаты: Установление доверия. Выяснение того, какие действия участников, которые привели к данной ситуации, и интересов участников.

Задача ведущего № 2. Построение политики для введения участников в переговорный процесс (фиксирование нарушения правил братвы, использование элементов «дознания»).

Результат: отказ основных зачинщиков «стрелки» от претензий.

Задача ведущего № 3. Инициирование бесед противоборствующих сторон друг с другом.

Результат: Индивидуальные беседы Влада с другими участниками и нормализация отношений.

Можно зафиксировать три основные задачи, реализованные ведущим посредством введения разных средств в коммуникации ведущего с основными фигурантами случая, и сравнить данные задачи с задачами ведущего примирительных встреч в стандартно представленных этапах работы ведущего.

Какие в этом случае были реализованы функции восстановительного правосудия, указанные выше? Видимо, в этом случае ведущий частично реализовал функцию контроля за насилием. Но была ли здесь реализована предупредительная функция примирительной встречи? Судя по концовке рассказа, нет. Влад опять стал вести себя агрессивно. Что мог бы сделать ведущий в этой ситуации? На наш взгляд, он должен был продумать возможных участников, работающих на предупреждение следующих ситуаций. Таким участником мог бы быть брат Влада и его семья. Впоследствии я задал вопрос этому ведущему о возможности проведения такой работы. По сведениям ведущего, такой разговор внутри семьи уже был, но не привел к результату. Одним из выходов из данной ситуации могло бы быть проведение внутрисемейной встречи уже с участием и поддержкой осуществления глубоких процессов, восстанавливающих семейные отношения и, соответственно, внутрисемейный контроль. Но здесь ведущий вступал на территорию семейных отношений, где чувствовал себя не совсем уверенно. Возможно, была необходима поддержка уже взрослых ведущих, в партнерстве с которыми можно было бы провести семейные «круги».

Можно предположить, что мышление ведущего работает на включение в переговорный процесс участников ситуации, прямо работающих на предупреждение. Поиск таких участников, конструирование средств вовлечения участников в коммуникацию и средств оборачивания ситуации для расширения границ понимания ее последствий для участников и является полем мышления ведущего.

Здесь возникает вопрос, кто и как будет реализовывать предупредительную функцию восстановительного правосудия по отношению к стрелкам.

Предоставим слово второму ведущему:

Ведущий Алексей: В любой школе есть кто-то сильнее, кто-то слабее. Авторитеты и «лохи». В службе должны быть сильные люди, которые имеют влияние. Тогда не будет проблем с поступлением информации.

Это не значит, что авторитет все раздолбает, это не значит, что он в моральном смысле ничего не стоит. Любого можно понять и обучить. Ведь люди, которые не имеют опыта в конфликтах, не смогут их разрешить. Нас в школе уважают, к нам прислушиваются. А для девчонок существует Нина. Привлекать авторитетов очень просто. Любой авторитет – это маленький уголовник, который чем-то обязан социальному работнику. Например, социальный педагог делал ему какие-то поблажки, пусть мелочь какую-то, но прощал. И если социальный педагог попросит авторитета, то авторитет, чувствуя, что он должен сделать что-то хорошее, пойдет, послушает Рустема. Любого авторитета это заинтересует. Цель службы – не решать маленькие конфликты, а менять установки этих людей.

Вначале служба примирения – это новое в глазах авторитета. Ты помогаешь одному человеку, помогаешь второму, миришь их. Можно сказать, в подростковой среде ты избавляешь их от административного наказания. Они тебя уважают и потом для тебя что-то сделают. Это поначалу.

В младших классах (5-8 класс) ценится физическая сила. В 8-11 ценится ход мысли. Если человек вначале подумает о последствиях, то его больше будут уважать. А если вообще не нанесет удар, то его еще больше уважают. То есть если человек думает (а не только опирается на силу), то его авторитет больше. Это я знаю на своем примере, я уже год вообще не дрался, и при этом меня уважают как авторитета. И самое главное – добиться того, чтобы думали, а не наносили удар.

Бывает, что дети идут в службу, поскольку иначе их поймает и избьет тот, с кем они конфликтовали. А мы можем это решить и добиться нормального исхода (разрешения) ситуации.

Потом приходит такая мысль, что авторитет тебе не так уже нужен. Главное, как ты построишь будущую жизнь. Любой человек попадает в конфликтную ситуацию, а *служба примирения учит выходить мирным путем, самым лучшим* (выделено мною – Р.М.) .

Ориентир на восстановительные принципы как **лучший** путь в разрешении конфликтов и криминальных ситуациях и есть то, что может быть заботой взрослых в организации службы.

Переход к методическим решениям организации служб и подготовки ведущих требует ответа на следующие вопросы:

1. Как устроены типологически значимые варианты социализации подростков на территории?
2. В чем функции школы в процессе реализуемой социализации. Какие типы школ можно выделить в зависимости от особенностей реализации данной функции?
3. Как учителя участвуют в разрешении подростковых конфликтов и криминальных ситуаций с участием подростков, какие методы их разрешения считают реализующимися в школе?
4. Как учителя определяют место насилия в регуляции конфликтов и социальных ситуаций?
5. Как подростки в зависимости от места в подростковой и школьной иерархии определяют место насилия в регуляции конфликтов и социальных ситуаций?
6. Как учителя усваивают принципы, приемы и техники восстановительного правосудия?
7. Как дети усваивают принципы, приемы и техники восстановительного правосудия?
8. В каком направлении нужно вести работу для соорганизации различных социальных единиц на территории в целях формирования сообщества, обеспечивающего позитивную социализацию?
9. Каковы должны быть особенности работы ведущего с группами, культивирующими насилие в школе?
10. Каковы должны быть способы привлечения в службы аутсайдеров и авторитетов?
11. Чем может являться школа как единица восстановительного правосудия? Какова должна быть связь школьных служб с официальной уголовной юстицией?
12. В чем особенности подготовки и повышения квалификации ведущих, работающих с ситуациями «стрелок» и действиями подростковых группировок?

Этапы предотвращения стрелки

1. Предварительные встречи со сторонами:
 - установление доверия и выяснение того, какие действия участников привели к данной ситуации, и интересов участников;
 - построение политики для введения участников в переговорный процесс;
 - инициирование бесед противоборствующих сторон друг с другом;
2. Индивидуальные беседы между противоборствующими сторонами и нормализация отношений.

Этапы примирительной встречи

1. Предварительные встречи со сторонами:
 - установление доверия и работа с последствиями ситуации;
 - самоопределение участников относительно способа разрешения ситуации;
 - подготовка участников к примирительной встрече.
2. Проведение примирительной встречи

¹ Подростковую группировку мы понимаем на данном шаге феноменально – как группу подростков, воспроизводящую криминальные способы взаимоотношений и действий. Но в отличие от банд группировка не является целостной профессиональной группой, извлекающей из криминальной деятельности постоянный доход. Группировка скорее похожа на компанию, воспроизводящую силовые формы взаимоотношений, осуществляющую за счет таких форм ситуативные криминальные действия и использующую некоторые языковые конструкции криминального мира. В зависимости от попадания группировок в орбиту преступного мира можно различать виды группировок. Но чтобы строить стратегии работы с группировками, необходимо проделывать системодетельностный анализ и на этой основе конструировать понятие «подростковая группировка».

² Материалы исследования опубликованы в данном Вестнике.

³ Гетманский К., Негреев Д. Маленький разбой. Глобальная система «школьного рэкета» процветает. Известия. 2002. 24 июня // <http://izvestia.ru/community/article19942>.

⁴ «Детский рэкет» шагает по стране. Известия. 2002. 24 июня // <http://izvestia.ru/community/article19998>.

⁵ См.: *Баикатов И.П.* Психология неформальных подростково-молодежных групп. М.: Информпечать, 2000.

⁶ См. там же.

⁷ *Брейтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

⁸ *Олейник А.Н.* «Тюремная субкультура в России»: от повседневной жизни до государственной власти. М.: «Инфра-М», 2001. С. 18.

⁹ Разработка такого рода конструкций практиковалась на семинарах Московского методологического кружка (далее – ММК). «Специфика этого хода, – как отмечает В.Л.Данилова, – в том, что объект, относительно которого заведомо известно, что он является исторически сложившимся и стихийно «живущим», начинает рассматриваться как искусственная конструкция, созданная для выполнения некоторых определенных функций...» (*Данилова В.Л.* Анализ некоторых особенностей работ ММК в связи с развитием инженерии // Проблемы организации и развития инженерной деятельности. М.: Обнинский институт атомной энергетики. Обнинск, 1990. С. 121).

¹⁰ Полагание объекта внутри управленческой мыследеятельности является одним из важнейших достижений ММК в области разработки методологии оргуправленческой мыследеятельности и является основанием для разработки идеи оргтехнической системы (См.: *Щедровицкий Г.П.* Программирование научных исследований и разработок. М.: Путь, 1999).

¹¹ См.: Социологический словарь. Казань: Казанский государственный университет, 1997. С. 293.

¹² См.: *Брейтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

¹³ Международный терроризм лишь ускоряет превращение государства в репрессивно-подавляющее начало. В XX веке модели такого государства были опробованы в Германии и России. В XXI веке эта тенденция, видимо, будет приводить к трансформации государства во всех странах.

¹⁴ Не случайно в России, видимо, по инициативе В.Игрунова была учреждена партия, выступающая за глубокие преобразования в области образования.

¹⁵ «Закон перестает действовать именно потому, что обществом не опознается черта нормализации, закон и бессилён потому, что лишается всякой возможности влиять на преступление, соотносить его с устойчивой нормой; общество не в силах оценить результаты применения закона. Черта нормализации почти стерта: в послеперестроечную эпоху всякое преступление оказывается, в конечном итоге, преступлением экономическим (за ним – то ли обнищание и ожесточение, то ли открытое недовольство, то ли потеря ориентиров в новой социальной ситуации, то ли жажда наживы, а то и государственные интересы, выражаемые отдельным коррумпированным чиновником, и т.п.). За преступлением не оказывается преступника. Но в таком случае остается только сделать один вывод: все общество оказывается втянутым в производство преступных практик, кто не преступает, тот не выживает» (*Подорога В.* Диалог с властью? <http://index.gdf.ru/journal/cont16.html>).

¹⁶ См.: *Брейтуэйт Дж.* Там же.

¹⁷ См. *Щедровицкий Г.П.* Игра и «детское общество»

// *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995.

¹⁸ Там же. С. 676.

¹⁹ *Громыко Ю.В.* Выготскианство за рамками концепции Л.С.Выготского. М.: Пайдейя, 1996. С. 108.

²⁰ *Щедровицкий Г.П., Надежина Р.Г.* Развитие детей и проблемы организации нравственного воспитания // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 685.

²¹ См. об этом: *Щедровицкий Г.П., Надежина Р.Г.*

О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей // Вопросы психологии. 1973. № 5.

²² *Громыко Ю.В.* Там же.

²³ О репрессивных практиках см.: *Максудов Р., Флямер М.* Городская политика и технологии восстановительного правосудия (в соавторстве) // Кентавр, 2002. № 23. С. 49-57.

²⁴ Материалы дискуссии по теме: Оптимальная модель уголовно-правовой реакции государства на преступления, совершаемые несовершеннолетними. Дискуссия проходила в июне 1998 г. в рамках проекта «Сокращение численности тюремного населения», выполняемого Центром содействия реформе уголовного правосудия. Архив Центра «Судебно-правовая реформа».

²⁵ *Забрянский Г.И.* Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. М.: «Рудомино», 2000. С. 37.

²⁶ Материалы пленарного заседания международной конференции «Уголовная политика и тюремная реформа – новые подходы», Москва, 7.12.98. Архив Центра «Судебно-правовая реформа».

²⁷ В то же время доверие к правоохранительным органам и судам очень низкое. По результатам опроса общественного мнения, милиции доверяют 10,6% опрошенных, прокуратуре – 6,7%, суду – 9,8% (Средства массовой информации и судебная власть в России. М., 1999. С. 140).

²⁸ Все имена в рассказе изменены.

²⁹ Автор благодарит Л.Г.Закирова за конструктивные замечания и идеи, высказанные в ходе анализа данного случая.

³⁰ Здесь интересен также вопрос: будет ли миротворчество в современных условиях эффективным без такой предупредительной функции?

³¹ Работу школьной службы примирения на основе принципов, приемов и техник восстановительного правосудия можно интерпретировать как деятельность по самоуправлению, поскольку взрослые через эту службу могут управлять конфликтами детей, а дети берут на себя ответственность за разрешение конфликтов. Важнейшей функцией служб примирения является также то, что подростки фокусируют на себе важную общественную тенденцию и своими действиями начинают влиять на мир взрослых, то есть отрывать их от повседневной рутины, заставляющей не замечать и тем самым поддерживать очаги несправедливости.

А.Ф. Гатауллин, Р.Р. Максудов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ

**(МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОВЕДЕННОГО В 1992-1993
ГОДАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ КАЗАНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

1. Подростковые объединения как объект научного исследования

В Казани в конце 80-х гг. сложилась тяжелая ситуация с подростками. Подростковая преступность достигла очень высокого уровня. Только за первую половину 1988 года было убито 5 подростков (в течение 3-х месяцев), в 1989 – 3, 1990 – 2, 1992 – 2; многие попадают в больницу с тяжелыми травмами. Не удивительно, что население города требовало, в первую очередь от милиции, как можно быстрее решить подростковые проблемы.

Но, с нашей точки зрения, самая большая трудность в том, что органы МВД (как и все другие организации, работающие с молодежью) не в состоянии продвинуться в решении подростковых проблем, оставаясь в рамках традиционных методов и принципов работы. Более того, усиление борьбы с этими явлениями часто приводит в конечном счете к противоположным результатам – к усилению, развитию, изменению форм существования группировок. Дело не только в том, что кто-то плохо работает, а в том, что средства работы не соответствуют сложившейся ситуации. И это мы попытаемся показать в данном исследовании.

Таким образом, первоочередная задача, которая стоит перед нами сегодня, – это анализ существующих принципов и методов работы с молодежью, разработка в дальнейшем новых путей и методов решения существующих сегодня проблем.

Эта ситуация задает необходимость в разворачивании целого комплекса научных исследований, обеспечивающих такую работу.

При «нормальной» деятельности организации, когда все в порядке и мы не сомневаемся в своих привычных способах работы, или же когда мы *делаем вид*, что все в порядке и считаем, что надо работать по-старому, только еще лучше, «наука» как таковая вообще не нужна. «Научные» исследования употребляются при этом для того, чтобы «обосновать» уже существующие нормы и формы деятельности, показать их необыкновенную «эффективность», или же для того, чтобы выявить конкретных виновников, из-за которых все не так еще хорошо, как должно было быть. При этом существует лишь одна «проблема» – добиться того, чтобы каждый выполнял свою работу на своем рабочем месте.

Только в том случае, когда мы начинаем понимать, признаваться себе в том, что старые методы не работают, почти ничего не дают, а новых нет (ну, например, когда мы начинаем понимать, что даже если мы будем еще лучше «ловить» несовершеннолетних правонарушителей и соответствующим образом их наказывать, все равно подростковая преступность не уменьшится, разве что ВСЕХ подростков пересажаем), только в этом случае

возникает потребность в науке и таких исследованиях, которые могли бы обеспечить построение новых средств работы и перестройку деятельности организации.

Говоря об этом, мы подразумеваем, что:

- во-первых, у нас есть определенная цель (или ряд целей);
- во-вторых, есть некоторый объект, на который мы воздействуем.

И средства – это то, что позволяет нам перевести объект из того состояния, в котором он находится, в то, в которое мы хотим его перевести.

Но бывает так, что сделать это не удастся при всем нашем старании, имеющиеся у нас средства оказываются неадекватными, не соответствующими целям и объекту. Объект как бы сопротивляется нашим усилиям, живет своей самостоятельной жизнью.

Тогда и возникают, собственно говоря, научные проблемы – точное вычленение и описание объекта, определение его «внутреннего устройства» и «способов жизни», и затем анализ соответствия имеющихся у нас средств живущему по своим законам объекту, и в дальнейшем соответствующая переработка средств деятельности.

По существу, все эти подростковые проблемы в той ужасающей форме, в которой они сегодня существуют, возникли из-за того, что люди и организации, работающие с молодежью, считали, что им наука не нужна (а наука не очень-то настаивала на собственной необходимости), школа, ПТУ, комсомол и т.п. многие и многие годы делали вид, что у них все в порядке – молодежь живет и воспитывается именно так, как и должна жить и воспитываться с точки зрения комсомола, школы и т.д., и никакой другой жизни у них нет и быть не может (самостоятельной, автономной, «объектной»), а те отдельные товарищи, которые живут как-то не так – просто дефективны, с отклоняющимся поведением. Подобное отношение, конечно, имело и причины идеологического плана, но и с отменой официальной советской идеологии положение не сильно изменилось.

В современной же, скажем, школе большинство учителей не только не пытаются работать с подростковыми коллективами, но и всячески мешают немногочисленным попыткам отдельных педагогов войти с подростками в более тесный контакт (можно привести немало таких примеров и на материале нашего города) – как же, нельзя опускаться до школьников, опровергать традиционные догматы воспитания, подрывать авторитет Учителя!

Отсутствие попыток, активное нежелание работать с автономными подростковыми сообществами и привело к обособлению и полной изоляции от «воспитательных» институтов этих сообществ. Они развивались полностью бесконтрольно, сами по себе, и теперь мы имеем все эти подростковые проблемы в полном объеме. В этом исследовании мы попытаемся проанализировать историю развития этих подростковых сообществ в последние годы в г. Казани, ответить на следующие вопросы: Что такое «группировки»? Как они возникли? Чем отличаются современные группировки от прежних уличных компаний? Какую роль в возникновении и развитии группировок играл преступный мир?

То есть попытаемся очертить и проанализировать тот объект, с которым имеют дело все те, кто решает подростковые проблемы. На основании этого анализа мы попробуем дать прогноз возможного дальнейшего развития группировок, проанализировать отдельные попытки решения подростковых проблем, средства, которые при этом применяются, и наметить наиболее перспективные, с нашей точки зрения, направления решения этих проблем.

2. История возникновения и развития подростковых группировок в г.Казани. Модель подростковых автономных сообществ города

Для того чтобы ответить на вопрос, что такое группировки, мы пытались реконструировать историю их возникновения и развития, в первую очередь используя материалы уголовного дела банды «Тяп-ляп» 78-80-х годов.

Мы далеки от того, чтобы сводить причины возникновения «группировок», бурного развития подростковой преступности исключительно к «Тяп-ляпу». Глубокий анализ этого явления предполагает изучение влияния общей ситуации в стране на формирование

подрастающего поколения, положение дел в системе образования, процессов, происходящих в семье, и проведение других исследований в самых различных направлениях.

На наш взгляд, возникновение и развитие банды «Тяп-ляп» сыграло ведущую роль в складывании тех форм подростковой преступности, которые характерны для г. Казани.

В первой половине 70-х годов на базе молодежных дворовых компаний, существовавших в рабочих кварталах в районе завода «Теплоконтроль», сформировалась банда, получившая название «Тяп-ляп». По существу, это была гангстерская банда, занимавшаяся грабежами, разбоем, рэкетом, связанная с коррумпированными элементами.

Сам механизм возникновения и развития «Тяп-ляпа» представляет очень большой интерес для анализа структуры преступного мира в городе и, в частности, подростковой преступности. В ходе расследования деятельности этой банды, проведенного в 1978-1980 годы, к сожалению, упор в основном делался на чисто юридические аспекты – доказывалась вина тех или иных членов банды, расследовались отдельные преступления и т.п. Собственно анализа феномена «Тяп-ляпа» как социального явления, исследования причин, механизмов возникновения и развития организованной преступности в г.Казани проведено тогда не было. (Во всяком случае, мы не знаем о работах, посвященных этой теме.) Эти проблемы, с нашей точки зрения, актуальны и по сей день.

В нашей работе мы рассмотрим только те аспекты истории «Тяп-ляпа», которые непосредственно связаны с возникновением подростковых группировок в г. Казани.

Опираясь на показания свидетелей, членов банды, результаты следствия по делу банды «Тяп-ляп», мы попытаемся реконструировать некоторые процессы формирования и развития банды, помогающие нам лучше понять современную ситуацию с подростками в городе.

В начале 70-х годов нашелся человек, который смог добиться огромного авторитета и фактически стал руководителем дворовых компаний (и затем банды) в районе «Теплоконтроль». Это был имевший судимость А., которому в тот период было около 26 лет. Вот некоторые черты его личности, приводимые свидетелями. Самый физически сильный человек на «Теплоконтроле». Обладает очень сильным ударом. Не курит, не пьет. Волевой человек, если поставил перед собой какую-нибудь цель, обязательно добьется. Очень жадный на деньги, готовый добывать их любым способом, вплоть до грабежа и убийства. Очень властолюбивый, любит командовать, нетерпим к чужому мнению. Характер жесткий, несправедливо относится даже к своим товарищам из преступного мира. А. не может разговаривать с людьми на равных, быстро начинает злиться, может внезапным ударом сбить человека с ног.

А. в районе «Теплоконтроль» организовал занятия боксом в специально оборудованном спортзале. Он сумел сплотить вокруг себя преданных ему людей, которые были на несколько лет моложе его. Вскоре его группа насчитывала, по словам свидетелей, 30-40 человек. Постепенно А. со своими друзьями втянул большое число молодых людей, в том числе подростков, в преступную деятельность, встал на путь образования банды.

О размахе в последующие годы преступной деятельности банды А. говорят такие цифры: только в уголовном деле «филиала» «Тяп-ляпа» – банды Х. зафиксировано 61 преступление. Преступления самые разные – драки, избиения, убийства, грабежи, рэкет, изнасилования и т.д. При этом, как правило, непосредственными исполнителями преступлений были люди (в том числе и подростки), прямо не связанные с лидерами банды и даже не знакомые с ними. С другой стороны, основным объектом грабежей и рэкета были преступники, спекулянты, картежники, нечистые на руку работники торговли и другие лица, которые, по вполне понятным причинам, не имели обыкновения обращаться в милицию. (В то время среди этой категории людей у членов банды существовали доверенные лица, с помощью которых они получали информацию, сбывали награбленное, устраивали встречи с нужными людьми.) Но даже те преступления, которые попадали в поле зрения органов МВД и прокуратуры, очень часто сходили банде с рук. Материалы уголовного дела свидетельствуют о том, что только работники Приволжского РОВД в период деятельности банды укрыли 28 преступлений (всего по городу 36).

Все это способствовало возникновению ощущения безнаказанности у лидеров банды, толкало их на дальнейшее расширение сферы деятельности. В городе вокруг банды формировалась атмосфера страха, мало кто рисковал связываться с членами банды. Для большей части подрастающего поколения «Тяп-ляп» стал примером вседозволенности и безнаказанности. Члены «Тяп-ляпа» виделись ими, по существу, как хозяева города.

Лидеры «Тяп-ляпа», контролирующие молодежные компании, преступную среду в определенной части города, стали, по существу, рассматривать эту территорию как свою вотчину и подавлять силой всякое неповиновение и непослушание своих «подданных».

С развитием банды, с ростом ее силы и влияния на город, лидеры «Тяп-ляпа» начали проводить политику захвата новых территорий, что давало банде много преимуществ – расширение зон влияния, границ «государства «Тяп-ляп», новые объекты рэкета, новые члены для банды, притеснение и разгром конкурентов. К середине 70-х годов большая часть Приволжского района была под контролем банды.

Расширение границ происходило, как правило, через присоединение к «Тяп-ляпу» дворовых компаний, пользующихся авторитетом на данной территории. Это происходило по-разному – иногда «мирным» путем, но чаще в результате более или менее длительной «войны» с лидерами этих компаний, не желающими терять свою самостоятельность и независимость. Так или иначе захваченная «команда» сохраняла тем не менее свою целостность и входила в состав, структуру банды как одно из подразделений («филиал» банды на новой территории). То есть «Тяп-ляповцы» старались не разрушать уже сложившиеся подростковые дворовые структуры, они лишь ставили во главе этих компаний устраивающих их людей (свергая при этом прежних лидеров) и как бы «надевали» на эти подростковые структуры новые отношения, новые формы организации, характерные для банды.

Большая территория, контролируемая «Тяп-ляпом», «многофилиальная» структура банды требовали сложных и эффективных форм организации – иерархической структуры подчинения с несколькими ступенями, тщательно отработанных систем связи между различными членами банды, подразделениями, филиалами и координации усилий разных филиалов (большое количество членов банды могли собраться за считанные часы и даже минуты, из разных районов).

При этом понятно, что большой размах преступной деятельности банды (в первую очередь – рэкет), с одной стороны, и постоянные, ожесточенные войны с другими компаниями, группировками (в процессе экспансии «Тяп-ляпа» на новые области), с другой стороны, делали необходимым наличие хорошо организованных, хорошо подготовленных, дисциплинированных, достаточно многочисленных боевиков, объединенных в мобильные боевые группы.

И вот эта «имперская политика» «Тяп-ляпа» – стремление к захвату новых территорий (в сочетании с преступной направленностью банды) – явилась, на наш взгляд, одной из основных причин возникновения тех специфических форм, которые приняли подростковые компании.

Ясно, что политика экспансии, проводимая «Тяп-ляпом», вызвала сопротивление компаний, которым непосредственно угрожала опасность попасть в подчинение к «Тяп-ляпу» и которых не устраивала эта перспектива. Но в одиночку справиться с бандой было очень сложно. Так стали возникать «союзы» для защиты от нее (прототипы современных «союзов» группировок). Один из примеров такого союза, отраженного в деле, – это союз Новотатарской слободы, одной из самых сильных оппозиций «Тяп-ляпу», и группы «Манты» (состоявшей в основном из свергнутых «Тяп-ляпом» авторитетов нескольких группировок). Другой очень интересный пример – подробно описанная в деле одним из свидетелей «дипломатическая» борьба между «Тяп-ляпом» и «Новотатарской» за привлечение на свою сторону сильного Кировского района. В этих переговорах победил «Тяп-ляп» – Кировский район остался в стороне, заявив о своем нейтралитете, и попытки «Новотатарской» обрести еще одного сильного союзника провалились.

Для того чтобы противостоять «Тяп-ляпу», необходимо было иметь достаточно большое количество «бойцов». Отсюда начала формироваться система вовлечения подростков в группировки, необходима была жесткая организация, дисциплина, возникновение достаточно крупных «союзов» требовало развития организационных структур, систем связи и управления. Короче говоря, для того чтобы успешно бороться с «Тяп-ляпом», надо было стать почти такими же. Формы организации, характерные для гангстерской банды, стали распространяться на все остальные (не обязательно преступные) молодежные, подростковые компании.

Вместе с тем, защита своей самостоятельности группировками, реально выражавшаяся в защите своей территории, в групповых драках, способствовала возникновению *идеологии*, аналогичной «Тяп-ляповской» – «мы хозяева своей территории».

Важно отметить также интенсивное сращивание, вследствие конфликтов с «Тяп-ляпом», молодежной дворовой среды с преступным миром. Помощи нарождающихся группировок

стали искать преступные элементы, подвергающиеся рэкетированию со стороны «Тяп-ляпа» и, возможно (у нас нет пока конкретной информации по этому поводу, но это вполне могло происходить), конкуренты тех коррумпированных преступных сил, которые работали в контакте с «Тяп-ляпом». Эти моменты пока мало исследованы, но очень важны для правильного понимания ситуации, которая сложилась в городе сегодня. Вероятно, в процессе подобного сращивания отдельные группировки в той или иной степени были задействованы преступными структурами уже на достаточно ранних стадиях своего развития, и различные группировки и их «союзы» защищали интересы различных преступных слоев.

Впрочем, формирование группировок могло протекать и практически без влияния преступного мира (не считая, конечно, «Тяп-ляпа»).

Итак, благодаря во многом бурному развитию банды, начали формироваться другие группы, не имеющие, может быть, подобного рода преступную ориентацию, но обладающие похожей идеологией и живущие по подобным законам.

После 1978 года, когда началось расследование деятельности банды и многие лидеры банды оказались в местах лишения свободы, «Тяп-ляп» потерял свое былое значение, банда распалась, но рожденное ею явление – организованные уличные команды по месту жительства, объединенные в конфликтующие друг с другом союзы – системы «группировок», – осталось и зажило своей жизнью. Главарей не стало, но вражда осталась и, как показывает статистика, несмотря на ликвидацию «Тяп-ляпа» в 78-80 годах (что сопровождалось достаточно резким падением количества убийств и тяжких телесных повреждений среди подростков), количество хулиганств среди подростков (а следовательно, и драк) не только не упало, но продолжало расти (также как и количество драк), кривая же изменения количества грабежей и изнасилований, после некоторого спада, начала стремительно расти уже, соответственно, к 81-му и 82-му годам.

Остановимся пока на этом моменте и подробнее рассмотрим, чем же отличаются группировки от традиционных, «старых» уличных компаний?

«Традиционные» уличные компании вполне можно (бывают, конечно, исключения) причислить к неформальным молодежным объединениям. Но хотя нам многое может не нравиться в этих уличных компаниях (кстати, в Казани их уже практически не осталось), они выполняют очень важную социальную функцию – через них, в первую очередь, идет социализация большинства подростков. «Традиционная» компания «старого» типа складывается, как правило, вокруг лидеров – наиболее уважаемых и авторитетных сверстников или людей старшего возраста. При исчезновении лидеров, такие компании, как правило, распадаются, пока не выделятся новые авторитеты. Но лидер здесь – это не главарь, не руководитель, а скорее первый среди равных, пользуется уважением за силу, смелость, справедливость. Он, скорее, является образцом для подражания, во многом от лидеров зависит направленность компаний, ее воспитательный эффект. При этом существует определенная более или менее общая для всех компаний субкультура (конечно, специфическая для данного времени и, в какой-то степени, местности) – естественным образом сложившиеся нормы поведения, принципы решения конфликтов и т.д.

Если та или иная компания попадает под влияние преступного мира – это явление локальное и происходит обычно через лидера. Путем смещения или изоляции лидера эту проблему несложно решить.

Совсем другую картину мы видим, анализируя жизнь группировок.

Группировки – не неформальные объединения подростков, а организация с жесткими нормами поведения, иерархической структурой руководства. Отношение к члену группировки определяется, в первую очередь, не его личными качествами, а согласно тому месту, которое он занимает в иерархии. Во многих отношениях жизнь подростка в группировке точно расписана (как, например, на заводском производстве), он должен хорошо знать свою роль и выполнять функции, которые соответствуют занимаемому им месту и приказам сверху. Жесткая организация, функциональная структура группировки обеспечивает включение подростка в многочисленные процессы, определяющие жизнь группировки, такие, например, как участие в групповых драках, охрана (патрулирование) территории, обеспечение оперативной связи между разными группировками, организация сборов членов группировки, сбор «налогов» и т.д. и т.п. Казалось бы, что жесткую структуру легче сломать, чем неопределенную, аморфную форму организации «традиционных» компаний. На самом деле все наоборот. Целостность неформальной компании поддерживается за счет личностных

отношений, тонких и уникальных, часто только личность лидера не дает компании распасться на более мелкие единицы. Целостность группировки поддерживают ВСЕ ее члены, от них требуется исполнять свою не такую уж сложную роль, не требуется проявления инициативы, самобытности. Все люди этой структуры могут быть легко заменены, в том числе и лидеры (руководители). Здесь, по существу, та же ситуация, как и в бюрократической структуре, например, какого-либо учреждения, с ней невозможно бороться, снимая конкретных бюрократов – на их место придут новые, то же самое с группировкой – бесполезно изолировать лидеров (в том смысле, что заниматься только этим; изолировать, конечно, тоже надо, но только в контексте других мер) – на это место придет другой. И мы при этом только вынуждаем их улучшать конспирацию и развивать специализацию и функционирование в организации. Для того, чтобы продемонстрировать различие между традиционными уличными компаниями и группировками, а также процесс перехода от первых до вторых, обратимся к материалам дела по «Тяп-ляпу».

Успеху А. в формировании банды способствовало то, что он практически уничтожил нормы обычных уличных подростковых компаний. И эти традиции ему пришлось преодолевать в борьбе с тем человеком, с которым он начинал свою деятельность на «Теплоконтроле», – Д.

Д. представлял традиции старого «Теплоконтроля». Вот некоторые черты его личности, описанные свидетелями. Д. был человеком добродушным, открытым, спокойным, справедливым. Он умел вести себя в компании, мог легко развеселить людей, хорошо играл на нескольких инструментах – баяне, аккордеоне, пианино, гитаре. В прежние годы Д. и А. вместе участвовали в подростковых делах – дрались, угоняли мотоциклы и т.д. Именно Д. вместе с А. организовали ребят «Теплоконтроля», поэтому авторитет у Д. среди них был очень большой. Но А. не нужны были компании, где молодежь просто беззаботно и весело проводит свое время, ему были нужны «боевики», проводившие свой досуг в спортзалах и помогающие ему в совершении преступлений. Поэтому он не раз обвинял Д. в отсутствии у него судимости, предлагал участвовать в бандитских акциях, обещал долю в «деле». Получив отказ, А. привел в действие свой замысел по подготовке физического уничтожения Д. Прежде всего, находясь в колонии, он написал своим помощникам письмо, в котором указал, что, якобы, Д. донес на него в милицию. Они распространили данный навет среди молодежи «Теплоконтроля» и даже совершили акт возмездия – разгромили квартиру Д. во время его отсутствия. Затем, когда авторитет Д. был подорван, Д. был убит членами банды Х. (основной филиал «Тяп-ляпа»). Для того, чтобы продвинуться дальше в понимании наших «группировок», сосредоточимся на конкретном, одном из ключевых элементов жизни подростковых сообществ – групповой драке. Проследим, как меняется смысл и функция групповых драк в процессе перехода подросткового сообщества из состояния «старых» уличных компаний к состоянию современных группировок.

Групповые драки с другими «командами» играли важную роль в «старой» уличной компании. Эти драки были, по существу, одним из ведущих элементов жизни дворовой компании – в первую очередь через них строились отношения между ребятами в компании. В них выяснялось, кто есть кто. Драки являлись своеобразным экзаменом для подростка (выполняя при этом, конечно, и другие функции – средство решения конфликтов, выяснение отношений и т.п.) – экзаменом на степень соответствия идеалу «настоящего парня». От того, как он вел себя в драках, зависел его статус в подростковом мире. Отсюда и своего рода кодекс чести, разный в разные времена и в разных местах, но всегда задающий некоторые принципы, которые не позволили выйти дракам за определенные рамки (например, один на один, лежачего не бить, до первой крови, без оружия и т.п.).

«Тяп-ляп» привнес новый тип групповых стычек. Групповые драки являлись для «Тяп-ляпа» средством для реализации политики экспансии – демонстрацией силы, запугиванием. Кодекс чести был забыт, никаких правил не стало, все средства были хороши. В драках начали применять оружие, в конечном итоге они превратились в коллективные перестрелки.

Если раньше драки были своеобразным ритуалом, каких-то тяжелых последствий после них практически не было, то теперь это превратилось в настоящую войну, с жертвами, с делением на два лагеря – своих и врагов, возникла идеология мести (которая в настоящее время уже перерастает в вендетту). После ликвидации банды «Тяп-ляп» еще долгое время по инерции шла война (накопился немалый счет друг к другу), и незаметно групповые драки приобрели новый смысл.

Если на этапе формирования, складывания группировок возникающие жесткие формы организации являлись средством, обеспечивающим защиту от «внешних врагов», то теперь само наличие в группировках жестких организационных структур стало определять их дальнейшее развитие. Многие были заинтересованы в сохранении организационных структур, сложившихся в ходе «войны», также и в «мирное время». Тем, кто находились на верхних ступенях иерархии, не хотелось терять свои привилегии, свою власть. Не надо забывать также, что история развития группировок насчитывает уже больше 10 лет, не одно поколение группировщиков уже вернулись из армии и тюрем, вернулись в ту же систему группировок, но уже «авторами», и не прочь были использовать в своих целях дисциплинированные, хорошо организованные команды. Наконец, такие группировки безусловно представляли большой интерес для преступного мира и особенно для представителей организованной преступности.

И теперь групповые драки, защита территории становятся тем поводом, который делает необходимым сохранение и развитие сложившихся форм организации. Вполне возможно (многое подтверждает эту гипотезу), главари группировок, те, кто стоит за ними, живут достаточно «дружно» и делают общее дело, но для того чтобы у них были под руками дисциплинированные, хорошо организованные и подготовленные исполнители, идет постоянное разжигание вражды между группировками, формирование идеологии войны и мести.

Итак, групповые драки прошли следующий путь трансформации: ритуал – война – средство для воспроизводства организационных форм. Эта цепочка демонстрирует механизм формирования и развития группировок, как особой формы подросткового сообщества. Нельзя, конечно, говорить, что такой-то толковый преступник придумал и создал группировки, их проявление вполне можно объяснить, не прибегая к такого рода «гипотезам». Группировки сложились в результате длительного, сложного, прошедшего несколько этапов, естественного процесса развития, и этот процесс продолжается и сегодня, но понятно, что большую роль в их возникновении сыграл преступный мир.

Нам надо еще ответить на вопрос – почему подростки идут в группировки, почему их там так много?

Во-первых, группировка представляет для подростков определенные возможности самоутверждения, самовыражения, которых не существует для них ни в семье, ни в школе. Особенно этот момент был характерен для периода «расцвета» группировок, когда у нас делали вид, что ничего такого не может быть, и еще не поднялся шум в центральной прессе и не начали принимать серьезных мер. (В настоящий момент группировки вступают в новую фазу своего развития, но об этом потом.)

К только что попавшим в группировку совсем молодым подросткам проявляют внимание ребята, которые гораздо старше их. Все новички находятся, по существу, в равном положении и имеют одинаковые возможности для продвижения вверх по ступеням иерархии, все зависит от личных качеств – силы, воли, дисциплинированности.

Во-вторых, попадание в группировку дает подростку защищенность. Если он не входит в ту или иную группировку, он всегда находится под угрозой избиения, вымогательства, издевательств. Часто группировки оказывают давление на «неприсоединившихся», заставляют их войти в группировку. Но самая важная причина, на наш взгляд, в том, что многие подростки не стоят перед выбором «быть или не быть» в группировке. В группировки не идут, а попадают, втягиваются постепенно, естественным образом. На сегодняшний день возникла целая система воспроизводства группировок – уже в самом малом возрасте, в 6-7 лет, дети играют в игры, совершают ритуалы, характерные для «группировочного» образа жизни (например, разжигают во дворах костры, причем, дрова собирают только на своей территории), приобщаются к нормам, принципам жизни группировок.

Подведем итоги этой части наших исследований. Определенная связь между преступным миром и уличными компаниями была и раньше, но тогда в преступный мир втягивались отдельные ребята, через конкретных людей, из-за конкретных жизненных обстоятельств. Существовали определенные параллели между преступной и молодежной субкультурой – уголовная романтика, «блатной» фольклор и т.п., но все же преступный и подростковый мир жили по разным законам. В настоящее время предоставленное само себе подростковое сообщество, оказавшееся вне сферы интересов нашей педагогики и всего общества в целом, оказалось освоенным преступным миром. Традиционные формы жизни молодежных «уличных» компаний (территориальная организация, групповые драки, кодекс чести и т.д.)

трансформировались в формы организации, характерные для бандитских формирований и стали «готовыми для употребления» организованной преступностью.

3. Влияние преступной среды на развитие группировок

В этом разделе мы рассмотрим различные формы использования (или возможного использования) группировок преступным миром и попытаемся спрогнозировать дальнейшее развитие группировок.

1) Деятельность группировок является мощным отвлекающим и маскирующим фактором, мешающим работе милиции. Органы МВД тратят очень много сил и времени на подростковую преступность, что на руку настоящим преступникам. (Насколько значим этот фактор, можно было бы выяснить, проанализировав статистику раскрытия преступлений последних лет, но у нас нет, к сожалению, возможности получить статистические материалы в обоснованном для анализа объеме.) С другой стороны, деятельность группировок может быть использована для совершения преступлений совсем с другими мотивами и другим контингентом людей, нежели подростки, что так же затрудняет работу милиции.

2) Деятельность группировок обладает большим дестабилизирующим эффектом, серьезно влияющим на общую ситуацию в городе (в том числе политическую и экономическую). Группировки могут быть использованы для экстремистских, провокационных действий.

3) Группировки являются, по существу, сегодня школой преступности. Подростки с самых ранних лет попадают в среду, в которой усваивают нормы и ценности, характерные для преступного мира. Они проходят в группировках как бы соответствующую подготовку – учатся драться, усваивают принципы конспирации, приобретают навыки коллективных, организованных действий. В дальнейшем происходит своеобразная специализация. Те, кто бегают на групповые драки, участвуют в большинстве конфликтов, рано или поздно попадают в спец. ПТУ, то есть в «зону», повышают там свою «квалификацию» и выходят на свободу готовыми к употреблению «боевиками». Другие, более способные ребята, достаточно быстро перестают участвовать в драках, переходят на «организационную работу» и, избегая, как правило, «зон» и внимания к своей персоне со стороны милиции, пополняют ряды высококвалифицированных преступников, организаторов. Интересно отметить, что если в прежние времена попадание в «зону» расценивалось большинством подростков как более или менее крупная неприятность, то теперь многое изменилось. Возникает своеобразная идеология «жизни для «зон» – считается, что основная жизнь начинается в «зоне» и после нее (хорошо там себя «проявив» и выйдя из «зон»), сразу становишься «авторитетом», попадаешь в элиту «группировочного» мира), а пока идет только подготовка к будущей «шикарной» жизни. Отсюда все эти сборы для тех, кто в «зоне», посылка туда вещей, денег. Одним из примеров того, насколько глубоко уже вошла в группировки субкультура, является усвоение подростками уголовной символики, в частности, наколок. Подростки не просто делают себе наколки, но используют их в той же функции, что и уголовники.

4) В группировках не только вырастают отдельные преступники, но и формируются целые команды, хорошо организованные, хорошо обученные, дисциплинированные, которые можно использовать в самых разных целях. Эти команды могут быть использованы для серьезных преступлений – убийств, избиений, рэкета, для выяснения отношений между разными преступными кланами. С другой стороны, объекты рэкета могут сами нанимать и формировать подобные команды. Все это способствует возникновению и развитию на базе группировок конкурирующих банд гангстерского типа. Может произойти и в общем-то происходит возвращение к «Тяп-ляпу» на новом качественном уровне.

Современная ситуация, определяющая пути дальнейшего развития группировок, характеризуется несколькими моментами.

1) Бурное развитие предпринимательства, социальная дифференциация населения приводят к тому, что образуется достаточно большая прослойка людей, много зарабатывающих и быстро богатеющих, а это, естественно, способствует развитию рэкетирования, формированию конкурирующих банд и их использованию для защиты интересов состоятельных людей.

2) Шумная кампания в прессе по поводу группировок, активная деятельность милиции по борьбе с подростковыми группировками приводят к тому, что большинство слабо связанных с

преступным миром группировок распадается или теряет самостоятельность (поглощается другими, более сильными), в тех же группировках, где связи с преступным миром сильны и где высокий уровень организованности, ужесточаются нормы жизни для того, чтобы противостоять выходу подростков из них, группировки трансформируются в банды.

3) История развития группировок в Казани насчитывает уже больше 15 лет, за это время вырос большой отряд «боевиков», бывших и настоящих группировочников, их видимо уже гораздо больше, чем требуется в городе для преступных акций (не надо забывать, что группировки охватывают очень большую часть подростков, так среди учащихся ПТУ 70-80% ребят¹ входит в те или иные группировки). Дальнейшие события могут протекать по одному из двух «сценариев» (или какой-то их комбинации). Чтобы дать более точный прогноз, необходимо хорошо знать структуру организованной преступности и информацию о коррупции в городе:

а) усиление междоусобиц, борьба за сферы влияния между разными группировками и бандами;

б) расширение сферы действий за пределы города. Во-первых, за счет переселения части людей в другие города страны, переноса туда наших группировочных форм жизни, так сказать, «физической» экспансии группировок. Во-вторых, за счет «гастрольных» действий группировок и банд – возникновение мобильных, подвижных отрядов, совершающих преступные акции в других городах и возвращающихся обратно. «Причем на их материале в городе может возникнуть целая мафиозная индустрия, организующая гастроли этих наемных банд в другие города за соответствующую оплату от тех, кто предпочитает проводить подобные акции чужими руками».

Кей С. Химовиц

Современные школьные фобии

Было крайне непривычно слышать мимолетный рассказ знакомых, уехавших несколько лет назад в Канаду. Их опыт участия в заурядных школьных разборках сына привычен там и абсурден здесь. В стандартной ситуации схема родительского поведения обычно чрезвычайно примитивна. Действуя в рамках традиции, друзья, натолкнувшись на равнодушие директора гимназии, предупредили последнего о намерении обратиться в полицию и местный комитет по защите прав детей. Метаморфоза администрации, которую они с удивлением наблюдали на следующий день, не поддается описанию. Проблема разрешилась в считанные минуты, обидчики получили заслуженное наказание, и справедливость восторжествовала. Вроде бы, все замечательно, но стоит оценить картину несколько иначе. Одно лишь напоминание о вмешательстве репрессивных и правовых структур на Западе и в Америке приводит школьное руководство в шок. Последствия этого состояния непредсказуемы. Больную тему социальных механизмов воздействия, работающих в одной из самых уязвимых «детских» сфер общества, об опасной практике решать сложную «живую» проблему простыми способами, о противоречивых последствиях вмешательства «чужих» структур, поднимает материал, публикуемый РЖ.

Спросите американцев, что их больше всего волнует, когда заходит речь о бесплатных средних школах. Вы, возможно, будете удивлены, услышав в ответ – «дисциплина». Уже несколько десятилетий опрос за опросом показывает, что это главная головная боль родителей.

Несмотря на то, что, к счастью, лишь немногим школам грозит столкновение с реальным насилием, родителям есть о чем тревожиться. За последние 30 лет судьям и федеральному правительству удалось лишить преподавателей возможности поддерживать безопасность в школах. Свою лепту внесли и чиновники из области образования, и психологи-«эксперты», забыв о решающей роли учителей в передаче молодым нравственных ценностей и обучении их адекватному поведению.

В наше время проблема школьной дисциплины стала более актуальной, чем когда-либо, из-за того, что по всей Америке выросло число неблагополучных семей и трудных детей. В некоторых школах среди учеников попадаются настоящие малолетние преступники. По оценке директора средней школы Норы Розенсвейг (в Грин-Акрс, штат Флорида), таких в ее школе за

последние три года было от 20 до 25. «Влияние, которое они оказывают на сотню других детей, просто поразительно, – говорит Розенсвейг – некоторые школьники их боятся, другие же смотрят на них как на героев-бунтарей».

Однако сегодня директора школ не имеют возможности воспользоваться средствами, которые действовали даже на самых неуправляемых детей. Раньше они могли выгнать их или отправить в специальные учреждения для трудновоспитуемых. Теперь же таких школ почти не осталось, а законы об образовании запрещают полное исключение. Максимум, что можно сделать, это попытаться перевести буйного ученика в другую школу того же района. Директора нью-йоркских школ иногда обмениваются такими возмутителями спокойствия: «Я возьму двух ваших, если вы возьмете одного моего, и за вами останется долг».

Учителям связывает руки и Закон 1975 года, обязавший школы предоставлять детям «бесплатное основное образование» независимо от их способностей и, более того, по возможности обучать «трудных детей» вместе со всеми. Тем самым школьное начальство лишилось права переводить в другие школы или отстранять от занятий на длительное время детей, нуждающихся в специальном образовании.

Это было бы не так важно, если бы специальное образование распространялось только на тех детей которых обычно считают неспособными к нормальному обучению (например, в инвалидных колясках или глухих). Однако в последние десятилетия этот список значительно расширился за счет детей, которых раньше называли просто «неуправляемыми» или неспособными к нормальному общению.

Теперь школьное начальство не может прибегнуть к действенным мерам, когда такие дети завязывают драки, сквернословят в адрес учителей или даже всерьез угрожают ученикам и учителям, как это часто бывает. Вот пример, демонстрирующий абсурдность Закона 1975 года. В одной коннектикутской школе начальство поймало ученика, когда он на перемене передавал другому школьнику револьвер. Один был исключен на год, как этого требует федеральный закон. Другой, инвалид (он заикался), был исключен лишь на 45 дней. Однако в большинстве случаев школы не идут даже на 45-дневное исключение из страха, что поднимется шумиха. «В школе они могут творить такие вещи, за которые после окончания угодили бы в тюрьму», – говорит Брюс Хантер, член Американской ассоциации школьных директоров.

Однако это крайние случаи. В основном учителям приходится поддерживать дисциплину на уровне «убери ноги со стола» и «перестаньте шептаться на уроке». Между тем два решения Верховного суда, принятые одно в конце 60-х, другое в 70-е годы, поставили под угрозу авторитет учителей и в этой области.

Первое из указанных решений было принято в 1969 году, когда директор школы на время отстранил от занятий пятерых школьников за ношение черных повязок на руке в знак протеста против войны во Вьетнаме. Суд постановил, что школьное начальство нарушило право свободы слова. «Ученики и учителя оставляют свое конституционное право свободы слова за воротами школы, – писал судья – школы не должны быть «анклавами тоталитаризма», а школьное начальство не имеет права диктовать школьникам свою волю», – торжественно заключил Суд.

Возможно, директор этой школы совершил ошибку. Но с тех пор как суд поднял вопрос о конституционных правах, учителям приходится в каждом случае задумываться, не нарушают ли они Конституцию. Допустим, школьник приходит в футболке с нацистской символикой. Директор хочет отправить его домой, чтобы тот переоделся, но, будучи не уверен, в своих полномочиях, он звонит более высокому начальству. Начальство тоже не уверено, поэтому консультируется у юриста. Юрист же озабочен не тем, что ребенок проявил неуважение и нетерпимость и нужно, чтобы об этом ему сказали взрослые, а тем, не будет ли попытка призвать школьника к порядку антиконституционной. А на этот вопрос ответить нелегко.

В 1975 году Верховный суд еще больше урезал полномочия школьного начальства. Несколько учеников были отстранены от занятий за драку в столовой. Несмотря на то, что директор школы сам оказался свидетелем драки, суд заключил, что он должен был сначала выслушать их объяснения, а только потом наказать. Школьники, заключил Суд, имеют неотъемлемое право на образование. Прежде чем лишить их этого права, необходимо, по крайней мере, устроить неофициальное слушание с привлечением свидетелей и соблюдением других формальностей, а отстранение от занятий на срок более 10 дней требует разбирательств на еще более официальном уровне.

Теперь юристы и судьи незримо присутствуют в школе. Вы хотите отстранить от занятий нарушителя порядка? Подумайте, сочтут ли судья ваши действия удовлетворительными. Согласится ли он с тем, что у вас достаточно свидетелей? Имеются соответствующие документы? Чтобы воплотить свое решение вам придется потратить много времени и сил.

Вскоре школьники поняли, что если директор или учитель делает что-то, что им не нравится, они могут подать на него в суд или, по крайней мере, пригрозить, что сделают это. История нью-йоркского учителя Джеффри Герстела, преподававшего в классах специального обучения, к сожалению, типична. Герстел выставил ученика из класса за угрозу убить ассистента. Мальчик ударился о книжный шкаф и повредил себе спину, но не настолько серьезно, чтобы ему понадобилась медицинская помощь. Несмотря на это, Герстел оказался на предварительном разбирательстве вместе с негодующей матерью мальчика, которая хотела довести дело до суда, и тремя «эмоционально травмированными подростками», одноклассниками мальчика, свидетелями столкновения. Мать, в конце концов, решила обойтись без суда и отправила сына обратно в класс к Герстелу. Но к тому времени Герстел потерял уверенность, которая была так нужна ему, чтобы справляться с целым классом буйных подростков, и дети поняли это. До конца учебного года они его поддразнивали: «Я приведу свою маму, и она подаст на Вас в суд».

Как говорят юристы, раньше закон в случаях нарушения дисциплины обычно вставал на сторону школы. Однако эффект описываемых выше судебных решений не так-то просто свести на нет. Рассмотрение дела в суде отнимает много времени и денег даже при положительном исходе. Но важнее всего, что сама возможность судебного разбирательства принижает взрослого в глазах ребенка. Она превращает учителя из носителя общественной морали и культурных ценностей в государственного служащего, который может угодить или не угодить юному гражданину общества, знающему свои права. Так рушатся нормальные отношения между взрослыми и детьми.

Чиновники из области образования попытались возродить дисциплину, с которой покончили суды и федеральные законы, но лишь восстановили против себя учеников и еще больше подорвали авторитет взрослых. Первым делом они призвали на помощь юристов и стали разрабатывать собственные уставы, правила и политику. Эти новые правила нужны скорее для того, чтобы избежать судебных разбирательств, нежели для поддержания порядка в классах. И, естественно, у школьников они вызывают лишь презрение.

Практическое применение таких правил вызывает увеличение числа случайных и необъективных решений, а ведь именно против них изначально выступали законодатели. Взять хотя бы политику «нулевого допуска», подразумевающую автоматическое отстранение от занятий за серьезные проступки. Она расцвела после принятия Конгрессом США в 1994 году постановления о запрещении ношения оружия в школах, по которому приносившие в школу огнестрельное оружие подлежали исключению на год. У некоторых местных органов правления развилась по этому поводу своего рода бюрократическая мания. Почему бы не начать наказывать школьников за ношение *любого* оружия, будь то пилка для ногтей или пистолет, стреляющий присосками? Здравому смыслу места здесь не нашлось, и число наказаний выросло.

В некоторых районах составляли специальные кодексы, запрещающие ношения оружия, и в результате образовательные власти оказывались в глупом положении. Когда ученик одной из нью-йоркских школ пришел с металлическим шаром, утыканным шипами, которым можно было «лишь» покалечить одноклассников, ему не запретили ходить на занятия: металлические шары отсутствовали в списке запрещенного оружия. Попробуйте его отстранить, и он подаст на вас в суд.

Хуже всего то, что из-за вмешательства юристов в вопросы школьной дисциплины учителя стали разговаривать с детьми на непонятном им языке, совсем непохожем на язык откровенного разговора, о том, что хорошо и что плохо, в котором дети так нуждаются. Вот пример из брошюры «Обеспечьте безопасность в школе»: *«Я признаю и соглашаюсь с тем, что*

1) ученические шкафчики являются собственностью школы; 2) ученические шкафчики всегда находятся под контролем школы; 3) я принимаю на себя полную ответственность за свой шкафчик». Школьники безошибочно чувствуют, что за этим сухим языком стоит не забота о них самих, а страх оказаться в суде.

Когда преподаватели не прибегают к языку юристов, они говорят на языке психиатров, поскольку успели призвать на помощь и их. Школьные бюрократы наперегонки хватаются за модные программы, «основанные на научных исследованиях», – тренинги по технике выражения эмоций, «мастерские» по борьбе с хулиганством, курсы по борьбе с агрессией, – пытаюсь с их помощью решить проблемы школьной дисциплины. Эти программы, эффективность которых сомнительна, представляют собой чисто механическое средство поддержания дисциплины. Дети не находят в них ничего, что бы отвечало их врожденной общительности и потребности в осмыслении.

Типичный пример – популярная программа «Второй шаг», разработанная сиеэтлской некоммерческой организацией. Согласно замыслу ее создателей, цель программы состоит в *«уменьшении импульсивности и агрессивности поведения, обучении навыкам общения и выражения эмоций и повышении самооценки»*. Как и другие подобные программы, она предлагает ролевые игры и дыхательные упражнения, учит «разбираться в своих чувствах», «сдерживать гнев» и «решать проблемы». Такие универсальные моральные качества, как самоконтроль, чувство собственного достоинства и уважение к другим, сводятся к простым «навыкам», механически активизирующимся в соответствии со сценарием – примерно так, как это происходит в компьютерной программе.

Все эти перемены привели к тому, что директора школ и учителя больше не стараются создать своего рода сообщество, которое раньше надежно гарантировало хорошую дисциплину. Когда все идет, как должно – то есть так, как это веками происходило во всем мире, – директор школы создает сплоченный коллектив, объединенный четкими нравственными принципами, который дает каждому его члену чувство собственной значимости. Люди соблюдают моральные принципы прежде всего потому, что таковы правила поведения в этом коллективе, а не потому, что они страшатся наказания. Такое сообщество строится не на юридическом и бюрократическом вмешательстве и бессмысленных упражнениях; в нем принят индивидуальный подход, основанный на покровительстве и доброжелательности главного лица, безусловно заслуживающего уважения.

Вот почему хороший директор всегда должен ощутимо присутствовать в коридорах, классах, столовой. Он приходит задолго начала уроков и надолго задерживается после занятий; знает всех учеников по именам, шутит с ними и подбадривает их. Он знает, какой эффект может произвести одно мягкое напоминание и какой мощный отклик может оно вызвать, потому что он обладает стойкими моральными принципами и хорошо знает своих учеников. Он работает со всем своим штатом – от учителей до водителей автобусов, чтобы они смогли поддержать его в его повседневной работе.

Такого директора, конечно, первым делом волнует вопрос безопасности. Фрэнк Микенс, директор большой средней школы в неблагополучном Бруклине, просит 17 своих сотрудников дежурить в близлежащих кварталах, когда ученики идут из школы домой, а сам сидит в машине рядом со станцией метро, следя за тем, чтобы не возникало драк и хулиганы не приставали к младшим или менее агрессивным детям. Когда дети видят, что взрослые действительно хотят их защитить, школа может стать сообществом, побуждающим к привязанности и доверию.

В действительности же школьные директора редко проявляют подобное героismo. Большинство превращаются в тех, кого Джон Чабб и Терри Мо в своей книге «Политика, рынки и американские школы» называют «администраторами низшего порядка», просто исполняющими решения свыше. Учителя часто жалуются, что директора школ, возможно сломленные потерей собственного авторитета, отступают в свои кабинеты, где проводят собрания и переключивают бумаги. Они занимают оборонительную позицию. «Никого не трогай. Занимайся своим делом», – такова позиция директора одной нью-йоркской начальной школы.

В средних школах, где с детьми справляться труднее, оборонительная позиция директора передается и учителям. «Заботься о своей безопасности, – так формулирует главный свой принцип учитель нью-йоркской средней школы. – Если дети дерутся, отойди в сторону. Вызови инспектора или охрану. Не вмешивайся». То, что учителям советуют полагаться на охрану (30 лет назад такое и в голову никому бы не пришло), говорит и об отсутствии нормальных отношений между взрослыми и детьми, и о невыполнении школой роли сообщества. Если взрослые перестают по тысяче раз в день произносить слова ободрения, напоминания и порицания, остается лишь прибегнуть к авторитарным мерам.

Когда взрослые теряют свой авторитет, дети перестают им доверять и отстраняются. Американские школы превращаются в то, что социолог Джеймс Соулман называл «подростковым сообществом», интересы которого ограничиваются проблемами назначения свиданий, секса и потребительства. При отсутствии руководства взрослых подростковое сообщество будет все более обособливаться.

Несмотря на то, что при настоящем положении дел можно легко усомниться в этой истине, нет ничего особенно сложного в том, чтобы внушить детям принципы морального поведения. В одной средней школе, которую я посетил, на стене висел плакат: «Трудитесь усердно, будьте добры; будьте добры, трудитесь усердно». Если школа сможет привить своим ученикам хотя бы эти два качества, ей удастся достичь почти всего, чего от нее можно ожидать.

Сокращенный перевод Ольги Юрченко

Русский Журнал / Вне рубрик /
www.russ.ru/ist_sovr/20000530_ximov.html

КОНФЛИКТЫ В ШКОЛЕ: РЕШЕНИЕ «ВЫИГРЫШ-ВЫИГРЫШ»¹

ВЫСТУПЛЕНИЕ СУДЬИ (ФРЕДА) МАКЭЛРИ²

Преступление и образование

То, что меня пригласили выступить перед участниками этой конференции, для меня большая честь, особенно если учитывать тот факт, что я не являюсь экспертом в области образовательного права. Моя заинтересованность в данном случае – практическая по своей сути. Это заинтересованность человека, видящего в судах большое количество подростков школьного возраста, которые, тем не менее, были исключены из системы образования на месяцы, а то и годы. Именно они являются главными кандидатами для полиции и судов. Около 70% детей школьного возраста, дела которых были направлены в различные ведомства системы ювенального правосудия Южного Окленда, не посещают занятия³. По оценке Дэвида Каррутерса, судьи Главного Ювенального суда в Новой Зеландии, 80% малолетних правонарушителей в наших Ювенальных судах не ходят в школу⁴. Одни из них прогуливают, другие исключены или на неопределенное время лишены права посещать занятия, третьи просто выпали из системы, бросив одну школу и так и не поступив в другую.

Вот как одна американская писательница недавно выразила связь между преступлением и образованием⁵: «Прогоулы могут стать началом жизненных проблем для учеников, которые систематически пропускают уроки. Из-за того, что они начинают отставать в знаниях, многие из них вообще перестают приходить в школу. Это проще, чем догонять своих одноклассников.

Прогоулы – это первый шаг на пути к правонарушениям и криминальной деятельности. Согласно отчету, составленному Управлением образования Лос-Анжелеса по факторам, влияющим на преступность малолетних, именно хроническое отсутствие на занятиях является мощнейшим предвестником будущих правонарушений.

Для учеников, прогуливающих школу, более высок риск быть вовлеченными в действия, связанные с наркотиками, алкоголем или насилием. Заместитель помощника прокурора Калифорнии, занимающийся делами, связанными с пропуском занятий, заявляет, что “не видел ни одного члена банды, который сначала не был бы просто прогульщиком”».

Прогоулы и отстранение от занятий. Исключение из школы в Новой Зеландии

Реформы «Школы завтрашнего дня», проведенные в Новой Зеландии в 1989 году, упразднили в старом Департаменте образования должность работника, занимающегося посещаемостью, и передали эту обязанность школам. С этой целью школам было выделено некоторое количество фондов, но закон не налагал на них обязанности нанимать человека,

занимающегося пропуском занятий, и, в конце концов, большинство из них стало страдать от общей нехватки фондов. Результатом явилась потеря интереса к посещаемости. Только в последние год или два, как это ни забавно, общественности стало известно, что большое количество подростков не посещает школу. Удивительно, но в настоящее время (по крайней мере, на период до января текущего года) не существует никакой государственной электронной системы учета, с помощью которой можно было бы проследить всех учащихся с момента поступления в школу до окончания обучения. Таким образом, даже Министерство образования не в состоянии предоставить информацию о том, сколько детей в настоящий момент должно находиться в школах, но на самом деле их там нет. Министерство лишь смогло сообщить, что у них в записи есть карточки на 2832 ученика, не прикрепленного ни к одной школе (2316 человек из этого количества последний раз числились в школах оклендского района)⁶. Министерство все же учредило службу регистрации, призванную находить детей, по каким-либо причинам выпавших из системы образования.

Отдельной проблемой, лишь относительно связанной с прогулами, являются дети, временно отстраненные от занятий или исключенные из школы (в другую школу подросток так и не пошел). Такое происходит со многими, несмотря на обязательство искать для ребенка другое место учебы, которое налагает на школы Акт об образовании, и несмотря также на право Министерства требовать, чтобы государственная школа приняла такого ученика. (На самом деле Министерство без энтузиазма относится к тому, чтобы вынуждать школы принимать детей, и очевидно, делает это не часто. Хороший пример того, как права, существующие в теории, оказываются иллюзорными на практике.) В Новой Зеландии в 1996 году насчитывалось 10 016 школьников в возрасте до 16 лет, лишенных права посещать занятия, при этом 3471 из них были лишены этого права на неопределенный срок или вообще без указания такового. Помимо этого еще 119 человек (по определению, только дети 16 лет и старше) были исключены из школ. Эта цифра, естественно, не учитывает бесчисленное количество неофициальных и собственно незаконных так называемых «отстранений киви», когда родителям просто предлагают забрать ребенка из школы и мотивируют это тем, что таким способом они смогут избежать «черного пятна позора» официального исключения. Мне не известно ни о каких опубликованных данных касательно того, сколько из числа отстраненных на время детей были восстановлены впоследствии в своих школах, но, полагаю, процент их очень невелик.

Последствия для будущего

Если позволить подросткам не учиться и тем самым не закончить образование, это может иметь сокрушающие последствия для всего общества. Сейчас понятно, что западная экономика в состоянии использовать весьма ограниченное количество неквалифицированной рабочей силы, так что каждый новый человек без профессиональных навыков, как правило, представляет собой еще одно пожизненное пособие по безработице. Если у этого человека есть дети, пособия добавляются. Если он оказывается вовлеченным в преступление, это оборачивается издержками для правоохранительных органов, судебными издержками, ущербом, нанесенным собственности, затратами на содержание в приюте, тюремное содержание, госпитализацию пострадавшего и т. п. Наконец, выше всех этих финансовых затрат – тяжелые личные и социальные травмы правонарушителя, жертвы, их родственников, полицейских и общины в целом. Я уверен, если бы сотрудники Министерства финансов предприняли детальный, направленный в долгосрочную перспективу анализ затрат и доходов, результатом явилось бы составление баланса, который ошеломляющим образом продемонстрировал необходимость обеспечить посещаемость в школе и давать детям должное образование.

Конфликт интересов?

Мы признаем, что налицо структурная проблема. Вот что мне написала один директор школы:⁷ «Верно, что прогулы являются основной проблемой и зачастую предшествуют возникновению других проблем. С моей точки зрения, для школ эта проблема будет оставаться одной из последних в списке приоритетов до тех пор, пока не существует никаких стимулов для ее разрешения. «Награда» за внимание к посещаемости минимальна, и результаты зачастую принимают отрицательный характер, когда приходится обеспечивать ежедневное

присутствие «трудных» детей (обычно с проблемой неадекватности или трудностями в обучении). Конечно, намного легче, если такие дети отсутствуют, и преподаватели могут сконцентрироваться на тех, кто находится в классе».

Решение, предложенное автором письма, заключалось в том, чтобы проводить государственное финансирование в соответствии с ежемесячными отчетами о посещаемости (а не так, как это происходит в настоящий момент – в соответствии со школьными ведомостями, которые проверяются только первого марта и первого июля). Таким образом, можно сделать высокую посещаемость одним из главных показателей успешности школы. (Однако такая система может оказаться дискриминирующей для школ в тех областях, где родители оказывают слабую поддержку образованию.)

Действительно, для уставших от конфликтов учителей и административных работников школы есть искушение считать уход «трудного» ребенка избавлением от еще одной проблемы, после которого они могут вздохнуть спокойно. Ребенок, может быть, что-то и теряет, зато школа остается в выигрыше. Многие учителя сказали бы, что их задача заключается в том, чтобы учить большинство школьников, которые хотят учиться, а не в том, чтобы выступать в роли социальных работников для нескольких «трудных» детей в классе. В этом действительно есть большая доля правды. Таким образом, у школ есть весомые причины желать ухода сложного подростка и даже активно стараться избавиться от него, не рассматривая другие обстоятельства, которые позволили бы ему остаться. Закон Новой Зеландии налагает на родителей обязанность обеспечивать присутствие своих детей в школе. Но за неисполнение этой обязанности они редко (если вообще когда-либо) предстают перед судом – как говорят, из-за больших судебных издержек.

С одной стороны, **проблема возникает из-за состязательного, или так называемого «выигрыш-проигрыш», подхода к разрешению проблем.** С другой стороны, возникновение (и дальнейшее развитие) проблемы тесным образом связано с растущим в современном мире четким разделением ролей и обязанностей, а также с **сопутствующей тенденцией перекладывать решение проблем на других.** Именно такое положение вещей разрушает у нас чувство общины. Мне бы хотелось и далее не оставлять эти темы, освещая их как в контексте вопроса о посещаемости, так и в связи с проблемой отстранения от занятий и исключения из школы.

Община как часть ответа – остров Уейхик

Там, где сильно общинное чувство, можно ожидать наличие другого подхода. Не случайно, что на прошлой неделе средства массовой информации уделили столько внимания двум школам на острове Уейхик, находящемся рядом с Оклендом. Объединив усилия, получив небольшое дополнительное государственное финансирование, школы наняли работника, в обязанности которого входит следить за посещаемостью. Основное население Уейхика составляет 7 000 человек. Достаточно мало для того, чтобы каждый лично на себе чувствовал влияние преступности и чтобы община взяла на себя инициативу через Попечительский совет школ как-то решить эту проблему. Этот работник каждый день связывается с обеими школами, выясняя, кто отсутствует на уроках без уважительной причины. Далее, при помощи трех добровольцев он занимается каждым делом отдельно, начиная с телефонного звонка или нанесения визита семье школьника. Согласно газетной заметке⁸, результатом этих мер было значительное падение уровня преступности несовершеннолетних. С тех пор как 31 января система начала работать, был задержан только один малолетний взломщик, и общее количество краж сократилось на 20% по сравнению с тем же периодом прошлого года. (Я полагаю, за большинство из оставшихся 80% в ответе взрослые правонарушители.) Полиция сообщает также о снижении количества угонов моторных транспортных средств. За первый школьный семестр этого года был рассмотрен 501 случай отсутствия на занятиях без уважительной причины (некоторые из них – повторные). Иногда расследование выявляло наличие семейных проблем – таких, как бедность, о чем сообщалось в соответствующие социальные службы. Работник, занимающийся посещаемостью, объяснил мне, что добровольцы – это люди, получающие или получившие какой-либо доход от государства. Они гордятся своей работой и видят в ней способ воздать обществу за то, что оно им дало.

В данном случае это очень удачная схема – можно рассматривать естественные границы и замкнутость общины Уейхика как его преимущество. Но настоящая причина успеха этой

схемы, я полагаю, заключается в том, что **школы воспринимаются как часть общины и вместе с ней несут ответственность за решение общих проблем**. Так почему же другим школам не воспользоваться этим примером и совместно не нанять человека (возможно, на почасовой основе), который при поддержке добровольцев занимался бы посещаемостью? Участие добровольцев было бы очень ценным для действия схемы, поскольку они являются весомыми представителями интересов общины в сохранении порядка и спокойствия (особенно в понижении уровня преступности). Добровольцы также смогли бы приобрести некоторые знания о населении общины и ее ресурсах (как официальных, так и неофициальных) для решения других неохваченных проблем. Даже лучше, если добровольцы будут каким-то образом связаны со школой, хотя в случае Уейхика это не так.

Программа Ту Тангата

Столь же любопытна (хотя и не направлена конкретно на решение проблемы прогулов) программа Ту Тангата, действующая в колледже Паркуей в Уайнуомате, рядом с Уэллингтоном. Эта методика, направленная на привлечение не очень прилежных учеников к учебе, также некоторым образом способствует посещаемости занятий. В первые 15 месяцев действия программы уровень прогулов среди третьеклассников снизился с 30% до 6%. В сущности, эта программа была инициативой маори. Вот как объясняет ее успех газета⁹: «Ее секрет в активном участии общины в каждодневном обучении подростков. Тетушки, отцы, бабушки и другие взрослые местной общины вместе с школьниками ходят в школу, занимаются на уроках, выполняют домашние задания. Они тихо передвигаются по классу, подходя и к потенциальным хулиганам, и к тихоням, которые, замечтавшись, не следят за тем, что происходит на уроке. Они помогают усмирить класс.

Эти люди – помощники, а не учителя. Их называют помощниками в обучении. Джеки Аува, занимающаяся такой работой, говорит, что для многих из них это еще и второй шанс самим получить образование.

Эти помощники – и маори, и европейцы, и самоанцы. Двое из них ежедневно присоединяются к каждому третьему классу на весь день. Они получают оплату из лотерейных фондов, либо являются добровольцами, уже имеющими доход от государства. Ранее скептически настроенные учителя теперь полагают, что у них наконец-то появилось время для того, чтобы преподавать, а не только следить за поведением в классе. Но равно важен и тот посыл, который получают ученики. Газета цитирует профессора Элтона Ли из Университета Виктория в Уэллингтоне¹⁰: «То, что помощники в обучении оказались в классных комнатах, явилось моментом, сделавшим программу революционной ... Будто сама община говорит детям: “Мы считаем, что учиться, – это очень важно, поэтому у нас есть взрослые, которые готовы сидеть рядом с вами за партой, чтобы проследить, что вы извлекаете наибольшую пользу из ваших занятий”».

Восстановительное правосудие

Оставляя ненадолго тему прогулов и обращаясь к вопросу исключения из школы и временного отстранения от занятий, я хотел бы вернуться к докладу, озаглавленному «Школьная дисциплина и восстановительное правосудие», который я прочитал на семинаре Фонда правовых исследований, проведенном в Окленде в прошлом году¹¹. В докладе исследовались параллели между уголовным и школьным правосудием. Предполагалось также, что восстановительное правосудие в состоянии предложить лучший выход при практическом решении сложных дисциплинарных проблем, чем исключение из школы или отстранение от занятий «трудных» подростков. Конкретной моделью восстановительного правосудия, на которую я ссылался, была концепция семейных конференций, которую используют в ювенальном суде Новой Зеландии. Эту модель, я полагаю, можно без труда адаптировать, превратив ее в школьные конференции.

В то время мне был неизвестен факт, что в Австралии специалист-консультант Маргарет Торсберн уже осуществила идею школьных конференций в школе Маручидор Хай Скул в Квинсленде¹². Ниже я буду ссылаться на некоторые ценные результаты более позднего эксперимента в Квинсленде.

Для тех, кто незнаком с восстановительным правосудием, поясню, что это подход к разрешению конфликтов в области уголовных преступлений, очень древний в своих истоках,

но лишь в последнее время вновь появившийся в западных юридических системах. Галэуей и Хадсон следующим образом описывают его суть¹³: «Для любого определения и практики восстановительного правосудия фундаментальными являются три элемента. Во-первых, преступление рассматривается в первую очередь как конфликт между людьми, нанесший вред жертвам, общинам и самим правонарушителям, и только лишь потом как насилие над государством. Во-вторых, цель процедуры уголовного правосудия должна состоять в том, чтобы создать покой в общинах, примирив стороны и возместив вред, нанесенный спором. В-третьих, уголовное правосудие должно способствовать активному участию в процедуре жертв, правонарушителей и общин в целях поиска способа разрешения конфликта».

Лучшим вступлением к данной теме, на мой взгляд, до сих пор остается основополагающий труд этого меннонитского пророка справедливости – Ховарда Зера – «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание»¹⁴. Очевидно, что это была книга, открывшая для меня новую парадигму правосудия. Однако получившая освещение в данной книге североамериканская модель восстановительного правосудия – программа примирения жертвы и правонарушителя – является по сути своей моделью примирения «один на один», в которой отсутствует важный элемент общины, присущий канадским Кругам Правосудия и семейным конференциям в Австралии и Новой Зеландии. Последующие американские работы в этой области уже имеют тенденцию включать в исследования элемент общины¹⁵.

Важно, однако, что восстановительное правосудие не предполагает существование цельных, устоявшихся общин. **Оно само по себе может оказаться силой создающей общины**, как заметил судья Бэрри Стюарт по поводу Кругов Правосудия в Канаде¹⁶. Ранее я тоже выдвигал схожую идею¹⁷: «...уголовное правосудие и община разведены слишком давно. Правосудие стали воспринимать как состязание между государством и подсудимым. По большей части игнорируется и забытая сторона – жертва – и община, к которой обе стороны принадлежат. Правосудие должно стать чем-то, что мы требуем для себя и всячески стараемся поддержать, но в настоящий момент обычный человек не чувствует, что справедливость на его стороне. Правосудие рассматривается лишь как свод правил, по которым и проходит это соревнование «государство против подсудимого». Результатом такого положения вещей является полное отсутствие для кого-либо стимула принимать на себя ответственность за преступление или исправлять причиненное зло. Восстановительное правосудие по сути – это система, имеющая в своей основе общину. В отличие от уголовного правосудия, эта система поощряет признание ответственности всеми вовлеченными в конфликт и использует все ресурсы общины для восстановления мира и согласия...».

А совсем недавно (два месяца назад на конференции LEADR в Перте) я утверждал, что восстановительное правосудие в уголовном праве тесным образом связано с альтернативным разрешением конфликтов («АРК») в гражданском праве. В моем докладе¹⁸ содержалось семь пунктов сходства, а к концу этой конференции я добавил в список еще три¹⁹. Я упомянул об этом факте, чтобы подчеркнуть то, о чем я говорил в самом начале: восстановительное правосудие – это подход к разрешению конфликтных ситуаций в определенной области. Нет причин, по которым его принципы не могли бы использоваться в других областях, будь то образование, гражданские споры или, в конце концов, споры международные.

Школьное и уголовное правосудие

Мой интерес к восстановительному правосудию имеет в своих истоках мою работу ювенальным судьей, а также осознание того, что модель Ювенального суда в Новой Зеландии является по сути своей восстановительной моделью правосудия. В уже упомянутом мной докладе, сделанном на семинаре Фонда правовых исследований, я предположил наличие большого количества параллелей между традиционной системой наказания, действующей в судах для взрослых правонарушителей – с одной стороны, и системой поддержания дисциплины, действующей в наших школах – с другой стороны (особенно в использовании исключений из школы и временного лишения права посещать занятия). Я перечислю эти параллели²⁰:

1. Профессионалы (судьи, юристы, учителя) находятся под определенным контролем. В суде большая часть действий происходит в треугольнике, означенном позициями судьи, прокурора и защитника. В случае со школами директор, Попечительский Совет и Министерство

- образования составляют похожий треугольник (хотя я готов признать, что Совет включает в себя членов общины).
2. Ни правонарушитель, ни община, к которой он относится, в результате фактически не имеют слова. По большому счету, результат процедуры – это решение облеченных властью, а не вопрос переговоров. (Не странно ли, что в обязанности Совета даже не входит выслушать ученика? Что такое положение вещей говорит о модели, действующей в настоящий момент?)
 3. В основанных на правилах и обычаях системах для правонарушителя снижена возможность измениться под влиянием чувства стыда и раскаяния (их следует отличать от публичного унижения).
 4. **«Правила правят»**. Наказание в суде и дисциплинарные меры в школе считаются справедливыми, если в каждом конкретном случае четко следовали строго определенным правилам. **Мера справедливости – сама процедура, а не ее результат**.
 5. Не делается реальной попытки более широко оценить ответственность за содеянное.
 6. Причины правонарушения не исследуются, и поэтому попытки предотвратить повторное правонарушение чрезвычайно слабы.
 7. Происходит заметная концентрация внимания на правах отдельной личности без соответствующего внимания к правам (и обязанностям) общины.
 8. Ресурсы общины, использование которых может оказать положительное влияние на результат, зачастую игнорируются.

Как результат всех перечисленных недостатков, в традиционной судебной модели отсутствует сознательное принятие на себя ответственности за исправление ситуации. Я полагаю, это верно и для системы образования. Вместо этого процветает отношение «с глаз долой – из сердца вон». Изолируя виновного от общества или школы (посредством заключения в тюрьму или исключением из школы; временным запрещением на посещение занятий), мы думаем, что решили проблему. На самом деле мы просто отодвинули ее во времени и пространстве – хотя, развиваясь, она может только обостриться.

Школьные конференции

Решение, которое я предложил, заключалось в модифицированном варианте семейных конференций, который называется школьными конференциями²¹ (далее ШК). Никакого долгосрочного лишения права посещать занятия или исключения из школы не может состояться без проведения перед этим ШК. На встрече должны присутствовать представители учеников и персонала школы; директор и еще один член Попечительского совета; сам ученик и члены его семьи, включая не только родителей; ювенальный адвокат (т.е. профессиональный юрист с опытом работы в Ювенальном суде), или специалист по ювенальному праву, или представитель местной конторы по разрешению споров между соседями; представитель полиции, занимающийся делами несовершеннолетних (если проблема включает в себя уголовное преступление или на школьника есть запись в Ювенальном суде); и один или несколько представителей местной общины, как связанные, так и не связанные со школой – возможно, консультант по проблемам с наркотиками, лидер местной культурной или религиозной организации, тренер футбольной команды или другие люди, пользующиеся уважением у школьника и способные оказать на него влияние. Сейчас я также считаю, что на встрече должен присутствовать любой школьник или учитель, который был конкретной жертвой разбираемого поступка. Как указывает Ховард Зер, жертвы суть основные участники восстановительного правосудия.

Такой состав ШК необходим для того, чтобы рассмотреть все вопросы, поднятые учеником, а также возможную необходимость его отчисления из школы, поведение, повлекшее за собой такую необходимость, ответственность за это поведение и вероятные действия для устранения создавшейся проблемы. После всего этого необходимо составить план, который касался бы всех этих моментов. Удачный план должен содержать пункты в пользу школы (например, пакт о ненасилии, обязательства по посещаемости); пункты в пользу ученика (помощь в решении трудностей с обучением, консультации по проблемам с алкоголем, пробное участие в баскетбольной команде или в другом кружке или группе по его желанию, обязательства родственников взять на себя больше ответственности или прекратить суровые наказания, например битье); некоторые пункты в пользу семьи (наблюдение за ребенком после школы, направление в церковные или общинные службы консультаций по различным

проблемам, или даже включение в школьную общину); и некоторые элементы в пользу общины (например, удалить надписи на стенах, не общаться с хулиганами, вернуть ключи от транспортного средства).

Через два или три месяца вновь созданная ШК должна проверить существующее положение вещей. На встрече необходимо составить отчет и рекомендации (которые могут включать исключение из школы) для Попечительского совета. Возможно, законом должно быть установлено, что Совет может отвергнуть эти рекомендации только с разрешения Министерства образования.

Далее, хотелось бы определить, полномочен ли директор организовать такую конференцию (по собственной инициативе или по требованию других) для решения сложных дисциплинарных проблем еще до возникновения вопроса об исключении или временном лишении права посещать школу.

Сопутствующие моменты

Вместе с этим предложением было выдвинуто еще одно – открыть в каждой школе Центр по разрешению конфликтов, в котором проходили бы школьные конференции и который был бы доступен и для других членов школьной общины, желающих разрешить споры. Это поощряло бы положительное разрешение конфликтов ненасильственным методом. Восстановительное правосудие – это составная часть миротворческого и общиносозидающего процесса, а в таком центре свое развитие получили бы оба эти момента.

В некоторых школах Окленда уже действует что-то наподобие школьных конференций (например, в школах Пенроуз Хай Скул и Тамаки Колледж). Обе эти школы получают особое государственное финансирование на оплату социального работника, и очевидно, что это очень значительная помощь в организации и проведении таких конференций. Но нельзя также недооценивать значение помощи добровольцев как средства развития и укрепления связей с общиной.

Энн Данфи, заместитель директора Пенроуз Хай Скул, выступает за **совместные действия различных служб**²²: «Социально безответственно просто позволить этим детям выпасть из школьной жизни и бродить где попало. Неразумно также, что проблемой такой национальной важности фрагментарно и поверхностно занимаются разрозненные программы. И для самих детей, и в целях сокращения денежных расходов было бы лучше, если бы социальные работники, работники, занимающиеся посещаемостью, и медицинские службы объединили свои усилия. Примеры такого сотрудничества есть и в Новой Зеландии, и за рубежом.

Центром работы такой объединенной службы легко сделать школу, но и это не главное. Важно создать чувство уверенности в поддержке общины, интегрировав работу всех организаций и служб, занимающихся благосостоянием человека – школы, медицинской и социальных служб, полиции».

Я полностью согласен с мнением Энн Данфи, предлагаю лишь более прямое участие общины, не только посредством официальных служб.

Похожее предложение было сделано координатором Ювенального суда Уэллингтона Элланом МакРэ. Он высказался за «объединенные действия» работников школы и ювенальной юстиции в случаях, когда правонарушение связано со школой. Тогда проводится семейная конференция с участием школы в качестве «жертвы».

Результаты австралийских исследований

В Новой Зеландии исследования в области семейных конференций проходили крайне медленно. Я благодарен профессору Джону Брейтуейту и другим, опубликовавшим предварительные результаты своих исследований, которые выглядят очень благоприятно для восстановительного правосудия²³. Предмет их изучения не связан напрямую со школами. Однако в июне 1996 года Департамент образования (Квинсленд) опубликовал отчет о годичном эксперименте по проведению конференций в 75 школах Квинсленда. Этот материал, одним из авторов которого является Маргарет Торсберн, представляет собой очень увлекательное чтение²⁴. В отчет включены следующие результаты:

- Участники были в высшей степени удовлетворены самой процедурой конференции и ее результатами.
- Наблюдался высокий уровень согласия правонарушителей с условиями соглашения.
- Отмечен низкий уровень повторных правонарушений.
- Большинство жертв стали чувствовать себя в большей безопасности, чем до конференции. Теперь они считают, что способны лучше справляться с подобными ситуациями.
- Высокий уровень понимания и сочувствия к жертвам со стороны правонарушителей.
- Руководители проекта почувствовали, что конференции укрепили школьные ценности.
- Родственники учеников в большинстве положительно отзывались о школе и выразили готовность поддержать ее в решении других вопросов.
- Как результат участия в конференциях, **почти во всех школах, занятых в эксперименте, изменился подход к решению проблем с поведением учеников.**

Я надеюсь, что результаты этого эксперимента получат широкую огласку, поскольку они обнадеживают, что проблемы с дисциплиной в школах будут решаться по-новому – с привлечением ресурсов школьной общины и признанием взаимных обязательств, – и этот новый способ решения будет спланировать людей, а не создавать отверженных. Все это – особенности восстановительного правосудия.

Альтернативное образование

Нужно, однако, также признать необходимость некоего альтернативного образования для тех, кто не посещал школу длительный период времени или для кого не подходит по большей части теоретическая модель обучения, действующая в настоящее время в Новой Зеландии. Возможно, для таких детей потребуются другая программа и иные методы обучения. Наиболее интересное дело в этой области в Новой Зеландии – Трест Титиро Уануа в Южном Окленде, который занимается поисками финансирования для двухгодичной пилотной программы. Очевидно, что нет смысла возвращать аутсайдеров в школу, если им не подходит модель, из которой они уже один раз выпали. Трудности были усугублены несколько лет назад закрытием технических колледжей – учреждений средней школы, специализирующихся в основном на преподавании профессиональных практических навыков. Теперь у нас есть государственная программа обучения, основанная главным образом на теоретических дисциплинах и малоподвижная по своей природе.

Предложение о создании Совета по надзору за образованием

В начале этого года ведомство Комиссара по делам детей предложило создать Совет по надзору за образованием. Этот орган рассматривал бы апелляции (жалобы) школьников и родителей, недовольных исключением из школы, лишением права посещать занятия или отказом записать ребенка в школу. В соответствии с идеей, в Совет, председателем которого должен стать юрист, необходимо включить также двух независимых членов, профессионально связанных с образованием. Поскольку предложение о создании такого Совета находится сейчас на рассмотрении в Министерстве образования, мне бы не хотелось обсуждать его подробно. Скажу лишь, что идея была предварительно изложена Комиссаром в его отчете за годичный период, закончившийся 30 июня 1996 года, отчет был представлен в Парламенте в феврале 1997 года. Идея эта впоследствии освещалась средствами массовой информации. Я бы хотел ограничить свои замечания по поводу системы апелляций сравнением и противопоставлением ей подхода, в основе которого лежит община, а именно школьные конференции (ШК). Признаю, однако, что оба эти подхода имеют право на существование.

1. Система апелляций, как правило, создает победителей и проигравших: апелляцию либо удовлетворяют, либо решают дело в пользу того, на кого подавалась жалоба. Даже при попытке примирить стороны структура не изменяется: она остается состязательной по сути. Школьники могут чувствовать, что «выигрывают очки» у своей школы, если их восстанавливают там против воли самой школы. В конце концов, обе стороны оказываются в проигрыше, когда и после процедуры апелляции ситуация все равно полностью не исправлена. Кто бы ни выиграл, другой всегда проигрывает. Это вовсе не решение «выигрыш-выигрыш».

2. В системе апелляций обжалованию подлежит *уже* принятое решение после того, как стороны *уже* разошлись. Цель ШК – предотвратить принятие неправильного решения, проведя встречу до того, как решение об отчислении или отстранении принято. (Я не включаю сюда отстранения на короткий срок: в некоторых случаях эти несколько дней для того, чтобы «остыть», вполне оправданны.) Приняв правильное решение в самом начале, можно избежать последующего вреда, который может нанести исключение или отстранение от занятий. Ведь необязательно, что такой вред можно исправить, изменив первоначальное решение.
3. В системе апелляций главными являются права, в то время как в системе восстановительного правосудия – обязанности. В данном случае имеются в виду обязанность школьников уважать других и не мешать другим учиться, обязанность школ давать ученикам образование, а также обязанность родителей оказывать школе поддержку и нести ответственность за своих детей. Права школьников также очень важны, но нельзя оперировать только ими. Точно также и в других областях разрешения конфликтов. На конференции LEADR в Перте я посетил два занятия, которые провел американский гуру программы примирения Роберт Э. Барух Буш из юридической школы Хофстра в Нью-Йорке. Одно из этих занятий носило название **«Программа примирения как трансформирующий процесс»**.

Сам опыт конфликта изменился, стал из деструктивного конструктивным. Вот что мы подразумеваем под трансформирующим процессом²⁵.

Я не помню, чтобы за всю конференцию Роберт Буш хоть раз употребил слово «права».

С другой стороны, права – это обычный инструмент (или орудие) во всех состязательных процессах. Это особенно верно в случаях, когда права, о которых идет речь, – права отдельной личности, по которым западное общество, похоже, специализируется последние лет двести или около того. Права сами по себе, как правило, имеют какой-то смысл, дисбаланс возникает тогда, когда закон не налагает соответствующих обязанностей, а также когда не принимаются во внимание права и обязанности общины. С этим у нас действительно всегда были проблемы. Короче говоря, вынесение во главу угла прав отдельных индивидуумов без изучения их обязанностей внесло свой вклад в создание эгоцентричного «я-общества», в котором мы сейчас живем. В связи с этим насколько ново и необычно узнать, что новозеландская модель Ювенального суда имеет под собой установленную законом цель: **обеспечить, чтобы малолетний правонарушитель «отвечал за свое поведение и принимал на себя ответственность за него... чтобы все его нужды находили признание и он имел возможность в будущем развиваться как ответственный, приносящий пользу себе и обществу человек»**²⁶. Эту состоящую из нескольких аспектов цель можно без изменения перенести и использовать в области решения дисциплинарных проблем в школе. В конце концов, проблемы не столько в «правах» школьников, сколько в защите самого общества. Ранее я выразил эту идею следующим образом²⁷: «Я озабочен не тем, что у школьников мало прав, но тем, что общество имеет право и должно знать, что им (школьникам) дают образование и делают из них ответственных членов общества. Общество, на мой взгляд, должно быть вовлечено в этот процесс».

Подобные взгляды высказывают авторы недавно опубликованной статьи об альтернативном разрешении конфликтных ситуаций²⁸: «По нашему опыту мы знаем, что стороны часто ждут более серьезных результатов, чем просто защита их прав. Они ищут результат, который соответствовал бы их пониманию правосудия и удовлетворял бы их чувству справедливости. Большинство гражданских споров представляют собой сложный комплекс с правыми и виноватыми по обе стороны. Программа примирения может помочь им выявить общие интересы...»

4. Удовлетворенные апелляции, успешно восстанавливая статус кво, все же не решают проблему, которая вызвала появление жалобы. Иными словами, они возвращают старую проблему. Цель ШК – рассмотреть все возникшие проблемы и трудности и избавиться от них с пользой для всех участников (ученика, учителя и всей школы) и сделать это так, чтобы не приостанавливать на неопределенное время (или не прекращать) обучение подростка. Можно признать школьника ответственным за свое поведение, но участники конференции имеют возможность также взглянуть на вопрос и с других точек зрения – например, считает ли школьник, что с ним несправедливо обошлись, или выполняют ли родители свою роль, помогают ли они и т. д.

5. В работу систем, основанных на строгих правилах, очень сложно вовлечь общество. Возможно, потому, что в вопросе о соблюдении прав люди надеются на других (особенно на государственные учреждения), но у тех, других, не всегда есть на это средства. В таких системах, как правило, господствуют профессионалы, соответственно, вся власть (и ответственность) остается на них. Ценность принципов восстановительного правосудия в том, что обычные люди интуитивно понимают и ценят их. Никакое высшее образование не требуется. Эти принципы находятся у самых «истоков» правосудия, поэтому людям легко принимать участие в работе этой системы. Новозеландское (и полагаю, австралийское) общество было во многом сформировано благодаря тому, что обычные люди выступали добровольцами в разного рода начинаниях. Это одно из наших великих культурных достоинств. Нужно только, чтобы это характерное достоинство хотя бы частично проявилось в нашей работе в системе ювенальной юстиции – как в судах, так и в школах.

Вполне возможно, что система апелляций может быть использована для исправления каких-либо других ошибок, особенно если, например, учитывать высокую стоимость пересмотра дела в суде. Но совершенно точно, что в системе образования необходимо в первую очередь воспользоваться стратегиями для практики, нацеленной на поиск решений «выигрыш-выигрыш» и обеспечивающей наименьшее количество ошибок.

РАБОТА ШКОЛЬНЫХ СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ

А.Ю. Коновалов

Организация служб примирения

Введение

Несколько лет назад наш Центр начал взаимодействовать с органами милиции, суда и следствия с целью внедрения в их деятельность принципов и технологий восстановительного правосудия – нового способа разрешения конфликтных и криминальных ситуаций. Восстановительное правосудие позволяет разрешать конфликтные и криминальные¹ ситуации путем *диалога* между конфликтующими сторонами при поддержке *нейтрального* посредника (ведущего программы). На программах восстановительного правосудия обсуждаются не вопросы вины и наказания, а интересы сторон, их потребности, возникшие у них в связи с произошедшей ситуацией, а также возможность возмещения ущерба самим нарушителем, способы предупреждения подобных ситуаций в будущем, и каким образом сообщество может участвовать в дальнейшей судьбе нарушителя и жертвы². Подобные программы используются во многих странах мира³ и доказали свою эффективность.

Но, работая с милицией по криминальным ситуациям, мы отметили, что большинство из них происходит именно в школе (хотя бы потому, что там дети проводят большую часть времени). По многочисленным свидетельствам, большинство подростков не чувствуют себя защищенными внутри школы, и разрешение конфликтов становится для ребят порой важнее процесса обучения.

Школа не выносит свои ситуации вовне, справедливо опасаясь за репутации свою и подростка. Но при этом не имеет инструмента для работы с криминальными ситуациями. В результате, конфликтные ситуации либо замалчиваются, либо происходит эскалация конфликта до такой степени, что разрешить его можно только силовыми методами. Поэтому Центр «Судебно-правовая реформа» начал создавать **школьные службы примирения**, чтобы школы в своих стенах могли создать основу для осуществления программ восстановительного правосудия.

А поскольку речь идет не об «административном» разрешении ситуаций, а о посредничестве, примирении и активности подросткового сообщества, то работать в службу пригласили не только школьных специалистов (заместителей директоров по учебно-воспитательной работе и социальных педагогов), а и самих учеников школ. Таким образом, реализовывался принцип «дети – детям».

Для эксперимента были выбраны 6 школ – по 2 школы в Москве, Великом Новгороде и Петрозаводске. В каждой из них была своя специфика: в одной ориентировались на работу по

разрешению конфликтов, в другой занимались снижением угрозы социального сиротства, в третьей – больше криминальными ситуациями. С этой целью были отобраны группы добровольцев, которые прошли специальную подготовку со специалистами Центра «Судебно-правовая реформа».

Конечно, у нас были сомнения. Во-первых, смогут ли подростки справиться с такой тонкой материей, как конфликт? Не начнут ли сами конфликтовать? Не будут ли подвергаться опасности при общении с участниками криминальной ситуации? Как отнесутся одноклассники к работе подростков – ведущих программ примирения? А во-вторых, как отнесется традиционная школа к нашей инновации? Зачем ей лишние сложности, когда провинившегося ученика все равно вызывают на педсовет или к директору, где и разбирают ситуацию? Поэтому было особенно приятно, когда нам удалось получить устойчивый результат; причем большинство программ было проведено именно подростками. Кроме того, службы примирения были поддержаны администрацией школы.

Когда администрация стала направлять дела в службу примирения **вместо** педсовета и административных разбирательств и включилась в диалог о наилучших способах реализации восстановительных (а не карательных) принципов разрешения конкретных конфликтов, это явилось знаком реальной поддержки службы примирения.

Вслед за этим открылись новые перспективы, а с ними и новые задачи. Стало ясно, что службы могут работать не только со случаями конфликтов, драк, социального сиротства, длительных прогулов, криминальными ситуациями. «Мишенью» служб примирения могут и должны стать процессы маргинализации и криминализации школьников.

Процессы криминализации и маргинализации

Как видно из материалов, приведенных в статьях Р. Максудова и А.Гатауллина (в этом номере), криминал в среде подростков наблюдается в большинстве городов России, становится все более организованным и структурированным. Мы наблюдали подобные процессы в Москве и Великом Новгороде. Отчего это происходит?

Взаимодействуя с учениками, учителями и администрацией, мы заметили, что в школе помимо процесса обучения и воспитания идут другие, менее изученные процессы⁶. Нас в данный момент интересуют те, которые приводят к криминальным последствиям, в частности, к вытеснению подростков из школы.

Процесс криминализации есть освоение человеком криминальной культуры (языка, принципов, отношений, статусов и т.д.).

Одной из его причин является то, что подросток не может позитивным путем удовлетворить свои потребности в безопасности, признании и самореализации (например, потому что не имеет определенных навыков). В результате эти потребности реализуются через совершение противоправных действий. И если противоправная ситуация после этого не находит разрешения на ценностном уровне, на уровне чувств и отношений, если подросток не находит для себя просоциального способа разрешения своих потребностей, если ситуацию замалчивают или административно «замирают», то она повторяется. Постепенно рвутся социальные связи подростка с классом, семьей, учителями (обычно и так достаточно слабые), и с каждым новым конфликтом этот разрыв увеличивается. На подростка вешают ярлык хулигана⁷ и у него включаются психологические механизмы оправдания собственных негативных поступков. Подросток стремится найти общество себе подобных и, стремясь получить их признание, начинает осваивать их криминальную контр-культуру. С целью добиться признания и повысить свой статус, он проходит ряд криминальных испытаний, в результате чего он порой навсегда закрывает себе путь для возвращения в общество.

Второй причиной можно назвать вовлечение в криминальное подростковое сообщество новых членов. Этому способствует стремление подростков объединяться в группы, которым свойственна отгороженность от внешнего мира, выстраиваются статусы, и внутри возникает своя символика, свои традиции и законы. Как сказал один из ребят: «Или иди в банду, или будь готов, что тебе проходу не дадут другие бандиты»⁸. Фактически, подростку не оставляют выбора, заставляя занять социальную нишу: «авторитет», «нейтральный», «лох»⁹ и т.д. Подросток вынужден определять себя в криминальных рамках. Выражением процесса

криминализации является, в частности, «забывание стрелок», на которых происходит выяснение отношений между подростками и формирование новых статусов¹⁰. По словам лидера одной из групп: «Если я авторитет, то я не буду бить лоха, который не несет деньги; это сделают другие, а деньги он принесет мне сам!»

В ходе проведенной нами с ребятами дискуссии были выявлены следующие причины «стрелок» (хотя их список явно не исчерпан):

1. В подростковой иерархии есть определенный тип людей (в своей среде их называют «шакалы»), которые подговаривают других ребят на «стрелки». И если подросток, которого подговорили, на стрелке побеждает, то у «шакала» повышается авторитет.
2. Если родители не могут защитить и финансово обеспечить своего ребенка, то он вынужден завоевывать статус и деньги в школе путем противоправных действий. Вместе с тем у подростков возникает привычка «легких» денег, которая формирует соответствующую мотивацию последующих поступков.
3. В подростковой среде появилась мода на правонарушение как некое испытание и знак; на уголовное дело, «обувание лохов» и пр.
4. «Стрелки» являются для подростков способом разрешения собственных проблем без участия взрослых и принятия более справедливого, на их взгляд, решения.

Иногда в «стрелки» начинают втягиваться другие ученики, родители, милиция, в результате чего конфликт выходит за пределы школы. Но обычно администрация школы даже не знает о существовании «стрелок» в своих стенах. И дети считают, что нет смысла допускать в эту сферу взрослых, поскольку не верят в реальную, справедливую помощь взрослых.

Кроме того, в школе существуют **маргиналы** (изгой, аутсайдеры), которые имеют претензии на более высокий статус, но не могут его завоевать. Как правило, над такими ребятами издевается класс (а иногда и учителя), что приводит к конфликтам, дракам и длительным пропускам занятий. Отторжение изгоев иногда продолжается годами, но на это просто закрывают глаза, до тех пор, пока не происходит драка, порча личного имущества и т.д. Но и в этом случае обычно разбирается последнее происшествие, а весь предыдущий процесс – отторжение подростка – игнорируется.

Для разрешения описываемых выше ситуаций необходимо создать группу, **которая организационно будет вписываться в структуру школы, а целью своей работы поставит снижение процесса криминализации и маргинализации подростков.**

Такую группу мы назвали **школьной службой примирения.**

На наш взгляд, служба должна не только *разрешать локальные ситуации*, но и работать с групповым взаимодействием. Предметом работы службы могут стать ценностно-личностные ориентации группы, дисгармония статусов учеников, антисоциальные нормы взаимоотношений. *Для этого необходимо организовать работу с подростковым сообществом.*

Работа службы с ситуациями

Итак, служба примирения использует *восстановительный способ* и вводит *новую традицию* реагирования на конфликтные, криминальные ситуации и существование маргиналов в группе: так называемые программы восстановительного правосудия. В результате их использования конфликт разрешается, социальные связи восстанавливаются, механизм самооправдания поступков подвергается сомнению, и подросток получает возможность заново построить связи с обществом и возвратиться в него.

Программы опираются на следующие принципы:

1. Программы проводятся только добровольно.
2. Перед программой проводятся предварительные встречи, на которых выясняются нужды и потребности сторон; выясняется, как программа может помочь каждому участнику ситуации; ведущие получают согласие сторон на участие в программе.
3. Ситуация должна быть разрешена самими участниками в ходе *их диалога*. Таким образом поощряется активность самих сторон в разрешении ситуации. Поэтому ведущий программы не является защитником, судьей, адвокатом или советчиком, а работает именно как посредник.

4. Большое внимание уделяется чувствам сторон, в первую очередь чувствам пострадавшего (жертвы).
5. Для разрешения ситуации активно привлекается местное сообщество, учителя, социальные педагоги, родители, друзья и т.д.

Наиболее разработанной является **программа примирения** жертвы и нарушителя (или конфликтующих сторон). Там, где существует настолько сильный распад социальных связей, что необходимо искать им замену в сообществе подростка, используется другая программа – **круги заботы**. Третья программа – это **школьные конференции**, с их помощью идет работа с дисгармонией отношений в школьном коллективе.

Программа примирения

Данная программа организационно представляет собой добровольную встречу нарушителя (обидчика) и пострадавшего (жертвы). Встреча проходит в присутствии подготовленного ведущего программы, который организует конструктивный диалог сторон. Допускается присутствие родителей, психологов, социальных педагогов.

На примирительной встрече обсуждаются три основных вопроса:

1. «Каковы последствия криминальной или конфликтной ситуации для сторон, и какие чувства они испытывают по поводу случившегося?» Как правило, последствия разрушительны для обеих сторон. И на встрече они (зачастую впервые) начинают видеть друг в друге человека, а не врага. А если стороны признают, что имело место несправедливое и травмирующее событие, то логичен переход ко второму вопросу:
2. «Как данная ситуация может быть разрешена?» Существует множество решений: от принесения извинений до возмещения ущерба в денежной форме, нахождения возможности заработка для возмещения ущерба¹¹, самостоятельное исправление причиненного вреда и т.д. Мы считаем, что справедливость возникает тогда, когда сами стороны нашли решение, которое их самих полностью устраивает.
3. Третий обсуждаемый вопрос: «Как сделать, чтобы это не повторилось?» Рассматриваются глубинные причины поступка нарушителя и необходимость работы с ними, обращение его к психологу, социальному педагогу¹². С этой целью составляется реабилитационная программа.

Результаты проведенной программы при необходимости фиксируются в примирительном договоре и могут быть представлены на педсовете, в комиссии по делам несовершеннолетних (КДН) и суде для учета при принятии решения.

Программа примирения может использоваться также в случае семейных конфликтов (программа примирения в семье).

Школьные конференции

Эта программа восстановительного правосудия предназначена для нормализации групповых отношений. Школьные конференции могут использоваться для снижения агрессивности в группе или для повышения статуса подростка-изгоя.

Программа реализуется путем проведения в классе дискуссии по поводу сложившейся ситуации и нахождения классом способа ее разрешения. Как правило, в программе принимают участие сами ученики, администрация, учителя, родители. Программа позволяет, опираясь на «здоровое ядро класса», мобилизовать группу на решение проблемы¹³. Чтобы «уравновесить» стороны во время разговора, можно организовать поддержку ребенка-изгоя психологом, его друзьями или родственниками. Встреча может проводиться и в ограниченном кругу людей, заинтересованных в разрешении ситуации.

В качестве «отвергаемого» может выступить и не признаваемый учениками учитель. В этом случае создается площадка для организованного диалога между учителями и учениками, на которой обе стороны получают адекватную «обратную связь» и решают вопросы дальнейшего взаимодействия.

Круги заботы

Программа проводится в случае угрозы социального сиротства, когда семья ребенка распадается (например, из-за алкоголизма или наркомании), и необходимо создать круг людей, которые могут оказать ребенку поддержку.

Этих людей надо найти и вместе с ними обсудить, кто и какую ответственность готов взять на себя и в чем будет заключаться его помощь ребенку. Такими людьми могут быть родственники, учителя, соседи, руководители детских клубов и т.д. Вопрос об ответственности обсуждается и с самим ребенком.

По результатам встречи обычно составляется реабилитационная программа, которая может быть представлена в КДН, милицию и другие органы для того, чтобы сделать реабилитацию комплексной. Во встречах (кругах заботы) участвуют психологи, социальные работники и другие специалисты.

Практика

Распределение ситуаций, с которыми в ходе проекта сталкивались службы примирения, изображено на приведенной диаграмме. Большое количество программ, проведенных в случаях социального сиротства («Круги заботы» и «Примирение в семье»), объясняется тем, что очень многие корни криминального поведения лежат в семье. В таком случае восстановить семейные отношения является первоочередной задачей программы.

Естественно, что с социальным сиротством работали взрослые специалисты, а подростки выступали в роли соведущих.

Примерно треть программ проводилась по криминальным ситуациям (в том числе и с ситуациями, переданными в КДН).

Какова эффективность проведенных программ? Положительный результат достигнут более чем в 80% ситуаций, и продолжения конфликты не получили¹⁴.

Поскольку обычно в результате программ восстановительного правосудия обе стороны приходят к соглашению и получают поддержку, то разорванные отношения восстанавливаются. Это способствует прекращению эскалации конфликта и прерыванию процесса криминализации. Для нас важно не только разрешение конкретной разрешенной ситуации, но и появлении новой практики отношений и реагирования на агрессивные и криминальные действия.

Работа службы со школьным сообществом

Кроме разрешения конкретных ситуаций служба примирения может работать с подростковым сообществом школы. По нашему опыту, подростки обычно гораздо лучше учителей осведомлены о происходящем в их среде и о причинах того или иного конфликта. К тому же они общаются с участниками ситуаций на их языке, в результате чего у сторон с ведущими-ровесниками часто возникает большее взаимопонимание, чем со взрослым ведущим.

Когда подростки начинают сами управлять своими конфликтами¹⁵, в школе помимо двух традиционных полюсов (учителя с отличниками и криминальные лидеры) возникает третий полюс – служба примирения с участием подростков, работающих в области посредничества и примирения.

Одним из наиболее действенных способов создания такой службы является привлечение в службу лидеров подростковых групп, поскольку именно они формируют нормы взаимоотношений в группе. В ходе проекта это нам удалось.

Заинтересовавшись деятельностью ведущего частично из уважения к социальному педагогу (к которому испытывают доверие), частично видя успешную работу взрослых, лидеры постепенно втягиваются в работу ведущего программ восстановительного правосудия. По их словам, они начинают чувствовать иную, более серьезную поддержку со стороны группы. Поскольку школа предоставляет мало возможностей для самореализации (кроме учебы и выполнения поручений учителя), работа в качестве ведущего становится для ребят привлекательной. И при этом они занимаются «взрослым» делом, получая признание и со стороны учеников, и со стороны администрации.

Вторым способом может быть привлечение подростков, находящихся на границе выпадения из коллектива, «детей группы риска»¹⁶. Как на своем языке сказал один из подростков, «Задача службы – из как можно большего числа «лохов» сделать «нейтральных».

и результаты обучения, которые, не будучи явно обозначены в учебных программах или правилах организации обучения, тем не менее, являются важной частью образовательного опыта». См.: Фрумин И.Д. «Тайны школы. Заметки о контекстах». Красноярск, 1999.

⁷ В одной из школ Москвы после драки ученика 6 класса вывели в актовый зал и на всю школу объявили: «Это наш самый главный хулиган». В результате многие подростки стали над ним издеваться и т.д. Ученик был вынужден сменить школу.

⁸ «Ровесник». №7. 2002 г.

⁹ В разных школах они могут называться по-разному, но сути это не меняет.

¹⁰ На стрелке важно: сколько человек и кого пришли поддерживать, кто они, насколько быстро собрались, кто кого сильнее.

¹¹ Сейчас вопрос об устройстве нарушителей на работу для восстановления ущерба прорабатывается совместно Центром «СПР», Городским центром «Дети улиц» и Московской Думой.

¹² Нужно отметить, что после программы примирения подросток идет к психологу уже со сформированным запросом.

¹³ См.: Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа. Учебное пособие. Под ред. Л.М.Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.

¹⁴ См. описания проведенных программ (Архив Центра «СПР»).

¹⁵ Это является одной из основ школьного самоуправления.

¹⁶ Их вовлечение связано с трудностью преодоления их низкого статуса. Возможна их работа вначале как помощника вместе с опытным ведущим, а затем уже в качестве ведущего программ примирения.

¹⁷ Это, например, помогало вернуть пятиклассника после многомесячных пропусков школы, возникших в результате конфликта и неприязни класса. Вслед за ним в школу вернулся старший брат-семиклассник.

¹⁸ В ходе одной из «стрелок» в результате работы ведущего стороны решили не драться, а в начале поговорить и выяснить все обстоятельства дела. Ситуация была решена путем серии переговоров.

¹⁹ Начать лучше с проведения презентационных мероприятий и демонстрации удачного опыта разрешения конфликтов.

²⁰ Желательно, чтобы в группу поддержки входили представители всех страт школы: мальчики и девочки, богатые и бедные и т.д.

Письмо поддержки¹

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ ОБРАЗОВАНИЯ

105318, МОСКВА, СЕМЕНОВСКАЯ ПЛ., Д.4, ОТ 2.07.2002 №2-5-98

В настоящее время в Москве, как и в Российской Федерации, наблюдается тенденция роста числа противоправных деяний, совершенных детьми и подростками. В структуре детской и молодежной преступности значительное место занимают насильственные и корыстно-насильственные преступления, в том числе происходящие вследствие групповой или межличностной конфликтности.

Среди причин, способствующих увеличению преступности несовершеннолетних, основными являются: ухудшение социально-экономической обстановки, изменение системы ценностных ориентаций и медленное их усвоение воспитывающей сферой.

В новых экономических условиях остается неразрешенным целый комплекс социальных, психолого-педагогических проблем, связанных с профилактикой детской преступности.

В настоящее время настоятельным является поиск новых путей и методов организационно-управленческого характера в правовоспитательной деятельности.

Одним из таких новых подходов является создание в школах служб примирения. Анализ правонарушений, совершенных несовершеннолетними в г. Москве, свидетельствуют о том, что часть конфликтных и криминальных ситуаций, в которых замешаны подростки, возникает в школе. К сожалению, такие ситуации часто остаются без внимания, что часто приводит к более тяжелым последствиям.

Работа, проведенная Центром «Судебно-правовая реформа» по созданию в школах служб примирения, заслуживает внимания и поддержки.

Службы примирения, созданные Центром в школах, создали предпосылки для решения следующих задач:

- обеспечение новыми методами работы классных руководителей, социальных педагогов и психологов;

- Восстановление роли педагога в жизни ребенка на основе диалога, сотрудничества и совместной деятельности;
- Совершенствование взаимодействия родителей и педагогов в работе по воспитанию подростков и тем самым повышение доверия к школе;
- Приобретение подростками, участвующими в работе школьной службы примирения, необходимых навыков построения отношений с другими людьми, ненасильственного разрешения конфликта, позитивного авторитета среди сверстников.

Восстановительные процедуры, проведенные учащимися школ в рамках проекта (по случаям: драк, конфликтов внутри классов и между разными классами, конфликтов подростков с родителями и учителями, отвержения детей в классе), в большинстве случаев приводили к налаживанию взаимоотношений между участниками конфликта. При этом необходимо отметить, что результат программ восстановительного правосудия не ограничивается только локальным разрешением конфликта, а может иметь отдаленный эффект в виде изменения поведения и отношения к жизни у участников программы.

Проект «Создание служб примирения в школе» – важный шаг на пути предметного и специфического решения проблем профилактики правонарушений несовершеннолетних. Дальнейшее внедрение проекта создает предпосылки к совершенствованию психологии отношений в системе «ученик-ученик», «учитель-ученик», «учитель-родитель», а также позволяет решать важнейшие задачи – осознание учителем или учеником собственной взаимосвязи себя с другими; умение строить взаимоотношения и взаимодействие с миром, людьми и самим собой. С этой точки зрения значение «Школьной службы примирения» трудно переоценить.

Заместитель начальника управления социальной защиты детства Московского комитета образования
Т.И. Максимова

¹ Также имеются письма поддержки от начальника управления социального воспитания, международных и межрегиональных программ Московского комитета образования Н.Ф. Ершовой, а также от председателя Комитета по образованию Департамента социального развития Петрозаводска Р.Е. Ермоленко.

ТРИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ БЛОКА, РАЗРАБОТАННЫХ ЦЕНТРОМ «СПР»

В ходе проекта были разработаны три технологических блока, позволяющих организовать службу примирения в других школах.

ТРЕНИНГИ:

- Введение в теорию и практику восстановительного правосудия
- Отработка позиции ведущего примирительных встреч (нейтральность ведущего, понимание интересов сторон, поощрение активности сторон, организация диалога, поддержка жертвы и пр.)
- Отработка коммуникативных навыков (активное слушание, работа с сильными эмоциями и пр.)
- Тренинг на формирование команды
- Обсуждение принципов работы службы, способов получения информации и т.д.

КЛУБ, где еженедельно обсуждалась работа по программам, возникшие сложности, способы информирования окружающих (реклама), проводились ролевые игры, осуществлялось курирование новых ведущих и т.д.

КОНСУЛЬТАЦИИ

Консультирование при личных встречах и по сети Интернет.

РАБОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

- Положение о службе
- Регистрационные карточки
- Примирительный договор
- Рекламные проспекты
- Форма отчета по проведенным программам
- Договора со школами и т.д.

БИБЛИОТЕКА¹

- Учебные пособия
- Видеоматериалы
- Издания разных авторов по теме школьных конфликтов, восстановительному правосудию в школах и т.п.
- Письма поддержки от Московского комитета образования
- Газетные материалы о проекте

¹ С некоторыми материалами можно ознакомиться на сайте Центра «СПР» www.sprc.ru

Д. Рогаткин

г. Петрозаводск

СЛУЖБЫ ПРИМИРЕНИЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Эксперимент по созданию в школах служб примирения предоставил его участникам множество поводов для размышлений. Одним из наиболее дискутируемых стал вопрос о том, каково место службы примирения в социальной организации школы.

Дискуссия возникла неспроста. Участники эксперимента были едиными в желании выполнить технологическую задачу – «запустить» в школах программы примирения с привлечением детей в качестве ведущих. Смысловой же блок, связанный с вопросами миссии служб примирения, стал предметом самоопределения координаторов работы в каждой конкретной школе. В результате выявились и были реализованы различные подходы.

В рамках первого, «профилактического» подхода служба примирения призвана декриминализовать подростковую среду, содействовать устранению причин противоправного поведения школьников. Как правило, такая логика формировала взгляд на службу примирения как на элемент системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и приводила к организационному встраиванию службы в социально-педагогический блок школьной администрации. Служба примирения в этом варианте работает в единой системе с советом профилактики, социальным педагогом, психологом и другими школьными специалистами, занимающимися проблемами отклоняющегося поведения. Эффективность работы службы оценивается в рассматриваемом контексте по «производственным показателям»: количеству и сложности проведенных программ, снижению уровня конфликтности в школе.

Становясь частью административной системы школы, служба подчиняется школьному руководству: согласовывает с ним вопросы своей работы и отчитывается о ее результатах перед директором или его заместителем. Условно назовем такую организацию деятельности «административно-профилактическим» вариантом¹.

На наш взгляд, в ходе эксперимента описанный вариант был успешно реализован в Великом Новгороде. Достаточно сказать, что только в одной школе было проведено более 50 программ примирения. Руководитель службы Вера Николаевна Иванова – социальный педагог школы – в силу своих должностных обязанностей ведет работу с трудными подростками, в том числе занимается разрешением конфликтных ситуаций. При поступлении к ней очередного «дела» она принимала решение выбрать административный или же примирительный путь, а затем проводить программу примирения самостоятельно либо силами ребят. Была изучена структура детского сообщества, и к работе в службе были привлечены наиболее «влиятельные» подростки. Это позволило службе добиться высоких «производственных» результатов – разрешить трудные ситуации (в том числе так называемые «стрелки»), с которыми ранее не могли справиться взрослые. Таким образом, служба действительно стала незаменимым элементом школьной системы профилактики правонарушений.

Иной взгляд на службу предложил другой подход – «воспитательный» («педагогический»). В рамках этого подхода создание службы рассматривается как проявление детской активности,

способ самореализации детей в позитивном ключе. Организация программ примирения выступает в качестве коллективной социально значимой деятельности, которая формирует «воспитательный коллектив» детской службы. Он-то и считается наибольшей ценностью. Ценится не столько сам продукт, который производит служба (программы примирения), сколько появление в школе объединения, воспитывающего у своих членов высокие нравственные и деловые качества путем привлечения к добровольчеству (добровольной помощи окружающим).

Заместитель директора одной из петрозаводских школ как-то сказала: «Мы всегда поддерживаем детские инициативы. Так здорово, что дети сами приходят и что-то предлагают! Правда, чем они в этой службе занимаются, я толком и не знаю...». В данном случае знать это заместителю директора и не обязательно. Служба здесь не рассматривается как «производственная структура», реально способная влиять на криминальные процессы. Она воспринимается как воспитательная программа – некий хороший клуб – и в организационном плане остается довольно автономной, будучи причисленной к системе воспитательной работы школы в качестве одной из ее форм. По всей видимости, наиболее близка к этому подходу московская школа № 464, где службой примирения руководит заместитель директора по воспитательной работе Елена Сергеевна Дурова. Неслучайно именно воспитательные моменты Елена Сергеевна выделяла как наиболее ценные в работе службы в ходе обсуждений на разных стадиях эксперимента («дети сами», «дети учатся», «дети меняются», «для детей это значимо»).

Итак, в описании «профилактического» и «педагогического» подходов мы видим два варианта организационного оформления службы: в качестве структурного подразделения социально-педагогического блока школьной администрации и в качестве «воспитательного коллектива» (организационно это может быть клуб, детская организация, объединение дополнительного образования и пр.). Но есть и третий вариант – организационное оформление службы примирения в рамках школьного самоуправления.

Начнем развивать эту тему с иллюстрации. В петрозаводской школе № 29 к моменту создания службы уже несколько лет активно работал орган ученического самоуправления под названием «Школьное правительство». Появление службы примирения совершенно органично воспринималось многими школьниками и педагогами как одно из новых направлений работы правительства, практически – как его структурное подразделение. Хотя на самом деле создание службы примирения было отдельным проектом, опиравшимся на собственные ресурсы и не предусматривавшим «связки» со школьным правительством. Тем не менее, родство правительства и службы подчеркивали даже педагоги-руководители: на городском совещании по теме школьного самоуправления они делились как опытом правительства, так и службы примирения, включая их в единую систему. По сути, служба примирения рассматривалась как один из органов ученического самоуправления школы.

Научно-методическая база школьного самоуправления разработана, к сожалению, очень слабо, поэтому представления о самоуправлении в педагогической среде весьма туманны. В сознании многих педагогов самоуправление предстает в лучшем случае тимуровским штабом, а в худшем – фигурой дежурного по коридору с красной повязкой и шваброй. Проясним некоторые моменты.

Закон «Об образовании»² определяет два принципа управления образовательным учреждением: единоначалие и самоуправление. И дает право на участие в управлении образовательным учреждением (т.е. право на самоуправление) педагогам, родителям и учащимся. Далее Закон предлагает открытый перечень форм школьного самоуправления и относит определение компетенции органов самоуправления к вопросам, которые должны быть отражены в уставе школы.

Таким образом, самоуправление является формой управления школой. Наряду с властью директора (единоначалие), в школе должна существовать власть учеников, педагогов и родителей (самоуправление). Границы власти субъектов школьного управления определяются уставом школы и соответствующими ему локальными актами. Формы этой власти – конкретные органы самоуправления – может выбрать само учебное заведение. Органы самоуправления бывают «совместными», с участием и педагогов, и родителей, и учеников – например, совет школы, либо «раздельными» – например, ученический совет с участием выборных представителей обучающихся. Органы школьного самоуправления, сформированные учениками, принято называть органами ученического самоуправления.

Главный смысл самоуправления состоит в том, что с его помощью участники школьной жизни получают возможность влиять на школьную политику – как посредством участия в принятии решений, которыми руководствуется администрация учебного заведения, так и посредством собственной активности в управлении внутришкольными процессами. Самоуправление делает школьную жизнь предметом совместного творчества всех ее субъектов.

Органы самоуправления могут обладать представительными и исполнительными функциями. Представительные функции дают органам самоуправления право участвовать в принятии решений по вопросам школьной жизни от имени своих «избирателей», например, учеников. Такие органы, соответственно, являются выборными. Если же орган самоуправления не имеет представительных функций, то выборность перестает быть необходимой. Исполнительные органы самоуправления создаются для организации конкретной работы и могут формироваться из числа добровольцев.

Таково самое сжатое описание механики школьного самоуправления, и, конечно же, оно совершенно недостаточно. Сейчас мы ведем работу над созданием «Учебника ученического самоуправления», который призван хотя бы частично утолить информационный голод по этой теме. Материалы учебника вы можете найти на веб-сайте Юниорского союза «Дорога» по адресу: <http://sos.karelia.ru/doroga/>.

Но даже из приведенного здесь конспекта становится ясно, что школьная служба примирения может иметь статус органа ученического самоуправления с исполнительными функциями.

Хотелось бы сразу разрушить стереотипы, которые нередко возникают в связи с темой самоуправления и могут помешать дальнейшему восприятию текста.

1. Зачастую ошибочно ставится знак равенства между системой самоуправления и наиболее активным органом самоуправления, например, школьным правительством³. Из-за этого вариант интеграции в ученическое самоуправление может быть воспринят как поглощение правительством службы примирения в качестве одного из «штабов». Нет, служба остается службой и ни чем иным. Вхождение в систему органов школьного самоуправления не приводит к потере ее самостоятельности или подчинению какому-либо другому органу самоуправления. В системе школьного самоуправления вполне нормальной практикой является существование независимых, «автономных» органов.
2. Часто на ученическое самоуправление ошибочно проецируют принципы и методы работы «старой доброй» пионерской организации. В том числе, считают совершенно естественным, что орган ученического самоуправления имеет над учениками власть, как в прежние времена совет дружины над пионерами. Нет, самоуправление – это не пионерская организация. Школьники дают выборным органам самоуправления право представлять свои интересы в управлении школой, но не дают права командовать собой. Следовательно, орган самоуправления не может ученикам ничего приказывать, и в этом аспекте не следует искать дополнительных ресурсов для работы службы примирения.

Итак, в чем же специфика работы службы примирения, вписанной в контекст школьного самоуправления? Напомним, что «профилактический» подход предлагает в качестве цели деятельности службы примирения снижение криминализованности школьной среды, а «педагогический» – воспитание и развитие детей, занимающихся примирением. Применимы ли эти подходы для службы как органа самоуправления?

Очевидно, что развертывание службы в рамках школьного самоуправления не может быть основано на принципах «педагогического» подхода. Приоритет воспитательной цели, вполне уместный в практике деятельности детской организации, клуба, неприемлем для органа самоуправления. Ведь орган самоуправления создается для решения проблем участников школьного сообщества, представления их интересов. Следовательно, оцениваться работа такого органа будет по тем результатам, которых ему удалось добиться в интересах своих «заказчиков», например, учеников (а отнюдь не по развитию способностей самих активистов).

В чем же состоит «заказ» учеников к службе примирения? Очевидно, в том, чтобы получить возможность мирного разрешения конфликтных и криминальных ситуаций. Служба, отвечая на этот «заказ», предоставляет ученикам такие услуги. Собственно, в этом и заключается смысл понятия «служба» (служба, услуга, сервис – по сути, это слова-синонимы,

имеющие в английском языке единый аналог – service). Служба работает на выполнение определенного заказа, обслуживает. Заметим, что понятие службы прекрасно соответствует сути самоуправления.

Как орган ученического самоуправления, служба обслуживает⁴ школьников, которые нуждаются в помощи в разрешении конфликтов. Оцениваться работа службы, следовательно, будет по тому, насколько успешно она справляется с заказом учеников. Это не означает, что служба не будет работать с информацией, которую передает администрация школы. Факт согласия ученика на участие в программе – это и есть момент поступления заказа. А критерий эффективности – способность службы справиться с теми ситуациями, которые к ней поступают.

Итак, цель службы примирения, обслуживающей учеников, – выполнение запросов школьников на мирное разрешение конфликтных и криминальных ситуаций. Специалисты в области целеполагания резонно заметят, что цель нужно формулировать иначе. Например, как «снижение уровня конфликтности в школе», «воспитание установок толерантного сознания», в конце концов, та же самая «профилактика правонарушений» и т.п. Но в том-то и дело, что служба не может поставить себе цель самостоятельно. Их определяет заказчик. Если заказчики – ученики, то они от подобных целей очень далеки. Их цель иная: некарательное, конструктивное разрешение конфликтов.

Таким образом, мы можем говорить о третьем подходе – «сервисном». В отличие от «профилактического» и «воспитательного», он направлен не на «видоизменение» детской среды. Он не ориентирован ни на задачу профилактики, ни на задачу воспитания. Его задача – удовлетворить запрос ребят предоставлением соответствующих услуг. В центре внимания подхода – клиент, заказчик, которым является конкретный ученик или взрослый. Именно этот подход, на наш взгляд, был реализован в работе службы примирения петрозаводской школы № 29.

«Сервисный» подход для самоуправления вполне органичен. Вместе с тем в рамках самоуправления может быть развернут и «профилактический» подход, но без подчинения службы примирения администрации школы, которое наблюдается в «административно-профилактическом» варианте. Реализация «профилактического» подхода возможна в случае, если заказчиком службы примирения выступит не весь ученический коллектив, а ученический актив. Выборный орган с представительными функциями – школьный парламент – решает, что ученическому самоуправлению необходимо управлять процессами декриминализации, и для этого нужно создать службу примирения, которая и будет реализовывать цели «профилактического» подхода. Но специфика службы в том, что она не является частью административной системы школы, и это придаст ей особенности, на которых мы остановимся ниже.

Но как же быть со школами, где ученического самоуправления нет и, по сути, создание службы примирения будет первым признаком его появления? Означает ли вышесказанное, что служба примирения может выступать в качестве органа самоуправления, управляющего процессом декриминализации школьной среды, только в том случае, если к моменту ее зарождения в школе работает ученический актив, способный быть заказчиком такой деятельности? На наш взгляд, не означает. Заказчиком в отсутствие самоуправления может выступить группа инициаторов создания службы примирения – как правило, детско-взрослая команда, озабоченная ситуацией и готовая ее изменить. Пока такая команда существует, служба будет работать на поставленную задачу. Поскольку, как мы уже подчеркивали, органы самоуправления не имеют возможности диктовать свою волю ученикам, а вопросы комплектования и полномочий службы официально оформляются школьными локальными актами, то каких-либо особых проблем, связанных с неформальным статусом заказчика, не возникает. Собственно, группа участников школьной жизни реализует свое право на участие в управлении школой, иницируя создание нового органа самоуправления.

Служба примирения может быть органом не только ученического самоуправления, но и органом ученическо-педагогического самоуправления (заказчики – ученики и педагоги, либо ученический и педагогический активы), объединяющим и ребят, и учителей; органом родительского самоуправления – с комплектованием из числа родителей по их же заказу. Возможны и другие комбинации с учетом того, что органы школьного самоуправления могут быть как «раздельными», так и «совместными».

Как видим, интересы заказчика являются определяющими для характера деятельности службы. Вследствие этого появляются различные варианты целеполагания, комплектования и организации работы службы, сформированной в качестве органа самоуправления.

Здесь уместно сделать шаг назад. Возникает вопрос: кто же является заказчиком службы примирения в административном варианте «профилактического» подхода и в «воспитательном» подходе?

Очевидно, что в рамках «административно-профилактического» варианта заказчиком является администрация школы. Именно ее и обслуживает служба примирения, будучи встроенной в систему профилактики, подчиненную администрации школы. Можно возразить: в первую очередь служба примирения обслуживает самих детей! Конечно. Но в данном случае это и есть один из способов обслуживания администрации, заказавшей службе запуск процесса декриминализации школы и предоставившей ей для этого свои ресурсы. Служба в контексте «профилактического» подхода, работает не столько с учеником-клиентом, решая его проблемы, сколько с подростковой средой, выполняя в отношении нее миссию преобразования. И программы примирения станут лишь одним из инструментов такой работы.

В рамках же «воспитательного» подхода в роли заказчиков выступают сами дети, занимающиеся в службе примирения. Они приходят в службу именно «заниматься», и тем самым дают ей заказ на собственное развитие. Дети обучаются ведению примирительных встреч, работе в команде, совершенствуют свои коммуникативные навыки и нравственные качества, используя новые умения в разрешении реальных конфликтов по принципу: «Даже если мы поможем одному человеку, то нам стоило всему этому учиться». Заметим, что воспитательный подход имеет очень хорошие перспективы для развития в детских организациях и системе дополнительного образования.

В завершение отметим некоторые организационные особенности службы примирения, работающей в статусе органа самоуправления.

Как орган самоуправления, служба примирения не может быть подчинена и подотчетна администрации школы. Она как «власть учеников» (или педагогов, родителей) выстраивает с «властью директора» партнерские отношения. Это означает не только иной способ кооперации, но и другой уровень ответственности. Как только директор перестает быть для службы примирения «вышестоящим органом», она лишается не только директорского контроля, но и административного прикрытия. Служба, обладая статусом органа самоуправления, берет на себя всю полноту ответственности за результаты своей деятельности, зная, что в случае конфликтов по поводу проведения программ, директору не может быть предъявлено никаких обвинений.

Интересен вопрос о руководителе службы, созданной в статусе органа ученического самоуправления. Очевидно, что взрослый не может руководить ученическим органом. Такой орган должен иметь систему детской самоорганизации, а взрослый может помогать в качестве консультанта, куратора. В этом случае особое значение приобретает компетентность взрослого в вопросах формирования и сопровождения детской команды.

При создании службы в качестве не ученического, а совместного органа самоуправления с участием детей и взрослых, также возникает проблема руководства. Совместный орган вполне допускает взрослого в качестве руководителя, но при этом он не может быть ни назначенным директором, ни самопровозглашенным. Должна быть предусмотрена определенная процедура решения вопроса о лидерстве. Так, утверждение кандидатуры руководителя службы возможно представительным органом самоуправления. Однако он де-факто приводит к подчиненности службы. Есть и другой вариант – предусмотреть в положении о службе должность руководителя как выборную. Разумеется, выбирать руководителя должны активисты службы примирения, в том числе дети. Причем, выбирать на определенный срок. Возможно, ежегодные выборы в качестве руководителя службы все той же Мариванна будут, скорее, церемонией, чем истинной «борьбой за власть» (если, конечно, Мариванна не довела группу до состояния, когда она готова «проглотить» своего руководителя). Но эта церемония играет важную роль в обозначении статуса службы как органа самоуправления.

* * *

Годичный эксперимент по вживлению в «школьное тело» служб примирения оказался важен не только тем, что доказал возможность проведения программ восстановительного правосудия силами детей. Он показал новые перспективы развития школьного самоуправления. Какие позиции удастся занять самоуправлению в школе? Во многом ответ на

этот вопрос зависит от того, будет ли самоуправление оснащено современными технологиями, позволяющими ему управлять внутришкольными процессами. Технология школьных служб примирения – одна из них.

¹ В статье использовано много неблагозвучных, «черновых» терминов. Автор подчеркивает, что ни один из используемых терминов не несет отрицательного смысла.

² Закон Российской Федерации «Об образовании» от 13 января 1996 г. № 12-ФЗ (с изменениями от 16 ноября 1997 г., 20 июля, 7 августа, 27 декабря 2000 г., 30 декабря 2001 г., 13 февраля, 21 марта, 25 июня, 25 июля 2002 г.).

³ Порой так и говорят: «Самоуправление – это школьное правительство». На самом деле самоуправление включает в себя систему органов, причем не только постоянно действующих, но и создаваемых разово – таких, как школьная конференция, ученическое собрание класса и т.д.

⁴ Тавтология применена здесь и далее специально, для ясности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УТВЕРЖДАЮ

Директор школы № ____

____ //
« ____ » _____ 2001 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О СЛУЖБЕ ПРИМИРЕНИЯ

1. Общие положения

- 1.1. Служба примирения является социальной службой, действующей в школе на основе добровольческих усилий учащихся.
- 1.2. Служба примирения действует на основании действующего законодательства, устава школы и настоящего Положения.

2. Цели и задачи службы примирения

- 2.1. Целью деятельности службы примирения является содействие профилактике правонарушений и социальной реабилитации участников конфликтных и криминальных ситуаций на основе принципов восстановительного правосудия.
- 2.2. Задачами деятельности службы примирения являются:
 - 2.2.1. Проведение примирительных программ для участников школьных конфликтов и ситуаций криминального характера.
 - 2.2.2. Обучение школьников методам урегулирования конфликтов.

3. Принципы деятельности службы примирения

- 3.1. Деятельность службы примирения основана на следующих принципах:
 - 3.1.1. Принцип добровольности, предполагающий как добровольное участие школьников в организации работы службы, так и обязательное согласие сторон, вовлеченных в конфликт, на участие в примирительной программе.
 - 3.1.2. Принцип конфиденциальности, предполагающий обязательство службы примирения не разглашать полученные в ходе программ сведения. Исключение составляет информация о возможном нанесении ущерба для жизни, здоровья и безопасности.
 - 3.1.3. Принцип нейтральности, запрещающий службе примирения принимать сторону одного из участников конфликта. Нейтральность предполагает, что служба

примирения не выясняет вопрос о виновности или невиновности той или иной стороны, а является независимым посредником, помогающим сторонам самостоятельно найти решение.

4. Порядок формирования службы примирения

- 4.1. В состав службы примирения могут входить школьники 8-11 классов, прошедшие обучение проведению примирительных программ.
- 4.2. Руководителем службы может быть социальный педагог, психолог или иной педагогический работник школы, на которого возлагаются обязанности по руководству службой примирения приказом директора школы.
- 4.3. Вопросы членства в службе примирения, требований к школьникам, входящим в состав службы, и иные вопросы, не регламентированные настоящим Положением, могут определяться Уставом, принимаемым службой примирения самостоятельно.

5. Порядок работы службы примирения

- 5.1. Служба примирения может получать информацию о случаях конфликтного или криминального характера от педагогов, учащихся, администрации школы, членов службы примирения.
- 5.2. Служба примирения принимает решение о возможности или невозможности примирительной программы в каждом конкретном случае самостоятельно. При необходимости о принятом решении информируются должностные лица школы.
- 5.3. Примирительная программа начинается в случае согласия конфликтующих сторон на участие в данной программе. Если действия одной или обеих сторон могут быть квалифицированы как правонарушение, для проведения программы также необходимо согласие родителей.
- 5.4. В случае если примирительная программа планируется на этапе дознания или следствия, то о ее проведении ставится в известность администрация школы и при необходимости производится согласование с соответствующими органами внутренних дел.
- 5.5. Переговоры с родителями и должностными лицами проводит руководитель службы примирения.
- 5.6. В случае если конфликтующие стороны не достигли возраста 10 лет, примирительная программа проводится с согласия классного руководителя.
- 5.7. Примирительная программа не может проводиться по фактам правонарушений, связанных с употреблением наркотиков и крайними проявлениями жестокости. В примирительной программе не могут участвовать лица, имеющие психические заболевания.
- 5.8. Служба примирения самостоятельно определяет сроки и этапы проведения программы в каждом отдельном случае.
- 5.9. В случае если в ходе примирительной программы конфликтующие стороны пришли к соглашению, достигнутые результаты фиксируются в примирительном договоре.
- 5.10. При необходимости, служба примирения передает копию примирительного договора администрации школы.
- 5.11. Служба примирения осуществляет контроль над выполнением обязательств, взятых на себя сторонами в примирительном договоре, но не несет ответственность за их выполнение. При возникновении проблем в выполнении обязательств служба примирения помогает сторонам осознать причины трудностей и пути их преодоления.
- 5.12. При необходимости, служба примирения содействует в предоставлении участникам примирительной программы доступа к услугам по социальной реабилитации.

6. Организация деятельности службы примирения

- 6.1. Службе примирения по согласованию с администрацией школы предоставляется помещение для сборов и проведения примирительных программ, а также возможность использовать иные ресурсы школы – такие, как оборудование, оргтехника, канцелярские принадлежности, средства информации и другие.
- 6.2. Должностные лица школы оказывают службе примирения содействие в распространении информации о деятельности службы среди педагогов и школьников.
- 6.3. Служба примирения имеет право пользоваться услугами психолога, социального педагога и других специалистов школы.

- 6.4. Администрация школы содействует службе примирения в организации взаимодействия с социальными службами и другими организациями.
- 6.5. В случае если примирительная программа проводилась по факту, по которому возбуждено уголовное дело, администрация школы может ходатайствовать о приобщении к материалам дела примирительного договора, а также иных документов в качестве материалов, характеризующих личность обвиняемого, подтверждающих добровольное возмещение имущественного ущерба и иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

7. Заключительные положения

- 7.1. Настоящее положение вступает в силу с момента утверждения.
- 7.2. Изменения в настоящее положение вносятся директором школы по предложению службы примирения или органов школьного самоуправления.

А. А. Панова,

г. В. Новгород

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ В ШКОЛАХ

Идея создания школьных служб примирения, состоящих из подростков, выглядит весьма привлекательно и вызывает энтузиазм как у взрослых, так и у части подростков.

Ожидается, что разобраться в подростковых конфликтах могут лучше сами подростки, что ровеснику доверяют больше, чем взрослому, что подростки при этом станут ответственнее и взрослее и т.д.

Эти ожидания представляются вполне естественными. Но практика показывает, что они могут и не оправдаться, если не учитывать два важных момента.

1. Существование так называемой подростковой субкультуры, закрытой для абсолютного большинства (а может быть, и для всех в некоторых школах) взрослых. Там, в недоступных для учителей сферах, уже существует собственный «кодекс чести», способы разрешения конфликтов, представления о том, как должны строиться отношения между людьми, а также иерархическая структура, неформальные лидеры и изгои, незатухающая борьба за лидерство и власть.
2. Организация школьной службы примирения и вовлечение в нее определенных подростков, по сути, является наделением этих подростков лидерскими функциями. Возникает вопрос: являются ли они лидерами, авторитетными для ребят?

При подготовке к организации службы примирения, состоящей из подростков необходимо продумать, стоит ли обращать внимание на эти два момента, есть ли в школе взрослые, посвященные в конфликтные ситуации, доверяют ли ему неформальные лидеры? Главное, сможет ли служба примирения дискредитировать традиционно принятый в подростковой среде способ разрешения конфликтов с помощью силы?

Не менее важно ответить на следующий вопрос: если в службу будут приняты подростки – неформальные лидеры, смогут ли взрослые, обучающие их восстановительным процедурам, добиться такого изменения их убеждений, которое позволит им сохранять нейтральность при общении с ребятами, имеющими разные статусы в подростковой иерархии?

Опыт показывает, что возникает множество других, более частных моментов, которые нужно продумать, прежде чем принимать решение о создании службы, и, что особенно важно, во время ее организации.

Сомнения и вопросы

- Есть ли возможность организовать квалифицированный обучающий процесс для будущих примирителей?
- Будет ли обеспечена профессиональная супервизия примирительных встреч?
- Есть ли в школе помещение для работы службы?
- Будут ли в достаточном количестве поступать заявки? Будут ли учащиеся школы доверять свои судьбы сверстникам?
- Какими личностными качествами должны обладать ребята, проводящие примирительные встречи?
- Должен ли проводиться отбор ребят в службу, или принимать всех желающих?
- Какие цели преследуют подростки, желающие работать в службе?
- Не возникнет ли в школе группа ребят, оппозиционно настроенных против примирителей?
- Какова степень участия взрослых в работе службы?
- Какую подготовку должны пройти педагоги перед началом организации службы?
- Как должно строиться взаимодействие с администрацией школы?

В завершение хотелось бы обратить внимание на возможные последствия невнимания к вышеназванным вопросам:

В лучшем случае – автономное существование службы примирения, в которую почти никто не обращается и к которой у основной части ребят сформировалось ироническое или даже пренебрежительное отношение.

В худшем – непрофессиональное, неквалифицированное посредничество, которое может привести к обострению конфликта, увеличению количества людей, вовлеченных в него, и, как следствие, нанесение кому-либо из участников дополнительной психологической травмы.

Т. Заманова

г. Великий Новгород

Заметки по созданию служб в учреждениях

Опыт работы в Великом Новгороде по распространению восстановительных подходов в работе социальных работников сложился в определенный алгоритм по созданию служб в учреждениях, который способствует успешной работе службы и не носит временный (на время проекта) характер.

Для создания службы в учреждении (не только в школе) главное – создать мотивацию у работников этого учреждения или его руководства в необходимости этой службы. Работники этого учреждения должны быть заинтересованы в применении новых технологий. И необходимо создать должностные обязанности, предусматривающие работу с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации или социально-опасном положении.

Практика показала, что внедрение восстановительного подхода в деятельность социальных работников происходит не так быстро, как хотелось бы.

Для успешной работы в учреждении должна быть создана группа (команда) специалистов, которые выполняли бы разные функции в данной службе.

Алгоритм создания служб примирения в учреждениях

Служба примирения – группа специалистов социального или образовательного учреждения, связанного с обучением или реабилитацией несовершеннолетних, занимающаяся разбором конфликтных и криминальных ситуаций с участием несовершеннолетних и их родителей.

В службу примирения входит группа специалистов, прошедших подготовку по использованию восстановительных технологий и выполняющих обязанности социальных работников, а также ведущих программ восстановительного правосудия, психолога, юриста.

Для успешной работы службы предлагается следующий алгоритм создания службы:

1. Встреча с представителями органа, управляющего работой учреждения (комитеты, управления, департаменты) на предмет внедрения в подведомственные учреждения новых форм деятельности и получение согласия на это.
2. Встреча с руководителем учреждения, в которое внедряется служба.
3. Информационные семинары для коллектива учреждения и родителей по использованию принципов восстановительного правосудия при разрешении конфликтных и криминальных ситуаций.
4. Согласование с руководителем учреждения кандидатуры руководителя службы, который уже имеет доступ к информации о конфликтных ситуациях, либо обсуждение вопроса, как это право будет ему предоставлено.
5. Подписание приказа о создании службы. Обучение сотрудников службы навыкам ведения программ восстановительного правосудия.
6. Проведение обучающих семинаров по созданию, назначению и возможностям службы, тренингов по подготовке ведущих программ примирения и созданию команды специалистов, способных работать в службе примирения, создание мотивации на приобретение новых навыков.
7. Разработка и утверждение Положения о службе для конкретного учреждения и пакета документов, обеспечивающих работу службы (формы заявок и отчетов, журнал регистрации поступивших заявок, кодекс сотрудника службы, информационные листы о работе службы и т.п.).
8. Проведение обучающих программ примирения.
9. Проведение информационных встреч с подростками о внедрении в жизнь учреждения новой службы.
10. Работа службы по разрешению конфликтных ситуаций.
11. Привлечение и отбор в работу службы подростков, которые изъявили желание обучаться и участвовать в работе службы.
12. Обучение подростков навыкам ведущих программ восстановительного правосудия.
13. Проведение подростками программ примирения среди подростков.
14. Подготовка и утверждение в вышестоящей организации материалов по внедрению службы в учреждении.
15. Включение в должностную инструкцию сотрудника – руководителя службы обязанностей по организации работы и дальнейшей преемственности службы.

Алгоритм приведен для учреждения, но универсален для создания службы в любой организации, которая связана с разрешением конфликтов.

А. Хегай

Организация клуба «Примирение»

Начав работу по созданию школьных служб примирения в Москве, мы пришли к выводу, что помимо собственно обучающих тренингов для ведущих и организаторов службы необходимы регулярные встречи, которые преследовали бы следующие цели:

1. анализ опыта,
2. планирование дальнейшей деятельности,
3. создание команды,
4. трансляцию культуры и принципов восстановительного правосудия.

Желательно, чтобы реализация целей осуществлялась комплексно.

Анализ опыта

Анализ опыта дает возможность избежать повторения собственных ошибок, понимая, в чем именно заключаются трудности, определять задачи для дальнейшего развития службы

Особенностью нашей системы образования является то, что школьников не учат постановке задач, решению новых проблем, а лишь дают им задания, ответ на которые очевиден самому учителю. Поэтому школьники работают в простом поле верных и неверных ответов, а в анализе собственной деятельности нет необходимости. В отличие от этого работа в службе примирения требует самоопределения, способностей к постановке задач и рефлексии. Это и должно стать одной из тем клуба.

Самым сложным, на мой взгляд, является именно работа над тем, чтобы приобретенные на тренингах навыки воспринимались не как универсальный подход, а осознанно применялись для решения конкретной задачи.

Как было в московском «клубе»:

Подростки-ведущие после проведенной примирительной встречи рассказывали о проделанной работе. Главное при ведении подобного разговора – ни в коем случае не ругать людей и не давать делать это группе. Беседу лучше строить на следующих пунктах:

- в чем состояла задача,
- что получилось,
- в чем заключались сложности,
- как их можно разрешить.

В нашей группе очень хорошо получалось, когда сложные моменты разыгрывались в сценках, и разные ведущие искали свои способы разрешения ситуаций.

И, наконец, ведущие писали отчет по разработанной в центре «СПР» форме¹. Эта часть вызвала у ребят наибольшие затруднения, поэтому отчеты приходилось писать вместе. Они снова и снова восстанавливали задачи, которые решали на встрече, и сравнивали с полученными результатами². Хочется еще раз подчеркнуть, что написание отчета является не только формальным завершением программы, но и рефлексией.

Планирование дальнейшей деятельности позволяет:

- согласовывать мероприятия службы с администрацией, что ею воспринимается положительно³;
- четко определять задачи на неделю, месяц;
- сделать главенствующим не процесс (как хорошо и важно то, что мы делаем), а конкретный результат (что именно мы должны сделать, зачем это нужно и кто за это отвечает).

Особенностью московских служб примирения было то, что среди ребят, составивших «ядро» обеих служб, практически не было людей, заинтересованных в организаторской деятельности, лидировании. Это создавало определенные сложности и при планировании деятельности (не было человека, который «изнутри» мог бы контролировать схему работы, отвечать за деятельность службы), и при создании команды (не было человека-лидера, связующего звена). При этом основной ценностью для ребят были внутригрупповые отношения, а не собственно деятельность, и поэтому возникали затруднения, по какому принципу формировать команду.

Создание команды

- распределение ролей внутри службы (ведущие, организаторы и пр.);
- важно, чтобы все ведущие регулярно получали объем работы для выполнения⁴;
- тренинги на командообразование⁵.

Особенностью московских служб примирения была постоянная смена состава и отсутствие явных лидеров. Возможно, причиной было то, что в службу в основном приглашались дети-аутсайдеры, чья активность и мотивация к деятельности не очень велика. Но не исключено,

что участие в службе не было достаточно престижным и/или ценностно-значимым для подростков.

Создание культуры

Клуб работал на **создание определенной культуры**, создание условий и жизненных моделей, благодаря которым принципы и ценности восстановительного правосудия начинали восприниматься ребятами не только в рамках программы примирения, но как жизненные принципы и ценности, которые могут пригодиться им в дальнейшем в самых разных ситуациях.

Организационные моменты

Преимущества недельного цикла состоят в следующем:

- простота планирования (школьники привыкли к недельному ритму, к тому же редкий восьмиклассник знает свои дела больше, чем на неделю вперед);
- короткие циклы легче контролировать, проще корректировать «накладки»;
- как уже говорилось, рефлексия – одна из важнейших, но в то же время и очень сложная задача таких встреч. Недельный цикл – самый удобный для разбора и анализа;
- регулярность встреч дает возможность войти в ритм, не расслабляться, работать на результат.

Идеальный вариант – если под работу службы будет отведено специальное помещение, где будут проходить и программы, и воскресные заседания. Там же будут храниться рабочие материалы службы.

Если этого нет, то важнейшим условием для работы клуба, на мой взгляд, является его автономность и спокойная конфиденциальная обстановка.

Лучше избегать школьно-урочных форм – они надоели ребятам, а самое главное они создают атмосферу «всезнающего» учителя и покорно внимающих ему ребят. Это убивает творчество – основное в таком тонком деле, как работа с человеческими душами.

Но с другой стороны, важно не упростить все до банального тренинга. Тренироваться и готовиться можно непрерывно, и всегда будет что совершенствовать и шлифовать, но не будет значимых результатов работы. А в какой-то момент те, кто поначалу хотел действовать и активно работать, начнут уходить, поскольку процесс подготовки сам по себе не может увлечь школьников надолго. И здесь стимулом для дальнейшей работы должен стать достигнутый результат.

Вести процесс, по-видимому, должен координатор службы примирения⁶ как связующее звено между администрацией и ведущими.

¹ См. приложение к статье.

² Кстати, стоит просматривать форму отчета не после, а до встречи, поскольку поставленные в ней вопросы напрямую связаны с задачами ведущего.

³ Желательно (по крайней мере, вначале) фиксировать планы письменно и назначать того, кто следит за графиком.

⁴ Чтобы не получалось, что две-три наиболее активные пары ведущих захватили всю интересную работу, а остальные из-за невозможности действовать начали уходить.

⁵ Например, «Discovery».

⁶ См. структуру А. Коновалова в этом номере журнала.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Форма отчета в программе примирения жертвы и правонарушителя¹

Обязательные разделы отчета выделены курсивом.

Порядковый номер программы. Название программы. Имена и фамилии ведущих. Дата проведения программы.

Источник направления информации об участниках криминальной или конфликтной ситуации на программу.

Фабула правонарушения или ситуации.

Особенности проведения предварительных встреч.

Следующие пункты необходимо отразить в данном разделе, но не структурировать ими сам раздел:

Восприятие ситуации потерпевшим и его проблемы и нужды, которые возникли из-за данной криминальной ситуации. Как потерпевшая сторона была подготовлена к участию в примирительной встрече. Как были учтены пожелания стороны в организации встречи.

Восприятие ситуации обвиняемым и его представителями, выясненные в ходе предварительной встречи. Отношение к совершенному действию. Есть ли установка и предложения по возмещению ущерба. Как обвиняемый(ые) и его представители были подготовлены к участию в примирительной встрече. Как были учтены пожелания стороны в организации встречи.

Особенности проведения и результаты примирительных встреч.

Следующие пункты необходимо отразить в данном разделе, но не структурировать ими сам раздел:

Удалось ли сторонам выразить свои чувства. Если нет, то почему.

Удалось ли сторонам достигнуть взаимопонимания по поводу последствий правонарушения. Если не было достигнуто по этому поводу взаимопонимание, то почему. Кратко опишите суть диалога жертвы и правонарушителя на этом этапе.

Были ли извинения со стороны правонарушителя. Были ли они приняты потерпевшей стороной. Если нет, то почему?

Как разрешался вопрос о возмещении ущерба.

Как стороны отвечали на вопрос: «Что сделать, чтобы этого не повторилось?»

Была ли принята программа реабилитации. Если да, перечислите ее пункты. Если на встрече была зафиксирована необходимость помощи в выполнении программы реабилитации, укажите данные того, кто будет в этом помогать.

Ход дополнительной встречи или последующих переговоров с участниками встречи (если были).

¹ Составлено Р. Максудовым.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Как набирать учащихся?¹

Есть несколько способов:

1. Отбор учащихся для работы в качестве ведущих может осуществляться на тренинге по разрешению конфликтов. Это подразумевает, что все учащиеся понимают изучаемые процессы. Этот способ дает им возможность подходить к работе с интересом и энтузиазмом. Также это дает возможность привлекать готовые группы учащихся, уже имеющих опыт и знания в области разрешения конфликтов (и признающих ценность этого). А впоследствии сотрудники службы могут сами отбирать тех, кого будут тренировать.
2. Другой альтернативой может быть встреча с коллективом учащихся и обсуждение таких вопросов, как: «К кому вы обращаетесь, если у вас возникают какие-либо проблемы?» и «Какими характеристиками, по вашему, должен обладать этот человек?». Также ребятам

можно дать список характеристик и попросить их назвать тех, кто ими обладает (включая самих себя, если они захотят). На основе собранной информации можно сформировать группу для проведения тренинга. Но предварительно хорошо было бы узнать мнение сотрудников школы о выбранных кандидатах.

3. Следующей альтернативой может быть приглашение всех заинтересованных подростков, а потом сокращение их списка в процессе индивидуальной беседы.

Важно, чтобы в команде ведущих было равное количество мальчиков и девочек. Должны также присутствовать представители всех этнических и социальных групп, обучающихся в школе.

Также важно получить разрешение родителей учеников на их работу в качестве посредников (ведущих программ примирения). Это можно сделать письменно или на личной встрече.

Многие молодые люди применяют в семье свое умение по медиации. Это очень позитивный факт, а также это хороший довод, если родители беспокоятся по поводу участия подростка в разрешении конфликтов.

Прежде чем подростки примут решение, им нужно объяснить последствия, которые может повлечь за собой участие в тренинге. Например, что у них будет высокий статус среди сверстников, что им выдадут сертификат. Но что от них будут ждать активной работы на тренинге и после его окончания, дополнительного времени для проведения программ и написания отчетов.

Что они также приобретут навыки, которые им помогут во многих жизненных ситуациях сейчас и в будущем.

(Перевод Анны Пайковой)

¹ Отрывок из книги «Mediation Works. Conflict resolution and peer mediation manual for secondary schools and colleges» (См. архив Центра «СПР»). На английском языке.

ОПИСАНИЕ СЛУЧАЕВ

Даша Воронова,

ведущая программ примирения, г. Москва

Примирение учителя и ученика

С начала учебного года заместитель директора и куратор службы Елена Сергеевна Дурова собрала группу ребят, которые захотели заняться примирением. Мы учились разрешать конфликты (например, в Доме-музее им. А. Д. Сахарова). 16 декабря 2002 года нам передали первое дело, суть которого в следующем.

Ученик на уроке русского языка во время объяснения учительницы занимался своими делами. Учительница увидела это и спросила: «Что, всем наплевать на то, что я пишу на доске?» Ученик ответил: «Да!» В ходе дальнейшего конфликта на его сторону встал и класс. Учительница разозлилась и написала докладную директору, в которой фактически был выражен ультиматум: или мальчик уходит из школы, или учительница не ведет этот класс.

Ход и результат программы

Рустем и Антон вначале отговаривали нас самостоятельно проводить встречу, но мы решили попробовать. Две девушки из службы беседовали с учительницей, а двое ребят провели предварительную встречу с подростком, чтобы рассказать им о целях и правилах встречи, а также получить согласие сторон на участие в программе. Также с учительницей

переговорила Е.С.Дурова. Стороны согласились на примирение, сказав, что хотят уладить отношения.

На примирительной встрече учительница была расстроена и обижена, но призналась, что погорячилась. Она высказала желание переговорить с учеником. Было видно, что ученик сожалел о совершенном проступке. Он извинился, потому что не хотел продолжать конфликт.

Сторонам удалось высказать свои чувства и достичь взаимопонимания по поводу произошедшего.

В результате проведенной программы учительница вернулась в класс, забрав у директора докладную.

Люба Кривошеева

ведущая программ примирения, г.Петрозаводск

Межнациональный конфликт

В школьную службу примирения обратилась учительница четвертого класса с просьбой помочь разрешить конфликт между ее учениками, Арменом и Семеном. Одной из причин конфликта была национальность Армена. И в связи с этим мы столкнулись с рядом особенностей при проведении этой программы.

Суть ситуации такова: год назад Семен и Армен были друзьями, но потом, по словам Армена, Семен попал в плохую компанию. После чего они, в том числе и Семен, стали обзывать Армена, разбрасывать по классу оскорбительные для него листовки. Оскорбления касались национальности Армена. Мальчик пробовал сам переговорить с обидчиками, но это не помогло, и тогда он подрался с ними. И каждый раз, когда конфликт выливался либо в драки, либо во взаимные оскорбления на уроке, вмешивалась учительница.

Сначала она пробовала сама переговорить с мальчиками. Когда это не помогло, вызвала в школу их родителей. Встреча с родителями не разрешила ситуации. Наоборот, каждый из родителей остался уверен в правоте своего ребенка. А родители Армена даже сказали ему, что если его не перестанут оскорблять, то он готов вновь подраться.

В конце концов учительница решила обратиться в службу примирения.

Предварительные встречи с обоими ребятами проходили одновременно. Все происходило в школьной рекреации, в разных ее концах. Первая и самая, на мой взгляд, важная особенность, с которой мы столкнулись уже при проведении этих встреч, – разный уровень социальной зрелости ребят. Я проводила встречу с Арменом. И в разговоре с ним у меня сложилось впечатление, что я беседую не с четверокласником, а уже со взрослым человеком.

Армен сразу же согласился на участие в программе. Первой причиной было желание разрешить конфликт, несмотря на то, что этим летом он собирался уехать из города и больше не возвращаться в школу. Вторая причина – невозможность разрешить ситуацию другим путем. На мой вопрос, что бы он хотел получить от примирительной встречи, Армен ответил, что в результате конфликта его друзья из класса стали отворачиваться от него. И это его сильно огорчало, так как в школе ему теперь не с кем было общаться, стало скучно.

Также на встрече он хотел задать Семену вопрос, который, как мне показалось, очень сильно его волновал и на который он не смог получить ответ, решая конфликт другими способами. Вопрос о том, что стало причиной ухудшения их отношений.

Нужно отметить, что на предварительной встрече с Арменом мы получили довольно полное представление о ситуации.

Семен же после объяснения, что такое программа примирения, сказал: «Мне это не подходит». Тогда ведущий попытался помочь ему спрогнозировать последствия отказа. Семен ответил, что его все устраивает (вмешательство взрослых или продолжение драк). На встрече он был замкнут и на большинство вопросов отвечал «не знаю». И чтобы хоть как-то прояснить позицию Семена, Света (вторая ведущая программы) использовала специальные техники ведущего: закрытые вопросы (на которые можно ответить либо «да», либо «нет»), также она повторяла и переформулировала свои вопросы несколько раз, использовала пояснения...

Когда же Света и Семен подошли к нам с Арменом, чтобы выяснить итоги беседы, Армену был задан вопрос: «Ты хочешь поговорить с Семеном?» На что он ответил: «Да». Тогда спросили Семена: «А ты хочешь выслушать, что думает Армен о сложившейся ситуации?» Семен сказал: «Да». Тогда мы предложили мальчикам где-нибудь сесть. Хотя формально не было объявлено о начале примирительной встречи, фактически она началась.

Но началась она с угрозы Армена собрать своих соплеменников-армян и устроить разбирательство с Семеном и его компанией, если оскорбления с их стороны будут продолжаться. Мы еще раз напомнили об одном из правил примирительной встречи – не оскорблять друг друга. После этого предоставили слово самим участникам – рассказать, что же, по их мнению, произошло.

Одна из особенностей, с которой мы имели дело при проведении программы, – это неприятие Арменом разговора о чувствах. Когда на предварительной встрече я спросила, готов ли он говорить о своих чувствах, Армен ответил: «Это не по-мужски». Когда же уже на примирительной встрече мы попыталась спросить у него, какие чувства у него вызвал этот конфликт, он ушел от ответа. Тогда мы переформулировали этот вопрос в закрытый и просто спросили, было ли ему обидно. На что он ответил: «Да, мне было обидно и неприятно».

Большую часть встречи говорил Армен. Он спрашивал, уточнял, обращаясь напрямую к Семену. Семен же на все вопросы молчал, либо отвечал «не знаю».

И еще одна трудность, с которой мы столкнулись: как вывести наш «разговор» с Семеном на то, почему он обзывает Армена за его национальность. Мы начали обсуждение с вопроса: «Ты обзываешь Армена, потому что он плохой человек, или потому что он армянин?» На что сначала он ответил «не знаю», а потом сказал, что это не так. Но Армен возразил и привел примеры оскорблений именно по национальному признаку. Тогда мы спросили Семена: «Тебе все равно, обзывать Армена так, как ты это делал, или, например, редиской?» Семен ответил: «Нет, не все равно». Тогда был задан следующий вопрос: «Если бы ты знал, что Армену это неприятно и обидно, ты бы перестал так поступать?» Семен ответил: «Нет». И тут прозвучал следующий вопрос: «А если бы ты был Васей Африканцем, тебе было бы приятно, если бы тебя за это обзывали?» На что Семен ответил: «Нет, мне это было бы неприятно».

Этот вопрос, на мой взгляд, дал возможность Семену ощутить себя на месте Армена, и в тоже время признать его чувства – обиду, боль... Это дальше позволило говорить уже о его сожалении и раскаянии в своих действиях.

После того, как мы спросили Семена: «Можно ли твои слова считать сожалением о том, что ты так поступал?», – Семен произнес длинный монолог, в котором он извинился перед Арменом и сказал, что так больше поступать не будет. Армен же, серьезно подумав, принял извинения Семена.

Дальше мы обсудили с мальчиками, что нужно сделать, чтобы конфликт считать решенным. И тут возник вопрос о «компании» Семена: сможет ли он сделать так, чтобы они не приставали к Армену. Семен сказал, что это ему не под силу. Армен также заявил, что это бесполезно. К концу встречи они остановились на том, что их отношения останутся нейтральными, и Семен больше не будет обзывать Армена. На вопрос ведущих, что ребята будут делать, если конфликт повторится, они договорились о том, что будут вместе обсуждать, как его урегулировать.

Это был первый опыт работы с межнациональными конфликтами для нашей службы примирения. А для школы это также был первый опыт, когда такого рода конфликт решался мирным путем.

Анна Зуева,

ведущая программ примирения, г. Москва

Назад в школу

Что бы вы сделали, если бы вы были директором, и у вас ребенок 6 месяцев не ходил в школу и не делал уроки? Вызвали бы родителей? А они не приходят. Мальчика вызовете на педсовет? И

что, вы серьезно думаете, что он после этого пойдет? Милиция же скажет, что заниматься им не будет, пока он не совершит преступление.

И что делать, когда «традиционные» пути не приводят к результату?

Мы решили действовать по-другому. В нашей школе вот уже целый год работает служба примирения, в которой мы занимаемся разрешением конфликтов между ребятами. Когда заместитель директора передала мне информацию об этом мальчике-третьекласснике, я решила сама с ним поговорить. И сделать это «на его территории» – у него дома.

Первая сложность была в том, что вначале наш третьеклассник никак не мог поверить, что я не собираюсь его ругать, не буду «читать морали», и был готов защищаться «до последней капли крови». Тем более, что сам он родился в Грозном, и в нем будто остались отголоски войны. Но я разговаривала спокойно, старалась войти в доверие и не ставила никаких условий. Мне действительно по-человечески было интересно, что же произошло с мальчишкой и как ему можно помочь, как поддержать. Самое главное, что он нам доверял, что весь разговор проходил конфиденциально и он чувствовал, что на нас можно положиться.

Важно, что в этой программе участвовали не только взрослые (заместитель директора), но и ребята, с которыми он тоже мог говорить.

И тогда мальчишка начал рассказывать, как его дразнят в школе, отнимают вещи, как классная руководительница постоянно ругает за прогулы. Порукавшись с одноклассниками (хотя сам часто провоцировал конфликты), он не смог с ними помириться и ушел из школы. На 6 месяцев.

Я поняла, что если эта ситуация не будет разрешена, то мальчик окончательно забросит школу, а дальше его путь лежит через «группу риска» к криминалу. Ведь заработать деньги иным путем, имея за плечами два класса образования, он не сможет. А причиной всему школьный конфликт.

Для меня безразлична судьба этого ребенка.

Тогда я предложила ему устроить разговор с одноклассниками, на котором можно было бы понять причину их поступков, спокойно рассказать о собственной обиде. И, кроме того, побеседовать с учителем и объяснить ему ситуацию. Поскольку мальчик увидел во мне друга, а не врага, он согласился.

На этой встрече я старалась не искать правого и виноватого, а помочь всем участникам услышать друг друга. Мальчишка увидел, что люди вокруг стараются ему помочь и относятся к нему, как ко взрослому и ответственному человеку. Мы договорились, что к нему не будет претензий, если ситуация не повторится. И он решил вернуться в школу.

Мне радостно, что сейчас он не только посещает уроки, но и привел с собой брата, который тоже долгое время в школе не появлялся.

Но мы понимаем, что это только первый шаг на пути к разрешению конфликта и примирению. А пока один из ребят нашей службы заходит к нему в класс, поддерживает его и помогает преодолевать трудные ситуации.

ДОКУМЕНТЫ

32001F0220

2001/220/JHA:

Основополагающее решение Совета Европейского союза от 15 марта 2001 года о месте жертв в уголовном судопроизводстве

«Официальный журнал» L 082, 22/03/2001 P. 0001 – 0004

ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ РЕШЕНИЕ СОВЕТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

от 15 марта 2001 года

О МЕСТЕ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (2001/220/JHA)

СОВЕТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА,

Принимая во внимание Договор по Европейскому союзу и, в частности, статьи 31 и статьи 34 (2b) этого документа,

принимая во внимание инициативы Португальской Республики (1),
принимая во внимание мнение Европейского парламента (2),
поскольку:

- (1) В соответствии с Планом действий Совета Европейского союза и Комиссии по выполнению условий Амстердамского Договора в области свободы, безопасности и правосудия, в частности пунктов 19 и 51 (с), в течение 5 лет после вступления Договора в силу следует рассмотреть вопрос поддержки жертвы преступления путем сравнительного исследования системы выплаты компенсации жертвам и оценки возможности принимать меры в рамках Европейского союза.
- (2) 14 июля 1999 года Комиссия представила сообщение в Европейский парламент, Совет Европейского союза и в Социально-экономический комитет, озаглавленное «Жертвы преступлений в Европейском союзе: размышления о стандартах и действиях». 15 июня 2000 года Европейский парламент принял резолюцию по сообщению Комиссии.
- (3) Выводы заседания Совета Европы, проходившего в Тампере 15 и 16 октября 1999 года, в частности пункт 32 этого документа, предусматривают, что минимальные стандарты должны строиться на защите жертв преступлений, в частности, на возможности получения доступа к правосудию для жертв преступлений, их праве на возмещение ущерба, включая судебные издержки. Помимо этого следует создать государственные программы по финансированию мер, правительственных и неправительственных, направленных на помощь и защиту жертв.
- (4) Страны-участницы должны приблизить свое законодательство к такому уровню, который необходим для обеспечения жертв преступлений высокой степенью защиты независимо от того, в какой стране-участнице они находятся.
- (5) Следует уделить полное и всеобъемлющее внимание потребностям жертв, избегая предвзятых и непоследовательных решений, способных привести к повторной виктимизации.
- (6) Условия данного Основополагающего решения поэтому касаются интересов жертв не только в уголовном судопроизводстве. Они охватывают также меры помощи жертвам до или после судебного разбирательства, способные смягчить последствия преступления.
- (7) Меры, направленные на оказание помощи жертвам преступлений и, в частности, условия, касающиеся компенсации и медиации, не относятся к мерам гражданского судопроизводства.
- (8) Правила и практика, касающиеся места жертв и их основных прав, должны быть приведены в соответствие, в частности, с правом уважать их достоинство, правом предоставлять и получать информацию, правом понимать и быть понятым, правом на защиту на разных стадиях процесса и правом получить выплату за неудобства, связанные с проживанием в другой стране-участнице, отличной от той, в которой было совершено преступление.
- (9) Условия данного Основополагающего решения не накладывают, однако, обязательство на стран-участниц гарантировать равноценное отношение к жертвам и к сторонам, участвующим в процессе.
- (10) Важно участие специализированных служб и групп поддержки жертв до, во время и после уголовного судопроизводства.
- (11) Лица, входящие в контакт с жертвами, должны пройти соответствующее обучение, так как это необходимо и для жертв, и для достижения целей рассмотрения дела.
- (12) Следует использовать существующие сетевые возможности для контактов в странах-участницах либо в рамках судебной системы либо на основе сети групп, оказывающих помощь жертвам,

ПРИНЯЛ ДАННОЕ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ РЕШЕНИЕ:

Статья 1

Определения

Для целей данного Основополагающего решения:

(а) «жертва» будет означать физическое лицо, понесшее ущерб, включая физические или моральные травмы, эмоциональные страдания или экономические потери, непосредственно вызванные действиями или бездействием, которые являются нарушением уголовного законодательства в стране-участнице;

(b) «организация, оказывающая помощь жертвам», будет означать неправительственную организацию, созданную на законных основаниях в стране-участнице, чья поддержка жертвам преступления оказывается бесплатно и, осуществляемая при определенных условиях, дополняет действия государства в этой области;

(c) «уголовное судопроизводство» следует понимать в соответствии с применяемым национальным законодательством;

(d) «рассмотрение дела» следует толковать широко, включая в него помимо уголовного судопроизводства все контакты жертв как таковые с властями, государственной службой или организацией, оказывающей поддержку жертвам в связи с их делом, до, во время или после уголовного судопроизводства;

(e) «медиацию в уголовных делах» следует понимать как поиск, до или во время уголовного судопроизводства, взаимоприемлемого решения между жертвой и правонарушителем при посредничестве компетентного лица.

Статья 2

Уважение и признание

1. Каждая страна-участница должна гарантировать, что жертвы будут иметь реальную и надлежащую роль в своей уголовно-правовой системе. Она будет продолжать прилагать все усилия, чтобы гарантировать, что к жертвам будут относиться с должным уважением к человеческому достоинству во время рассмотрения дела и признавать права и законные интересы жертв, особенно в отношении уголовного судопроизводства.
2. Каждая страна-участница должна гарантировать, что к особо уязвимым жертвам будет обеспечен специальный подход, наиболее соответствующий их обстоятельствам.

Статья 3

Слушания и предоставление свидетельских показаний

Каждая страна-участница должна гарантировать жертвам возможность быть выслушанными во время рассмотрения дела и дать показания. Каждая страна-участница должна принять соответствующие меры, чтобы гарантировать, что ее компетентные органы будут допрашивать жертв только в том случае, если это необходимо для целей уголовного судопроизводства.

Статья 4

Право получать информацию

- 1) Каждая страна-участница должна гарантировать, что жертвы, в частности, будут иметь доступ с момента их первого контакта с правоохранительными органами любыми средствами, которые она сочтет подходящими и, насколько это возможно, на языках, понятных всем, к информации, имеющей отношение к защите их интересов. Такая информация должна, по крайней мере, быть следующей:
 - (a) виды служб или организаций, к которым они могут обратиться за поддержкой;
 - (b) вид помощи, который они могут получить;
 - (c) куда и как они могут сообщить о правонарушении;
 - (d) процедуры, следующие за таким сообщением, и их роль в связи с этими процедурами;
 - (e) как и при каких условиях они могут получить защиту;
 - (f) в какой степени и на каких условиях у них имеется доступ к:
 - (i) юридической консультации; или
 - (ii) юридической помощи; или
 - (iii) любой другой консультации,если, в случаях предусмотренных пунктами (i) и (ii), они имеют право получить ее;
 - (g) требования, которым они должны отвечать, чтобы получить право на компенсацию;
 - (h) если они являются жителями другого государства, любые специальные меры, доступные для них, чтобы защитить их интересы;
- 2) Каждая страна-участница должна гарантировать, что жертв, высказавших такое желание, будут информировать:
 - (a) о последствиях их жалобы;

- (b) о соответствующих факторах, позволяющих им, в случае судебного преследования, знать о ведении уголовного судопроизводства в отношении лица, против которого возбуждено дело, за правонарушения, их касающиеся, за исключением особых случаев, когда это будет противоречить интересам дела;
- (c) о приговоре суда.
- 3) Страны-участницы должны принять меры по обеспечению того, чтобы, по крайней мере, в случаях, когда жертвам может грозить опасность, при освобождении из под стражи лица, в отношении которого велось дело, или осужденного за правонарушение, могло быть принято решение об уведомлении жертвы, если это необходимо.
- 4) Поскольку страна-участница направляет по своей собственной инициативе информацию, о которой говорится в параграфах 2 и 3, она должна гарантировать, что жертвы обладают правом не получать ее, если только такое сообщение не является обязательным в условиях соответствующего уголовного судопроизводства.

Статья 5

Гарантии предоставления информации

Каждая страна-участница должна в отношении жертв, имеющих статус свидетелей или сторон при рассмотрении дела, принять необходимые меры, чтобы свести к минимуму, насколько это возможно, трудности получения информации, имеющей отношение к их пониманию или участию в соответствующих шагах уголовного судопроизводства в той степени, в которой это сравнимо с аналогичными мерами, принимаемыми в отношении подсудимых.

Статья 6

Специальная помощь жертвам

Каждая страна-участница должна гарантировать жертвам доступ к консультации, как указано в статье 4 (1) (f) (iii), предоставляемой бесплатно там, где она положена по закону, относительно их роли при рассмотрении дела и, где это уместно, юридическую помощь, как указано в статье 4 (1) (f) (ii), когда у них есть возможность получить статус сторон, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Статья 7

Судебные издержки жертв

Каждая страна-участница должна в соответствии с применяемыми национальными нормами предоставить жертвам, имеющим статус сторон или свидетелей, возможность возмещения затрат, понесенных в результате их законного участия в уголовном судопроизводстве.

Статья 8

Право на защиту

1. Каждая страна-участница должна обеспечить соответствующий уровень защиты для жертв и, где это уместно, их семей или лиц в аналогичной ситуации, особенно в отношении их безопасности и защиты их частной жизни там, где, по мнению компетентных лиц, существует риск ответных действий или серьезное свидетельство твердого намерения нарушить их частную жизнь.
2. С этой целью, не нарушая параграфа 4, каждая страна-участница должна гарантировать возможность принять, если необходимо, как часть судебного разбирательства соответствующие меры по защите частной жизни и фотографического изображения жертв и их семей или лиц в аналогичной ситуации.
3. Каждая страна-участница должна помимо этого гарантировать возможность избегать контакта между жертвами и правонарушителями в здании суда, если только такой контакт не требуется для уголовного судопроизводства. Там, где это уместно, для этой цели каждая страна-участница должна постепенно ставить условие, чтобы судебные здания имели специальные места ожидания для жертв.

4. Каждая страна-участница должна гарантировать, что там, где существует необходимость защитить жертвы, особенно наиболее уязвимые из них, от последствий дачи показаний в открытом суде, жертвам могут, по решению суда, предоставить право давать показания таким образом, который поможет достижению этой цели любыми подходящими средствами, совместимыми с ее основными правовыми принципами.

Статья 9

Право на компенсацию в ходе уголовного судопроизводства

1. Каждая страна-участница должна гарантировать, что жертвам преступных действий будет предоставляться право получить решение суда в течение разумного промежутка времени о возмещении ущерба правонарушителем в ходе уголовного судопроизводства, за исключением определенных случаев, когда национальное законодательство предусматривает возмещение ущерба каким-либо другим способом.
2. Каждая страна-участница должна принять соответствующие меры к поощрению правонарушителей адекватно возмещать ущерб, нанесенный жертвам.
3. Кроме случаев, когда это срочно требуется для целей уголовного судопроизводства, восстанавливаемая собственность, принадлежащая жертвам и конфискованная в ходе уголовного судопроизводства, должна быть возвращена им безотлагательно.

Статья 10

Медиация в ходе уголовного судопроизводства

1. Каждая страна-участница должна стараться содействовать медиации в уголовных делах для правонарушений, который она сочтет подходящими для такого рода меры.
2. Каждая страна-участница должна гарантировать, что любое соглашение между жертвой и правонарушителем, достигнутое в ходе такой медиации в уголовных делах, может быть принято во внимание.

Статья 11

Жертвы, проживающие в другой стране-участнице

1. Каждая страна-участница должна гарантировать, что ее компетентные органы могут принять соответствующие меры, чтобы сократить до минимума трудности, возникающие у жертв, проживающих в государстве, отличном от того, в котором было совершено преступление, особенно в отношении организации рассмотрения дела. С этой целью ее компетентные органы должны, в частности, иметь возможность:
 - решать, может ли жертва сделать заявление сразу после совершения преступления,
 - прибегать к помощи, насколько это возможно, положений о видео- и телефонных конференциях, заложенных в статьях 10 и 11 «Конвенции о взаимопомощи в уголовных вопросах между странами-участницами Европейского союза» от 29 мая 200(3) с целью выслушать жертв, живущих за границей.
2. Каждая страна-участница должна гарантировать, что жертва правонарушения, совершенного в стране-участнице, отличной от той, где она проживает, может подать жалобу компетентным органам своей страны проживания, если она была не в состоянии сделать это в стране-участнице, где было совершено правонарушение, или, в случае тяжкого преступления, если она не захотела этого сделать. Компетентные органы, которым была подана жалоба, не обладающие соответствующими полномочиями в этом отношении, должны передать ее безотлагательно компетентным органам на территории, где было совершено правонарушение. Жалоба будет рассмотрена в соответствии с национальным законодательством той страны, в которой было совершено правонарушение.

Статья 12

Сотрудничество между странами-участницами

Каждая страна-участница должна поощрять, развивать и улучшать сотрудничество между странами-участницами для обеспечения более эффективной защиты интересов жертв в уголовном судопроизводстве, либо в форме сетей, непосредственно связывающих судебные системы, либо связей между организациями, оказывающими помощь жертвам.

Статья 13

Услуги специалистов и организации, оказывающие помощь жертвам

1. Каждая страна-участница должна в контексте рассмотрения дела способствовать привлечению систем, оказывающих помощь жертвам, ответственных за организацию первого приема жертв и за их поддержку и помощь впоследствии, либо через предоставление специально обученного персонала в рамках ее государственных служб, либо через признание и финансирование организаций, оказывающих помощь жертвам.
2. Каждая страна-участница должна поощрять действие, совершенное в ходе рассмотрения дела таким персоналом или организациями, оказывающими помощь жертвам, особенно в отношении:
 - (а) предоставления жертвам информации;
 - (б) помощи жертвам в соответствии с их непосредственными нуждами;
 - (с) сопровождения жертв, если это необходимо и возможно во время уголовного судопроизводства;
 - (д) помощи жертвам, по их просьбе, после окончания уголовного судопроизводства.

Статья 14

Подготовка персонала, вовлеченного в рассмотрение дела или каким-либо иным образом в общение с жертвами

1. Через свою государственную службу или финансируя организации, оказывающие помощь жертвам, каждая страна-участница должна поощрять инициативы, позволяющие персоналу, вовлеченному в судебный процесс или каким-либо иным образом в общение с жертвами, получить необходимую подготовку, особенно в отношении потребностей наиболее уязвимых групп.
2. Параграф 1 следует применять, в частности, к работникам полиции и практикующим юристам.

Статья 15

Практические условия, касающиеся места жертв в судебном процессе

1. Каждая страна-участница должна поддерживать постепенное создание, в отношении рассмотрения дела вообще и, в частности, в судебных округах, где может быть начато уголовное судопроизводство, необходимых условий по предотвращению повторной виктимизации и оказания ненужного давления на жертвы. Это в особенности должно относиться к надлежащему первичному приему жертв и созданию условий, соответствующих их ситуации в упомянутых судебных округах.
2. Для целей параграфа 1 каждая страна-участница должна, в частности, обратить внимание на помещения в судах, полицейских участках, в государственных учреждениях и организациях, оказывающих помощь жертвам.

Статья 16

Территориальные границы

Это основополагающее решение должно применяться к Гибралтару.

Статья 17

Выполнение

Каждая страна-участница должна ввести в действие законы, правила и административные положения, необходимые для выполнения данного основополагающего решения:

- в отношении статьи 10 – 22 марта 2006 года;
- в отношении статей 5 и 6 – 22 марта 2004 года;
- в отношении других положений – 22 марта 2002 года.

Статья 18

Оценка

Со времени, указанного в статье 17, каждая страна-участница должна направить в Генеральный секретариат Совета Европейского союза и в Комиссию текст положений, вводящих в национальное законодательство требования, изложенные в данном Основопологающем решении. Совет должен оценить в течение года после каждой из указанных дат меры, предпринятые странами-участницами для выполнения положений данного Основопологающего решения, в докладе, составленном Генеральным секретариатом на основе информации, полученной от стран участниц, и письменном отчете, представленном Комиссией.

Статья 19

Вступление в силу

Данное Основопологающее решение вступит в силу со дня его публикации в «Официальном журнале» Европейского экономического сообщества.

*Составлено в Брюсселе
15 марта 2001 года*

*Для Совета
Президент М-И Клингвал*

ХРОНИКА В РЕГИОНАХ (СОСТАВЛЕНО А.ГРАСЕНКОВОЙ)

Новгородское региональное отделение центра СПР

Август

1. Реализация проекта «Подросток и закон», поддержанный Северо-западным Центром Развития.

Проект был направлен на работу с подростками, находящимися по решению суда в Центре временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей. Его основные задачи:

- Правовое и психологическое просвещение подростков-правонарушителей.
- Социализация подростков-правонарушителей.
- Создание условий для получения и проживания эмоционального опыта в ситуациях правонарушения – эмоциональное состояние обидчика и жертвы.

В результате реализации проекта были разработаны методические материалы и буклеты (закрепление правовых знаний) и переданы сотрудникам ЦВИНП для работы с подростками.

Специалисты центра курируют работу с подростками в ЦВИНП.

2. Проведены встречи с сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций Управления, которые изъявили желание ознакомиться с ведением программ восстановительного правосудия. Получено письмо поддержки от УИН по Новгородской области по обучению сотрудников новым социальным восстановительным технологиям работы с несовершеннолетними правонарушителями. Подана заявка на реализацию проекта в Северо-западный центр развития. Занятия начнутся в ноябре.

Сентябрь

1. Участие сотрудника нашей организации В. Ивановой в конкурсе творческих работ «Права человека в современном мире», организованном Петрозаводской городской детской общественной организацией «Юниорский Союз «ДОРОГА» при поддержке Благотворительного фонда поддержки инициатив гражданского общества «Точка опоры».

Октябрь

1. Начались занятия в школьной службе примирения школы № 34 (руководитель школьной службы примирения В.Н. Иванова). Занятия ведет тренер-консультант А. Панова. Служба расширилась, появились новые члены. Ребята полны желания осваивать новые технологии. С ребятами обсуждается план создания городской службы примирения «Общественный центр «Согласие».
2. Специалисты организации Т. Заманова и А. Панова участвовали в семинаре «Социально-психологическая реабилитация осужденных подростков», который проводила Санкт-Петербургская общественная организация социальной поддержки и взаимопомощи «Доверие» и который проходил в рамках проекта, поддержанного организацией «Международная тюремная реформа». На этом семинаре ознакомились с новыми формами работы с подростками-правонарушителями: «Общее собрание» и «Диалог».

Руководитель новгородского отделения Тамара Заманова.

**Работа комиссии по делам
несовершеннолетних и защите их прав Администрации
г. Заречного Пензенской области по внедрению технологий
восстановительной юстиции**

По г. Заречному:

- официально принята стратегия внедрения технологий ВП в работу социальных педагогов и социальных работников (это сделано путем принятия муниципальной Программы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на 2000-2002 гг.», таким образом, достигнута полная договоренность с органами власти города;
- принята стратегия продвижения технологий ВП по г. Заречному (см. описание в таблице);
- проведен семинар-практикум – ноябрь 2001 г. Проведение следующего семинара намечено на октябрь 2002 г.;
- подготовлено 30 ведущих программ ВП (социальные педагоги Департамента образования, социальные работники Департамента социальной защиты населения, Дома детства);
- на совещании 26 августа 2002 г. работала секция по использованию технологий ВП в профилактике социального сиротства в воспитательной деятельности школ города (докладчик директор школы №226 С.В. Лазарев – ведущий программ ВП);
- в июне 2002 г. состоялась встреча членов комиссии с работниками городской библиотеки с целью информирования о восстановительных технологиях. Также в библиотеку была передана литература, изданная Центром «Судебно-правовая реформа».

По Пензенской области:

- на областном семинаре информация о восстановительном правосудии доведена до сведения всех ответственных секретарей комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав Пензенской области (37 комиссий). А также в каждую комиссию вручена брошюра «Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа» СПР, таким образом, выполнена первая ступень стратегии по укоренению программ ВП на территории области;
- информация о применении восстановительных технологий благодаря нашим социальным педагогам–ведущим восстановительных технологий доведена до Института повышения квалификации педагогических работников г. Пензы.

Для всей сети, на мой взгляд, будет интересно узнать, что в нашем городе восстановительные технологии используются практически во всех школах г. Заречного. Социальные педагоги–ведущие применяют технологию в своей работе. Департамент образования при аттестации социальных педагогов поощряет тех, кто активно занимается этой практикой. Официально на совещании директоров по линии Департамента образования предложено руководству школ города в конфликтных ситуациях разного рода (конфликты между детьми; детьми и учителями; внутрисемейные конфликты) оказывать содействие в направлении дел социальному педагогу–ведущему ВП. Т.е. можно сказать, что даже при

отсутствии центра ВП, восстановительные технологии применяются во многих педагогических и социальных учреждениях города.

Елена Завалишина

Таблица 1. «Стратегия укоренения программ ВП по г. Заречному»

№	Формы	Время
1. Информационно-просветительское	Семинары, лекции, выступления (школы, СМИ, другие организации города и области)	В течение года
2 Практическое	Практические семинары по подготовке ведущих, Проведение процедур ВП ведущими ВП (социальными педагогами)	Ноябрь 2001 – Октябрь 2002 Конец 2002-начало 2003
3 Организационное	Организация центра ВП на базе МОУ «Центр». Введение в штат ведущих ВП Разработка юридической документации, закрепляющей передачу дел	В течение года Конец 2002
4 Теоретико-аналитическое	Сбор информации о проведении процедур, обработка, анализ, написание отчетов (статей)	
5 Финансовое	Защитить на сессии собрания представителей г. Заречного пункт «Организация и внедрение новых социальных технологий в деятельность учреждений системы профилактики» с финансированием в муниципальной Программе «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на 2003-2005 гг.»	

Дзержинск

1. В марте и июле этого года состоялись рабочие встречи в ГУВД: начальник Нижегородской областной ПДН, заместитель начальника ПДН УВД г. Дзержинска и Т. Лайша (руководитель Нижегородского областного отделения ЦСПР).

Повестка встречи (март):

- представление ЦСПР и его Нижегородского отделения;
- информация об опыте совместной работы Дзержинской ПДН и Отделения ЦСПР, проведения программ восстановительного правосудия;
- обсуждение возможностей расширения географии внедрения ВП в Нижегородской области. Начальник областной ПДН пообещала доложить руководству ГУВД по Нижегородской области о данной встрече и полученной ею информации о ВП.

12 июля состоялось совещание у первого заместителя начальника ГУВД. На совещании, организацией которого занималась Т.Н. Лайша, присутствовали руководители ЦСПР М.Г.

Флямер и Р.Р. Максудов. Они представили направления и масштабы работы своей организации и предложили совместно с ГУВД Нижегородской области разработать и реализовать проект, цель которого – проведение эксперимента на базе подразделений конкретных территорий по обучению инспекторов по делам несовершеннолетних новым восстановительным практикам. В рамках проекта будут проработаны возможные варианты новых организационных схем деятельности ПДН. По окончании совещания зам. начальника ГУВД выразил готовность своей структуры участвовать в предложенном проекте.

- 23-25 мая 2002 г. Т.Н. Лайша приняла участие в международной научно-практической конференции «Право и общество: актуальные проблемы взаимодействия» в г.Винница (Украина), выступив с докладом «Восстановительные социальные технологии разрешения конфликтов». Тезисы доклада опубликованы в сборнике материалов конференции.

Татьяна Лайша

Тюмень

По окончании пилотного проекта по внедрению идей восстановительного правосудия в Тюмени рабочая группа имела твердое намерение продолжить начатое дело, и самым реальным для нас была работа со школами и подростковыми клубами, а также с делами, которые проходили через комиссию по делам несовершеннолетних г.Тюмени.

Наработанный опыт по проведению примирительных встреч хотелось передать другим людям – тем, кто работает с подростками и знает молодежные проблемы.

Также мы не упускали любую возможность рассказать о прогрессивных идеях ВП, чтобы найти новых сторонников и энтузиастов, поскольку на данный момент только их убежденность и самоотверженность может продвигать новые социальные технологии, новый подход в работе с подростками. Так, О.С. Тарасюк читала лекции руководителям отделов социальных учреждений, приезжающим со всей области в Тюмень для повышения квалификации. Г.В. Галицких вела подобную работу с руководителями подростковых клубов, информировала депутатов городской думы.

20-21 ноября в Тюмени проходила научно-практическая конференция по обсуждению проблем интеграции деятельности образовательных учреждений с социальными структурами в профилактике асоциальных проявлений подростков.

Представители разных ведомств на конференции обсуждали вопросы: как скоординировать деятельность и сделать ее более эффективной? Как решать проблемы, которые сегодня встают перед молодыми людьми?

На секции «Внедрение элементов новой социальной технологии восстановительного правосудия как бесконфликтного существования в социуме» О.С. Тарасюк и Г.В.Галицких сделали анализ конфликтов в подростковой среде и рассказали участникам конференции об опыте внедрения программ примирения в Ленинском округе. Социальные педагоги школ, которые постоянно сталкиваются с детскими конфликтами, проявили большой интерес к технологии примирения и выхода из конфликтной ситуации, выразили желание обучаться новым формам работы.

Н.А. Шевчик была первым человеком, с которым рабочая группа ВП обсуждала идею проведения эксперимента по внедрению примирительных технологий в Ленинском округе. Будучи заместителем главы города по социальным вопросам и председателем комиссии по делам несовершеннолетних г.Тюмени, вникнув в прогрессивные идеи, она поддержала рабочую группу на этапе согласования Положения о проведении эксперимента в Тюмени и проявляла в дальнейшем интерес к этой деятельности. Сегодня Н.А.Шевчик – заместитель губернатора. Даже попасть к ней на прием не так просто. Но про идеи ВП она помнит, сама рассказывает о них на высоком уровне. В конце июля 2002 г. она вызвала из отпуска Г.В.Галицких, одного из специалистов по ВП в Тюмени, которая подробно рассказала представителю полномочного представителя Президента УрФО об эксперименте, который был реализован в Ленинском округе, о программах примирения.

Программы восстановительного правосудия имеют очень глубокий смысл, поэтому положительно воспринимаются людьми, имеющими разные статус, жизненный опыт, образование и сферу деятельности. Главное, эти идеи нужно донести до многих людей, рассказать о них, внедрить в повседневную жизнь и работу.

Обрядина Елена

Петрозаводск

- В Детско-юношеском центре утверждена программа «Дорога толерантности», состоящая из двух блоков: обучение по правам человека и обучение ВП. По этой программе работают два педагога: С. Гладких и Л. Кривошеева. С. Гладких продолжает работу службы примирения на базе школы № 29, Л. Кривошеева собирает на программу обучения школьных активистов из разных школ.
- 18–20 сентября при поддержке Минсоцзащиты Карелии мы провели семинар «Технология примирения» для педагогов Карелии. Участвовало 30 человек из шести районов Республики и Петрозаводска.
- 6 ноября в школе №38 прошел семинар для учителей на тему «Создание службы примирения». Инициаторами проведения семинара для своих коллег выступили социальный педагог школы М.С. Палькова и школьный психолог Л.Н. Пармина. В сентябре они прошли обучение по теме восстановительного правосудия на семинаре Юниорского союза «Дорога» и решили внедрить новые идеи в практику своей работы. Во время семинара педагоги школы № 38 проанализировали существующие сегодня способы работы с конфликтными и криминальными ситуациями и смогут оценить преимущества технологии примирения. Представитель Юниорского союза «Дорога» Любовь Кривошеева рассказала об опыте первых служб примирения, которые были созданы в прошлом учебном году при поддержке Фонда Сороса.
- Разработано положение о службе примирения как органе ученического самоуправления. Оно включено в план учебника школьного ученического самоуправления, который будет издан Юниорским союзом «Дорога» в декабре 2002 г. в рамках проекта «Путь к толерантной школе» (поддержка Фонда «Точка опоры»).

Денис Рогаткин

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаем благодарность всем участникам проекта и всем, помогающим его осуществлению:

Афтанделяну Раффи; Гладких Светлане; Гладышевой Екатерине; Городкиной Марине Юрьевне; Дроздовой Маргарите Ивановне; Дуровой Елене Сергеевне; Ершовой Наталье Федоровне; Замановой Тамаре Васильевне; Ивановой Вере; Коваль Роману; Кривошеевой Любе; Максимовой Татьяне Ильиничне; Мевх Наталье Григорьевне; Михайловой Антонине Ивановне; Пановой Альфии; Рогаткину Денису; Хегай Анне Сергеевне.

А также: Музею и общественному Центру «Мир, прогресс и права человека» им. Андрея Сахарова; Институту «Открытое общество» (фонд Сороса); Московскому Дому друзей; лаборатории ЭНЕИД при институте им. Сеченова; всем подросткам детских служб примирения.

ОБ АВТОРАХ

Коновалов Антон Юрьевич, руководитель направления «Школьные службы примирения», ведущий программ восстановительного правосудия, руководитель детско-юношеской общественной организации «Дорога», социальный педагог, психолог, автор статей по работе с подростками.

Максудов Рустем Рамзиевич, руководитель направления Программы восстановительного правосудия Межрегионального Общественного Центра

«Судебно-правовая реформа». Более 10 лет занимается изучением проблем работы с криминальными группировками молодежи. С 1997 года организует работу по реализации идей и технологий восстановительного правосудия и ювенальной юстиции в России. Является ведущим программ примирения жертвы и правонарушителя. Имеет опыт работы с более чем 50 случаями. Имеет 50 публикаций по тематике правосудия. Является доцентом кафедры публичной политики Высшей школы экономики.

Рогаткин Денис Владимирович, координатор Петрозаводской городской детской общественной организации Юниорский союз «Дорога», председатель Союза детских и молодёжных общественных объединений Карелии (СДМ), методист Детско-юношеского центра города Петрозаводска – руководитель кафедры общественно-значимых детских инициатив.

Панова Альфия Ахняфовна, сотрудник Новгородского областного отделения Центра СПР, психолог, тренер по подготовке ведущих, координатор службы примирения в школе № 34 Великого Новгорода.

Заманова Тамара Васильевна, руководитель Новгородского областного отделения Центра СПР, координатор проекта «Школьные службы примирения» в Великом Новгороде, ведущая программ восстановительного правосудия.

Хегай Анна Сергеевна, студентка ф-та международной журналистики МГИМО. Участник проекта «Школьные службы примирения». Ведущая программ примирения и детского воскресного клуба примирения.

Кривошеева Люба, ведущая программ восстановительного правосудия, руководитель службы в г. Петрозаводске.

Гатауллин Анвар, специалист в области обучения и информационных технологий.